

902.6
Г95

Н.Н.ГУРИНА
**ВРЕМЯ,
ВРЕЗАННОЕ
В КАМЕНЬ**

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

14343

Н.Н. Гурина
Время,
врезанное
в камень

Из истории
древних
лапландцев

Мурманское
книжное
издательство

1982

ББК 63.4(2)
Г 95

Рецензенты: **П.И. Борисковский** – доктор исторических наук
В.И. Тимофеев – кандидат исторических наук

Художник А.Г. Шаконец

Гурина Н.Н.

Г 95 Время, врезанное в камень: Из истории древних лапландцев. –
Мурманск: Кн. Изд-во, 1982. – 120 с. ил.

В пер.: 4 к. 5000 экз.

Автор – известный археолог, доктор исторических наук – рассказывает в книге о древней истории Кольского полуострова, о результатах своих исследований, знакомит читателя с процессом археологических раскопок, показывает далеко не легкий труд археологов. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Г 0507000000-31 24-82
M150(03)-82

ББК 63.4(2)
902.6

Мурманское книжное
издательство, 1982 г.

Можно дома за чаем сидеть,
Можно пить из далеких колодцев...

Вадим Шефнер

Не простая задача – знакомить читателя с автором книги. Представьте себе обыкновенную пожилую женщину в поношенной одежде, в невысоких резиновых сапогах, в каких обычно ходят за ягодами или грибами, с сумкой в руке, с небольшим рюкзаком за спиной. Необычна лишь тем, что многие годы ходит по бесконечной холмистой тундре, по которой вьется узкая оленья тропа, по берегу моря, с нависшими темными скалами.

А впрочем, может все наоборот: обыкновенная тундра, обыкновенное, из века в век, холодное море со скалистыми берегами. Необыкновенна лишь она, Нина Николаевна Гурина – ученый с мировым именем, доктор исторических наук, заведующая Ленинградским отделением Института археологии Академии наук СССР.

...Случилось так, что корабль, забросивший нас в губу Дворовую, на востоке северного побережья Кольского полуострова, не пришел за нами в установленный срок. Не пришел он ни на следующий день, ни через два, ни через три дня. И когда наш запас продуктов был исчерпан, нам оставалось только одно: попытаться в возможно короткий срок выйти к лежащему за несколько десятков километров от нас маленькому поселку. Нам – несколькими сравнительно молодым, привыкшим, к дальним переходам мужчинам и Нине Николаевне Гуриной. Нет надобности описывать подробно путь через крутые холмы и ущелья, через болота, переправы, через горные потоки и широкую полноводную Варзину. Когда, наконец, мы начали спускаться в долину, в конце которой уже были различимы домики поселка, случилось неожиданное. На самой тропе под ногами попался кварцевый

отщеп. И первая же закопушка, сделанная саперной лопаткой, подарила нам столько древних каменных орудий, сколько иной археолог увозит после месяца работы. Эта находка положила начало многолетним раскопкам серии уникальных по обилию и качеству материала разновременных стоянок, изучение которых продолжается и сегодня.

За многие годы наших совместных с Н. Н. Гуриной экспедиционных исследований трудностей было немало: и когда вертолет забросил нас на крайний восток Кольского полуострова, в бассейн Кочковки, и на каменных берегах Рыбачьего, и в уводивших к морю ущельях в долинах Териберки, Рынды, Золотой. И я помню Нину Николаевну как человека, всегда полного энтузиазма, человека крайней целеустремленности и самоотверженного служения делу научного поиска.

Немногие знают о том, что впервые на Кольский полуостров Н. Н. Гурина приехала в 1931 году в качестве организатора музейной и краеведческой работы в Кандалакше. Вскоре она стала работать сотрудником краеведческого музея в Петрозаводске, изучать знаменитые наскальные изображения первобытного человека на побережье Онежского озера и в долине реки Выг. Вместе с блестящими исследователями А. Я. Брюсовым, В. И. Равдоникасом, М. А. Линевским она участвовала в расшифровке этих исторических и культурных памятников мирового значения. Затем она изучала другие археологические объекты. Ее исследования не останавливались даже в годы войны, когда Нина Николаевна преподавала на партийных курсах при ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. Результатом исследований тех лет стал ее труд «Древняя история северо-запада Европейской части СССР», а позднее книга «Карелия глазами первобытного художника».

В первые послевоенные годы Нина Николаевна начала работы по изучению древних памятников Кольского полуострова, работы, которые она ведет и по сей день. В течение трех десятилетий, а в последние пятнадцать лет ежегодно, она возглавляет Кольскую экспедицию Института археологии

АН СССР. На смену скудным сведениям о прошлом нашего края, собранным ее предшественниками А. В. Шмидтом, Г. И. Горецким, Б. Ф. Земляковым, родилась древняя история нашего края, созданная Н. Н. Гуриной.

Мир прошлого Кольского Севера, открытый Н. Н. Гуриной, увлекателен и огромен. Ею открыто более трехсот неолитических стоянок: на морских побережьях, на берегах Ковдозера, Имандры, Умбозера и особенно Ловозера. И единственная в своем роде «картинная галерея» наскальных изображений в долине Поноя, сотни рисунков на камне, открыта тоже Гуриной.

Исследования Н. Н. Гуриной стали достоянием мировой науки, вошли в историю культуры нашей страны. О своих находках и открытиях она докладывала на научных форумах во Франции и Италии, в Финляндии, Чехословакии, Польше.

Приезжая в Ленинград, я всегда спешу заглянуть к Нине Николаевне. Встречи наши просты. Мы сидим в ее маленькой квартире на Васильевском острове, пьем кофе. Иногда она вспоминает Париж или Прагу. Но чаще – узкую оленью тропу, что некогда вела нас из губы Дворовой к устью Варзины.

И, наконец, несколько слов о самой книге. «Время, врезанное в камень» – произведение особого жанра, в нем ученый доверительно сообщает читателю тайны своего ремесла, широко открывает двери творческой мастерской. Классики этого ответственного жанра – В. А. Обручев, А. Е. Ферсман, Ю. А. Крачковский. «Время, врезанное в камень» не уступает прекрасным книгам, созданным этими замечательными популяризаторами. Результаты исканий ученого-археолога представлены в настоящей книге ярко, глубоко и честно. И я заранее рад за читателя, которому предстоит познакомиться с этой книгой.

Б. КОШЕЧКИН.
Председатель президиума Северного филиала
Географического общества СССР,
кандидат географических наук[4]

От автора

Пытливому уму
и горячим сердцам северян
посвящаю я эту книгу

Во время работы в экспедиции неизбежно встречаешься с большим количеством людей, которых интересуют раскопки, и они просят рассказать о их результатах и вообще о древней истории Кольского полуострова. Спрашивают, что можно почитать на эту тему. А литературы, доступной для широкого читателя, действительно не существует. Именно из желания восполнить пробел, и родилась эта книга.

Мне хотелось передать в ней не только основные сведения о древней истории Кольского полуострова, какие мы получили в результате раскопок, но и познакомить читателя, хотя бы в очень общих чертах, с процессом археологических раскопок и, наконец, показать далеко не легкий труд археологов. И еще хотелось мне хотя бы очень немного, но все же рассказать о природе Кольского полуострова, о специфике его исследования. Рассказать о «березовой роще» – ростом не выше десяти сантиметров, о грибах «надберезовиках», головы которых возвышаются над «рощей», о холодных ветрах-«морьянках» и дождях, которые могут идти целыми неделями, делая нашу работу почти невыносимой. Но зато в такие дни еще острее ощущается удивление и рождается уважение к древним обитателям столь сурового, но прекрасного края.

Но больше всего мне хотелось бы рассказать о людях, которых мы встречали на своем пути. Они были различными, но всегда добры к нам. Нет возможности перечислить здесь тех, кто помогал нам в работе. Они занимали и очень высокие посты. Были и рыбаки, служащие пароходства и просто те, кто с подлинным интересом расспрашивал нас в пути – прямо на пароходе. А сколько было тех, кто делил с нами – археологами – и тесное жилище палатки, и трудности дорог и бездорожья, и последний кусок хлеба. Они

живут в разных городах нашей страны, но мы помним о них. Всем людям, оказавшим нам когда-либо посильную помощь, я выражаю глубокую признательность. И могу смело сказать, что, если бы не они, мы не смогли бы сделать того, что сделано.

Часто меня спрашивают: «Почему Вы занялись археологией именно Севера, ведь на юге памятники богаче и ярче?» И в самом деле, почему я избрала для изучения Север? Любовь к Северу родилась у меня еще в юности. Любимым моим писателем был Джек Лондон. Я восхищалась сильными характерами его героев, их мужеством. Тянула меня к себе и суровая природа Севера. И это увлечение с годами не исчезло, а окрепло. И уже после первой поездки на Север я поняла, что полностью попала к нему в плен.

Тогда еще существовало представление о почти полной необитаемости Кольского полуострова в далеком прошлом. К началу работ нашей экспедиции (1946 год) были известны археологические находки только с трех мест, и лишь в одном случае это были вещи, полученные из более или менее широких раскопок (Оленеостровский могильник на Баренцевом море), в других же случаях (на реках Варзуге, Ниве и полуострове Рыбачьем) – только в результате сборов и рекогносцировочных раскопок геологов. Вот тогда и родилось у меня желание отыскать неведомое, найти следы людей, впервые проникших в этот суровый край, людей, которые[5] должны были обладать огромным мужеством, чтобы жить здесь. Захотелось познать их историю, оценить их посильный вклад в развитие мировой культуры и донести это до современников.

В те годы были сделаны первые удачные открытия древних поселений, убедившие нас в правоте сделанных предположений. Каждые последующие работы раскрывали новое, но вместе с тем рождали новые вопросы, ответ на которые можно было получить лишь в результате последующих изысканий. Некоторые вопросы остаются открытыми и сейчас, оттого и невозможно прекратить археологические исследования Кольского полуострова. Будущие

работы, несомненно, позволят не только разрешить недоуменные вопросы, но и значительно углубить наши представления о древней истории народа, обитавшего на этой территории, а также, вероятно, выявить более отчетливо звено истории, связывающее этот древний народ с коренными жителями данного региона – саамами.[6]

Дороги в прошлое

Лапландия – «страна холода и вечного мрака», «мрачная Похьёла, населенная чародеями» – такой рисовалась область, раскинувшаяся между 66 и 70° северной широты, в воображении ее древних соседей – творцов «Калевалы». «Большую часть года Лапландия покрыта снегом, реки замерзают, солнце с осени еле-еле появляется на горизонте, и обреченные на продолжительное сидение в темноте жители влекут однообразные дни, с нетерпением ожидая краткого лета; по равнинам лопарской земли, среди мрака, среди мертвой природы наступает господство хищных волков, которые подчас огромными стаями бродят по снежным равнинам... Все, кажется, соединяется, чтобы нанести ущерб лопарю, – все силы природы словно готовы разрушить и без того незавидную долю лопаря, словно хотят воспрепятствовать человеку проникнуть и обосноваться в этой стране мрачных духов»¹, – писал известный русский этнограф Николай Харузин, посетивший во «вторую половину лета» 1887 года Кольский уезд Архангельской губернии, знакомясь с «этнографическими чертами русских лопарей» по поручению Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

Но есть и другая характеристика Лапландии – современной Мурманской области – свидетельства людей, прошедших здесь не часть короткого лета, а многие годы. В их представлении это удивительно прекрасный уголок земли с чудо-минералами, с тундрой необыкновенной красоты, с богатыми морями.

«Зима встретит Вас бархатно-темной полярной ночью и прозрачным чудом северного сияния, а заполярное лето поразит своим незаходящим солнцем и ярким созвучием красок. Но Север не только неповторимая нежная прелесть природы. Север – это люди с мужественными, верными и щедрыми сердцами» – так говорится в «Свидетельстве», выдаваемом

---

¹ Н. Харузин. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890, 3, 4.

почетным посетителям Мурманским областным краеведческим музеем. И мы верим ему. Многие годы исследований на Кольском полуострове заставили нас на всю жизнь полюбить этот суровый, но прекрасный край.

Впервые наша экспедиция попала на Кольский полуостров в 1946 году. Кончилась война. Суровые годы для нашей страны. Фашистские захватчики оставили тяжелые раны в сердцах людей. Продукты выдавали по карточкам. Снабжение экспедиций велось централизованно – в Москве. До сих пор трудно забыть, как, поднявшись над Ленинградом на самолете, мы недоумевали – что же внизу? Гигантскими сотами выглядела сверху земля, израненная снарядами и бомбами.

И в следующем, 1947 году с продуктами оказалось не легче: централизованного снабжения уже не существовало, сотрудники экспедиции просто отоваривали свои карточки. Именно тогда и случилась с нами неприятность.

Мы обследовали северное побережье, пользуясь пассажирским пароходом, иного транспорта не было. Работу приходилось строить таким образом, чтобы исследовать участки – в основном устья рек – в интервалах между приходами пароходов. Высадится, например, отряд в Гремихе, обследует Иокангское озеро, пока пароход дойдет до Поноя и вернется [7] в Гремиху, доплываем на нем до Харловки и работаем там до следующего рейса парохода, обследуя всю округу, куда можно добраться пешком. А вот на обследование Титовки у нас оставалась всего лишь одна ночь, к счастью, солнечная. Здесь был конечный пункт, куда заходил пароход и через несколько часов возвращался обратно. Следы войны ощущались во всем. Земля изрыта снарядами, всюду подбитые танки, искореженные винтовки, патроны. И все же нам удалось отыскать следы древней стоянки, где уцелели даже обломки сосудов.

В тот год, передвигаясь на пароходе, мы решили, что один отряд (всего четыре студента) высадится в Териберке и обследует устье реки Териберки, в то время как остальная группа проедет на реку Воронью и займется ее

осмотром. Подплыли к Териберке днем, но погода стояла скверная, волнение не менее четырех баллов. Пароход стоял на рейде. Пассажиры по веревочной лесенке спускались в небольшую весельную лодку. Вот уже один юноша, за ним мужчина – в лодке. Затем – наш студент; второй добрался лишь до половины лесенки, и вдруг я вижу, что лодка начинает погружаться, кричу ребятам: «Обратно, на пароход!» Сообразили, быстро взобрались трое, двое остались в лодке, и, облегченная, она поднялась на волну, зато все вещи смыло: и рюкзаки с одеждой, и, главное, ящик с «пайком», полученным по карточкам, – хлеб, крупа, сахар. Вещи уносило волнами дальше и дальше от парохода, и никто не пытался их спасти. На удивительно ярко-зеленых от солнца волнах качались наши рюкзаки.

Так лишились мы продуктов. Пришлось высадить первый отряд в устье Вороньей, отдав им часть нашего пайка, а самой со студентами плыть в Захребетное, но уже без продуктов. Работали там мы до прихода следующего парохода, нашли ряд древних стоянок. Кормили нас рыбаки. Вот тогда я впервые поняла, что за народ живет на Севере. Где бы ни путешествовала потом, я нигде не встречала людей добрее и отзывчивее, чем жители северных рыбацких поселков. Видимо, суровые условия Севера научили их быть Людьми. Такими их удержала память и закрепили последующие встречи.

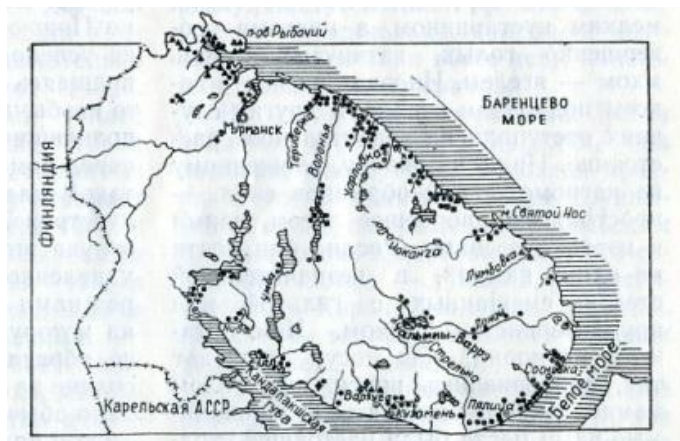
Вспоминается из того далекого времени и другое. Для первого обследования на Кольском полуострове мы выбрали южное побережье, поскольку к тому времени у меня накопился опыт по исследованию древних памятников Карелии. Кроме того, имелись сведения, что геолог Г. И. Горецкий (ныне академик) при строительстве Нивской ГЭС обнаружил несколько неолитических стоянок на Пинозере. Думалось, что наблюдения над этими памятниками укажут путь к поиску новых. Однако нам не повезло. Пройдя изрядное количество километров до Пинозера, мы убедились, что вырытый для ГЭС котлован поглотил стоянки, от них не осталось и следа. Теперь приходилось полагаться только на собственную интуицию.

Часто нам задают вопрос: «А как вы узнаете, где надо искать?» Действительно, начинать археологические разведки в совершенно новом районе для исследователя сложно. Сложно до тех пор, пока не найдена серия памятников, позволяющая уловить закономерность в их расположении. Поскольку древние люди в большой мере зависели от окружающей природной среды, постольку исследователю в первую очередь необходимо знать геоморфологию данного района, то есть суметь по-особому «прочитать»[8] местность. Взамен пониженных участков берега он должен уметь увидеть морские заливы или озерный бассейн, а на месте мелкого теперь ручья по широкой его долине воссоздать в воображении некогда мощную реку. Тогда берега ручья отодвинутся далеко от современных, вместо болота предстанет блестящая гладь озера, а в небольших возвышениях на пойме выступят древние острова.

Есть общая закономерность в расположении древних поселений и могильников для каждого исторического периода, но есть и локальные особенности, обусловленные характером данной местности в древности. Отчетливо прослеживается тенденция в размещении древних поселений, так же как и современных, вблизи рек или озер, на сухих песчаных участках. В лесной зоне во время неолита особенно излюбленными местами являлись стрелки – места впадения притоков в крупные реки – и их старицы, что обуславливалось господствующей формой хозяйства – рыболовством. Ловить рыбу в широких и глубоких реках теми средствами, которыми тогда располагал человек, было трудно. Когда появилось скотоводство, люди стали выбирать для своих поселков открытые травянистые места, часто заливные луга.

Вместе с тем в каждом районе необходимо учитывать и его особенности. Так, в отдельных областях происходило в разные периоды поднятие суши, отчего море или озеро «отходило» от берега, в результате чего он оказался теперь на значительном расстоянии от современного зеркала воды. В таком случае древние памятники приходится искать на

коренных берегах. В других областях, где, наоборот, местность понижалась, могильники и стоянки могут оказаться на заболоченных участках или прямо под водой. Необходимо знать, в какое именно время происходило поднятие или опускание суши, а, следовательно, и наступление моря или озера на берег (трансгрессия) или, наоборот, отступление его от берегов моря или озера (регрессия). Не зная этого, можно бессмысленно потратить время в поисках памятников на тех террасах, которые в то время еще представляли дно моря или озера. Так, например, близ Кольского полуострова в эпоху мезолита море имело более высокий уровень, и потому безнадежно искать мезолитические стоянки на низких террасах.

Основные археологические памятники
Кольского полуострова

В 1946 году, когда только начинались исследования Кольского полуострова, многое для археологов было неясно. Вспоминается, сколько волнений, порой доходивших до отчаяния, испытали мы в первые дни, пока

обследовали побережье в районе посел[9]ков Белое Море и Княжая Губа. Казалось, что найти древние поселения будет невозможно. И так считали до тех пор, пока не нашли целую группу неолитических стоянок на реке Ниве вблизи Кандалакши, затем на морском побережье около Кандалакшского лабиринта, на берегу Колвицы и Колвицкого озера, обнаружили лабиринт близ Умбы, в Порьей губе (в местности, называемой Аннин Крест) и ряд других памятников.

Нельзя не отметить крайнюю трудность условий разведки. Дело заключалось не только в трудности ходьбы по сильно пересеченной местности и полном отсутствии транспорта, а прежде всего в характере грунта. Бесконечная галька самых различных размеров и форм заставляла

выискивать культурные остатки с особой тщательностью. Вследствие этого продвигались страшно медленно, однажды за четырнадцать часов непрерывной ходьбы мы прошли двадцать километров, правда, при этом не была пропущена ни одна яма, ни один карьер.

Весь левый берег Нивы представлял собой цепь высоких округлых гранитных гор, местами поросших мелким кустарником, а местами совершенно голых, затянутых лишь мхом – ягелем. Иногда они почти совсем подходили к воде, в других случаях отступали на значительное расстояние. Ниже по склону, сложенному из нагромождений обрывков скал, – пространство, поросшее лесом, елями и изредка соснами. Росли они почти на одних камнях, в незначительной степени смешанных с галькой или крупнозернистым песком. Чем питаются их корни? Как могут они вот так, прилепившись почти на голом камне, жить и развиваться? Проходимые нами места были настоящей страной камня. Камни разноцветные: серые, красноватые и почти розовые. Растительный покров также имел множество оттенков – от темно-зеленого и буроватого до нежно-зеленых. Но самое замечательное здесь – небо, нежное и такое голубое. И трудно привыкнуть, что в двенадцать часов ночи солнце все еще на небе, хотя виднеется только его краешек. Очень суровая и в то же время очень красивая природа.

Позже, узнавая этот край ближе, я не переставала удивляться и восхищаться им. Какие необычайно яркие и сочные краски цветов в Заполярье! Впервые они поразили меня на Рыбачьем. Машина бежала по дороге вдоль берега моря, а по обеим сторонам ее тянулись заросли ярко-малинового иван-чая, густо-синие колокольчики и горошек. Как-то на одном маленьком участке, пять на пять метров, я насчитала тринадцать сортов. Однажды мы были сильно озадачены, а потом просто потрясены необычностью картины. Прилетели мы в саамский поселок Краснощелье к вечеру. Занялись устройством лагеря – установкой палаток, приготовлением ужина. Наутро рано ушли в разведку по Поною, и, по сути дела, я совсем не успела рассмотреть поселок. Возвращаясь из разведки, я увидела нечто

необычайное – ярко-синие цветы, заполнявшие значительное пространство перед домом. Я еще никогда не видела такой массы цветов на Кольском полуострове. Невольно мы остановились: откуда это? Но каково же было наше удивление, когда мы поняли, что перед нами просто цветущая картошка, на которую в средней полосе никто не обратил бы внимания. Полярное солнце за дневные и ночные часы придало обычным цветам изумительно чистую и яркую окраску.[10]

Так же поразительны здесь и мхи, очень крупные, ярко-фиолетовые. Мох, растущий на песке, нередко принимает правильную округлую форму, и кажется, что это плоская огромная ваза.

Удивительно разнообразие цветов, их оттенков, поражает и их величина. Особенно трогательны цветы, растущие в трещинах скал, нередко совсем крошечные и такие красивые на фоне серого гранита. Можно без конца рассказывать о цветах Заполярья, несущих радость человеку на суровом Севере.

Как интересно знакомиться с природой, узнавать новое об этой земле, то ласково-солнечной, то холодной и серой! Это необходимо, чтобы, пусть приблизительно, понять условия жизни древнего ее обитателя.

Следует сказать особо о Кольских березах. Без берез северную часть Кольского полуострова представить нельзя. Ивняк тоже, конечно, есть, но мало, и не он определяет «лицо» тундры, чаще он растет в пониженных, слегка заболоченных местах по берегам речек и ручейков. Зато березка повсюду – и в низинах, и на скалах. Не ожидайте увидеть в тундре зеленокудрые белоствольные деревца (и уж, конечно, не такие, как на Урале). Березы растут исключительно по склонам, защищенным от ветра, или по долинам рек. Здесь теплее и почвы наносится больше, трава со мхом слагают почву – торфяные подушки, а излишнюю влагу забирает река. Редко-редко, но встречаются и березы – деревья с кряжистыми стволами и сучьями. Листья такого дерева уже похожи на «настоящие» березовые, а ствол чаще красный.

Но больше всего вызывает восхищение низкорослая березка, покрывающая значительные участки открытого пространства. Какой силой надо обладать ей, чтобы не погибнуть в суровых условиях. Кажется, все ополчилось против нее. Корни почти не встречаются почвы, она всего два-три сантиметра, а под ней твердый гранит. На ничем не прикрытом пространстве гуляет ветер, не имея преград, обдающий леденящим дыханием. Но страстное желание жить помогло березке приспособиться к условиям, почти невозможным. Постепенно выработался ее рост, дерево иногда бывает не более пяти сантиметров. Ветки стелются по земле, лучеобразно расходясь от одного корня. Нижняя часть веток плотно прижата к земле, а листочки круглые, не больше сантиметра. Такова «крона» березы. Корень же длинный, не меньше кроны, узловатый и крепкий – не вытащишь. Такая березовая «роща» и покрывает скалы. К августу листочки желтеют, зеленые ковры сменяются желтыми со множеством оттенков — от золотого до бурого. А над таким «лесом» возвышаются «надберезовики». Как назовешь их «подберезовики», если они выше самого дерева, от которого получили название? Сначала издали видишь гриб и только позже разглядишь березку. Растут в такой «роще» во множестве подосиновики, красно- и желтоголовые (но осин вовсе нет), немало сыроежек и белых грибов.

Все познается в сравнении. Когда я начинала работать в Карелии, она казалась мне суровой и поиски археологических памятников там трудными, а сейчас, по сравнению с Кольским полуостровом, в особенности с его северной частью – тундрой, – растительность Карелии выглядит пышной, климат – теплым, а поиски древних памятников – легкими.

Но на Кольском полуострове еще и в настоящее время остались глухие места, где ни жилья, ни дорог, и тогда[11] археологам, так же как и раньше, все приходится тащить на себе.

Более чем за тридцать лет работы экспедиции на Кольском полуострове пришлось повидать многое, пользоваться самым различным транспортом – и комфортабельными пароходами, и собственными

экспедиционными грузовыми машинами. Но больше было пешеходных, нередко тридцатикилометровых переходов по горам и болотам. И жили мы иногда в куваксах, но чаще всего в палатках.

В последние годы до места основной работы экспедиции – бухты Дроздовка мы добираемся на теплоходе. Вот и сегодня стоим на палубе белоснежного теплохода «Алла Тарасова».

Опять свинцово-серое небо. «Солнышко никак не пробьется», – с грустью замечает одна из женщин, стоящая неподалеку от нас в небольшой группе таких же людей, как и мы, с полевыми сумками. И действительно, солнышку трудно. На небе только очень маленькие светло-серые окошечки, но все же и они чуть-чуть высветляют небо и землю, рождая слабую надежду на то, что погода установится после стольких дней ненастья. А пока серое небо, серые скалы, на которых проступают зеленые мхи и кустики травы.

Перед глазами широкая песчаная бухта, но песок только на переднем плане (а за ним тоже горы), он очерчивает лишь узкую полоску, но все же сразу приковывает взгляд археолога, уловившего за многие годы странствований по побережью определенную закономерность в расположении древних поселений.

Пароход стоит на рейде, и есть время для наблюдений. Не сразу узнаю, что это такое. В памяти всплывает широкая бухта – Териберка, но реки не видно, она прикрыта от меня сейчас пологим мысом. Можно рассмотреть маленькие серые домики, сливающиеся с такими же серыми скалами. Над ними возвышаются двухэтажные дома, а в соседней бухте, справа от пологого мыса, группа высоких четырехэтажных домов и силуэты судов. Я давно не была в Териберке, потому и не представляла себе, как она разрослась. Из прошлого выплывает иная картина. Та же плоская бухта, вытянутая в ширину, рассеченная Териберкой. Она практически занимает весь правый берег реки, на левом – свободного пространства меньше, но все же достаточно для небольшой группы домов. Когда мы были здесь в разведке, в бухте поглубже, на левом берегу стояли еще тупы саамов. В

поисках стоянок наша небольшая группа прошла во время отлива по береговой кромке правого берега реки, вплотную к отвесной скале, а возвращаясь во время отлива, пришлось подниматься вверх и пробираться уже по скалам.

Хотя и тогда уже (в 1947 году) бухта была занята становищем Териберка, свободного от построек места оказалось достаточно для того, чтобы мы могли найти несколько неолитических стоянок на правом берегу, недалеко от поселка, и на левом – вблизи порога. Именно тогда и родилась мысль, правильность которой подтверждалась с каждым новым памятником, что стоянки древнего человека возникали у самого устья реки только в том случае, если по соседству были другие, хотя бы небольшие, источники пресной воды, водопады, падающие с гор, или ключи, выходящие на поверхность, поскольку в устьях рек вода во время прилива в бухте приобретала горьковато-соленый вкус и была непригодной для питья.

Стоянки оказались сравнительно[12] небольшими, видимо, широко открытая к северу бухта была слишком холодной и потому неудобной для жизни людей в прошлом. Скорее всего, небольшие поселки существовали здесь в различное время, но в рамках неолитической эпохи. Как и на многих других стоянках северного побережья полуострова, орудия изготовляли из кварца, плотного, мелкозернистого, который легко обрабатывался. Все находки лежали почти на поверхности, прикрытые лишь тонким слоем песка. Предметы, изготовленные из органических веществ – кости, дерева, исчезли в большой мере, уничтожилась и керамика. Из кремневых изделий мы нашли наконечники стрел, из сланцевых – наконечники копий.

Теперь в Териберке следы пребывания древнего человека уничтожены полностью, все наиболее интересные в археологическом отношении места застроены.

...Пароход снялся с якоря. И вот мы в бухте Дальние Зеленцы. Длинная, узкая губа Ярнышная. Перед глазами – гора, которая пересечена дорогой, поднимающейся вверх, в небольшое понижение между горами. Слева от

дороги – домик – пристань. Услужливое воображение рисует то, что скрывается за горой: небольшие домики поселка на переднем плане и более крупные здания в глубине, среди них – Морской биологический институт Кольского филиала Академии наук СССР, где трудятся ученые. Настоящие подвижники. Надо иметь большую твердость духа, выдержку, силу воли и, главное, страстную преданность, увлеченность наукой, чтобы жить тут многие годы. И они работают Много и успешно и, что особенно ценно, интересуются более широкими разделами науки – историей развития культуры человечества.

Это Дальние Зеленцы и их обитатели сегодня. Откидываем мысленно несколько тысячелетий назад – и перед нами встают иные люди и иные «селения».

На ровном высоком плато, оконтуренном с одной стороны горами, с другой – морем, на берегу небольшой речки (ныне только ручей) располагались жилища древних: людей, наверное, похожие на саамские куваксы. Люди давно исчезли, а их орудия труда остались. Ветер, достаточно сильный здесь, за многие, многие годы развеял и поднял на поверхность множество отщепов кварца, искрящегося на солнце, изготовленные из кварца скребки и резцы, реже кремневые скребки и наконечники стрел.

Площадь, занятая находками, значительна. При проведении разведки в 1973 году мы нашли орудия и на месте современной школы, но самые большие коллекции – в бухте, которая называется теперь Дальний Пляж. Из самого названия понятно: и в действительности – это широкая песчаная, прикрытая от северных ветров бухта, в глубине которой расположено чистое, прозрачное озеро с выбегающей из него веселой маленькой речкой, впадающей в море. Очень удобная для жизни бухта, и заселялась она в древности не менее чем дважды.

У самого моря и в небольшом удалении от берега сохранились следы древних поселков. Помимо орудий из кварца, там обнаружены и кремневые наконечники, обработанные ретушью, и сланцевые, зашлифованные по всей

поверхности, а также сланцевые зашлифованные топоры. Отчетливо видны и следы жилищ. От них остались очаги, сложенные из камней, зола и угли в середине очагов, будто только вчера обитатели покинули жи[13]лища, и кажется, что они еще хранят тепло. Анализ углей с помощью радиоуглеродного метода показал, что огонь погас здесь 3900 лет тому назад.

Ближе к морю располагался поселок более позднего времени, когда люди уже познакомились с металлом и изготавливали сосуды, примешивая к глине, чтобы сделать ее менее жирной, толченый асбест – «горный лен». По остаткам углей, найденным в кострах того времени, определили дату существования поселка – 1720 лет тому назад. Мы успели тогда раскопать сохранившуюся часть поселка, хотя уже и затронутого разрушением. А сегодня исчезли все следы – их поглотил огромный песчаный карьер, из которого выбирали песок для строительства дороги.

...И снова тронулся пароход, оставляя позади Дальние Зеленцы. Поселок кажется теперь таким маленьким по сравнению с морем. Мне вспоминается, как в тот же, 1973 год пароход «Торос», принадлежавший Кольскому филиалу Академии наук СССР, периодически забрасывал экспедицию в отдаленные пункты, куда не заходили пассажирские пароходы. Одним из них оказалась бухта Дворовая. Всего нас вместе с геологами было восемь человек. Условившись, что пароход зайдет за нами через шесть дней, мы за это время собирались обследовать не только бухту Дворовую, но и, в пределах доступного, прилегающие к ней бухты.

Закончив работу, мы возвратились в Дворовую. Все прошло успешно. В бухте Сидоровка нашли три стоянки, расположенные по обоим берегам реки на террасах различной высоты, относящиеся, судя по характеру орудий, к эпохе неолита. Обнаружили интересные поселения и в самой бухте Дворовой. Часть их (более древние) располагалась на высоком плато, а две – значительно ниже. Особенно интересные орудия встретились на нижних стоянках – кремневые наконечники стрел. Здесь хорошо сохранился культурный слой.

Намеченный план выполнен. Но вот беда – на море начался сильный шторм. Волны, набегая на открытую каменистую бухту, швыряли тяжелые камни. Стоял страшный грохот. Нечего было и ждать, что за нами придет «Торос». Даже если бы он и решился приблизиться к бухте, подъехать к нему на лодке все равно совершенно невозможно. Итак, нам оставалось одно – ждать, когда утихнет ветер и успокоится море. И мы ждали, ютились в домике и в полуразвалившемся сарае. Домик связиста довольно типичный для этих мест, размером не более шести квадратных метров. Справа от входа – печка, сложенная из кирпичей, занимающая около квадратного метра. Против нее на стене висит деревянный ящичек, в котором лежат миски, кружки, несколько ложек, соль и спички. Вплотную к печке и шкафчику примыкают нары. Внутри помещение освещается крошечным щелевидным окном в ширину двух выпиленных бревен. К домику пристроены маленькие сени с дырявой крышей. В домике разместились четыре женщины – три на нарах и одна на полу, между нарами. Мужчины спали в сенях и в оставшейся части некогда существовавшего сарая.

Ветер не утихал и день, и два, и четыре. Особенно он шумел ночью. Домик стоял на самом берегу, на каменистом пляже – на прибойной полосе. Вокруг него полукругом поднимался высокий (около тридцати метров) берег – относительно небольшая ровная площадка, ооконтуренная высокими скалистыми горами (место[14] птичьих базаров). С горы домик связиста казался крошечным, не более спичечной коробки.

Волны с силой ударялись о берег и катили крупные камни в глубину прибрежной полосы, а отступая от берега, увлекали их ближе к морю. Железные бочки, валявшиеся на берегу, катались по камням то к морю, то в глубину бухты.

Так прожили мы пять дней в ожидании, когда уляжется буря. Все продукты кончились, не было ни хлеба, ни крупы, ни сахара. И мы решили добираться до ближайшего селения, неся весь груз на себе: спальные мешки, палатки, коллекции и личные вещи. Шли без дороги, только по карте,

тридцать километров, пересекли две реки вброд (одну из них очень крупную – Варзину). Путь был трудным. Он лежал по заболоченному пространству, чаще просто по болоту, в котором утопали ноги, а когда скалы поднимались прямо из озерков, карабкались на гору и брели по ней, огибая или пересекая болота, лежащие на горе, обходя крупные каменные глыбы, поскольку вершины гор не имели ровного плато и идти было не легче, чем по болоту. Снова спускались вниз на оленьи тропы, снова поднимались вверх, если скалы, обступая озера, не оставляли места для прохода.

Через двенадцать часов, уже к вечеру, достигли мы населенного пункта. Утром пришел «Торос». И когда в середине ночи плыли по еще не Успокоившемуся морю, которое швыряло наш пароход, мы увидели вдали Дальние Зеленцы. Они показались нам огромным городом, утопающим в огнях.

Когда мне задают вопрос: «Что Вы больше всего любите?» – я становлюсь в тупик. Пытаясь среди многообразия предметов и ощущений назвать бесспорное, я понимаю, что сильно люблю дороги. Может быть, некоторым это покажется странным, но я люблю дорогу, видимо, потому, что она означает движение. Я, действительно, люблю всякую дорогу – и широкую, которая «как скатерть легла», покрытую асфальтом, прямую, упирающуюся одним концом в небо, люблю и маленькую, едва заметную тропку, мягкую и слегка влажную, протоптанную по лугу. Но особенно ценю я тропку тонкую, как ниточка, выющуюся среди кустарников.

Вероятно, я люблю дорогу потому, что очень много ходила и ездила, почти всю жизнь. Так ценить, как я, даже самые маленькие дорожки может только тот, кто часто пробивался, в особенности в тундре, через густой кустарник стелющейся карликовой березы и ивы. Они оплетают всю землю своими тонкими, прочными, как железная проволока, стволами и ветками (по существу, у них они почти нераздельны). Поставишь ногу, а вытаскиваешь ее с таким трудом, будто попадаешь в капкан. Но зато какое облегчение испытываешь, попав на маленькую, едва заметную, вытопанную людьми

или оленями тропку, и как боишься потерять ее. Вот она впрыгнула на гранитный массив – «бараний лоб» – и исчезла, и ты снова с трепетом стараешься найти ее. Наверное, для того чтобы по-настоящему человек оценил то, чем владеет, надо на время отнимать у него это.

А какую радость доставляла маленькая, порой едва приметная, тропка, я не говорю уже о дороге, на которую выберешься из сплошного болота, где ноги утопали в грязи, где прыгал с кочки на кочку, где чувствовал порой, как у тебя под ногами прогибалась и колыхалась почва, а ты даже не знал, туда ли идешь.[15]

Не раз прочувствовав это, хочется предостеречь новичков. Не пытайся, путник, сократить дорогу – прогадаешь. Тропа найдена людьми или умными оленями, а они выбирают кратчайший, наиболее удобный путь. Троп много, они то соединяются, то расходятся, чтобы встретиться снова. Но в целом они разумны, они обходят отвесные скалы, нагромождения камней, скользкие от сочащихся родников, топкие болота и многочисленные озерки. А если тропа пролегла через болото, иди и ты по ней, путник: прошли олени – пройдешь и ты. Двинувшись напрямик, не выиграешь время, все равно придется вернуться или проделать труднейший путь. Лучше иди сразу в обход, куда зовет тебя тропа, поверь опыту, так ошибались мы не раз в начале работ. Тропа – это уже люди, хотя ты их и не видишь. Они проходили здесь, может быть, очень давно, но проходили, и какой-то из концов тропы приведет тебя к ним. Пусть не тот, по которому ты пойдешь сначала, пусть противоположный, но ведь можно же вернуться, даже если ты и ушел далеко, и тогда ты обязательно увидишь людей. А может быть, услышишь пение петуха или почувешь запах дымка, и покажется тебе тогда петушиное пение прекраснее соловьиного. На дороге, на тропе ты не одинок, хотя нередко шагаешь по ней один. Потому что всегда незримо чувствуешь связь с людьми. Невольно вспоминается мне такой случай.

Мы обследовали один из трудных участков побережья Кольского полуострова. Был июль, но лето задержалось, и наши палатки стояли на краю

снежного поля. Снег постепенно таял, но чуть пониже по течению реки он лежал еще сплошным покровом. Солнце стало горячим: на Крайнем Севере нельзя медлить – за короткие недели растение должно подняться из земли, расцвести и дать плоды. И солнце спешит – даже ночью не заходит. Можно загорать и в полночь.

На разведку мы выходили рано утром, двигаясь по снежным полянкам. Молодежь, не утерпев, снимает одежду, принимается играть в снежки. Возвращаясь в лагерь вечером, мы с удивлением обнаруживаем – снега-то на полянках уже нет, вместо него мокрые болотца. Быстрая речка журчала под снегом; уплотненный солнцем, он, как висячий мост, держался только краями за берега реки. Если слой снега не толстый, а пространство между берегами значительно, нетрудно провалиться в реку. Такие участки лучше обойти и перебраться на другую сторону прямо по воде, там хоть видима опасность.

В один из дней мы вышли в маршрут втроем. Путь предстоял долгий, хотелось добраться до слияния трех небольших рек, самая крупная из которых Большая Кочковка. По карте километров двадцать пять в один конец. Пройти пятьдесят километров по тундре без тропы – задача нелегкая, путь не прямой, а в действительности – с обходами оврагов и поисками переправ – путь удлинится минимум вдвое.

Пошли налегке, взяли только еду на два дня, котелок для чая, плащи, чтобы переночевать на земле. Мы знали от команды вертолета, что некогда существовавший домик связиста, который был на нашем пути, разрушен, а в окрестностях бродят два медведя. Кругом же, на сотни километров, никакого жилья, тундра с непроходимыми болотами и множеством мелких речек.

Шли целый день, с трудом обходя многочисленные овраги и текущие по ним мелкие, но бурные речушки.[16] Пройдет один, пробуя дорогу, за ним второй, затем третий. Из снежного поля попадаем в заросли карликовой березы, потом ивы. Так шли шестнадцать часов. Только два раза за это время мы присели напиться чаю. Хотя мы и двигались по самому берегу реки, воду

для чая пришлось вытопить из снега – добраться до реки было невозможно, она текла по глубокому отвесному гранитному каньону. Страшно усталые, добрались мы до намеченного пункта – слияния трех рек. Взору открылась ровная площадка, окольцованная горами. Тайная надежда на то, что вертолетчики ошиблись и домик связиста, хотя бы полуразрушенный, все же сохранился, растаяла: от дома осталось только два венца. Порадовала лишь ржавая пила – ею можно отпилить кусочек дерева и зажечь костер.

Мы поели и легли прямо на землю, закутавшись в плащи, а наутро проснулись от стога – заболела сотрудница, острые боли не позволяли ей подняться, не то что идти. Нужна помощь. Но как получить ее? Идти одному в тундре опасно, по законам экспедиции это запрещено. Идти вдвоем, бросив больного в тундре, запрещено вдвое. Сидеть здесь всем – бессмысленно – помощь сама не придет или придет не скоро. Когда еще обеспокоенные нашим отсутствием товарищи выйдут на поиски! Решили отпустить одного в тундру, чтобы дошел до лагеря. Отдали ему остатки продуктов (путь длинный и нелегкий), умоляли об одном – идти только по берегу реки, а затем вдоль берега моря, как шли сюда, хотя и долго, но зато безопасно.

Остались вдвоем. На многие километры ни одного человека, сюда не ведет ни дорога, ни тропа. И тогда впервые в жизни я поняла, что такое телеграфная линия, около которой мы находились. Гудели провода – пусть непонятные, но голоса людей. И это понемногу успокаивало. Позже мне объяснили, что, в крайнем случае, можно было бы воспользоваться телеграфной линией – порвать провода, и связисты, обнаружив повреждение, пришли бы в конечном счете на это место. К счастью, все кончилось благополучно. Ночью пришли из лагеря геологи, принесли еду, спальные мешки, а на другой день прилетел вертолет и забрал нас. А маршрут, пройденный с таким трудом, оказался безрезультатным, древних стоянок не обнаружили.

Хорошо, когда в экспедиции много людей. Конечно, труднее организовать питание, жилье. Чем больше людей, тем больше приходится

брать вещей – палаток, спальных мешков, продуктов. Но зато это коллектив, живущий единой, хотя и нелегкой, но интересной жизнью.

Последние два дня погода стоит знойная, южная. Солнце светит и днем и ночью. В палатке жарко, она низкая, к тому же темно-зеленая, почти черная. В ней пекло – ни сидеть, ни лежать невозможно. Свеча, заткнутая в кармашек палатки, от жары изогнулась и печально повисла. За палаткой нестерпимый звон комаров. Выйти из палатки можно, лишь обмазавшись «Детой», тогда комары не садятся на лицо или руки, а бомбардируют на полном лету – только принимай удары.

Можно, конечно, уйти в «столовую», там комаров меньше, но зато глаза слезятся от дыма так, что света не видно. Столовая у нас особенная, сами «реставрировали» ее. Когда-то здесь, прямо на песке, в устье одной из больших рек, стояло селение, судя по количеству оставшихся фундамен[17]тов – большое. Остатки домов разбирали на топливо. Мы отыскали сруб, на части которого еще сохранился настил, служивший крышей. Туда ребята прикатили железную бочку из-под бензина и из нее сделали печь, из досок сколотили лавки и стол, получилась столовая «по-черному». Она же служила и «клубом». После работы чай пьют долго, смакуя, нередко до глубокого вечера и даже ночи. А в самом деле, поди узнай, что это ночь, если солнце светит круглые сутки. В два-три часа ночи могут зайти гости – рыбаки, которые проезжают мимо. И тогда, конечно, нужно опять греть чай и пить его вместе с гостями. А завтра все равно вставать в семь часов. Таков порядок в экспедиции.

Погода меняется резко и неожиданно. Тем, кто на Севере впервые, особенно интересно. Вчера вышли на работу в семь тридцать, идти полчаса. Погода теплая, даже жаркая, ни ветерка. Дошли до раскопа, и вдруг, именно вдруг, почувствовалось едва уловимое дыхание Севера, едва ощутимое, будто кто-то выдохнул холодок, и почти в ту же секунду мы увидели: над бухтой пополз легкий парок, даже туманом не назовешь, вот он усилился, сгустился, но не слишком сильно, не закрыл бухту, а чуть подержался и

растаял. Подул свежий ветерок, нашим ребятам показался чересчур свежим, они натянули рубашки, а через час пришлось одного откомандировать за свитерами и штормовками. Но зато мошку и комаров холодным ветром действительно сдуло. Чудное бескомариное время – самое лучшее время на Севере. Когда возвращались домой, стало снова жарко и «мошковито».

Пока шли, комары искусали и лицо, и руки. А ночью подул сильный ветер и свалил стенку нашего «клуба». Хорошо еще, что в то время там не было людей. Утром проснулись от странной тишины. В палатке темно. Ясно только, что нет сильного ветра и, видимо, нет и солнца, так как в палатке не душно. Выглянув из палатки, увидели, что туман не очень густой, но гор не видно. Вот почему тихо, все звуки (хоть их и не много) тонут в тумане, как в вате. Ребята поднимались с большим трудом, чем обычно.

Мы проводили раскопки и в центральной части полуострова, где немало открыли памятников и увидели прекрасных мест. И кажется, самое красивое из них – озеро Ловозеро. Озеро очень коварное для путешественников – северная часть его изобилует мелями и камнями, говорят, глубина его здесь в среднем не более пяти метров. Лодки теперь моторные, идут очень быстро, и налететь на камень или на мель мало приятного – может выйти из строя мотор, а то и сама лодка, и не знающим озеро одним ездить не рекомендуется.

Ждали проводника с утра, но собрались только к двенадцати часам ночи. Двигались довольно быстро, хотя на пути встретили три мели. Впереди шла лодка с проводником и геологами. Мы ехали следом за ними. Проводник Саша – юноша лет семнадцати – предупреждал о мелях, как условились, поднятием руки, мы тотчас же переключали мотор на тихий ход и шли прямо в хвост его лодки, стремясь держаться в русле «дорожки» – рассеченной струе воды. Внимательно смотрели на берег, изо всех сил стараясь запомнить опасные места – обратно придется возвращаться одним, геологи с проводником задержатся здесь до 26 июля, а у нас на 23 июля заказан самолет на Краснощелье – отправляемся снова на Чальмны-Варрэ.[18]

Горы с двух сторон расступились, образовав гигантские ворота. Въезжаем в них. В глубине виднеется берег с песчаной полоской, отделяющей его от воды, справа вторгается ленточка зеленого леса, параллельная берегу. На берегу виднеются белые палатки туристов и одинокий домик связиста. Горы серо-зеленые. Но что особенно замечательно, так это ночное небо, каждую минуту меняющее окраску: от чисто-золотого с красноватыми полосками до светло-розового. Оттенки цветов такие нежные, акварельные, с размытыми границами при переходе в иной цвет.

Утром на двух лодках (мы и геологи) отправились на обследование берегов, сначала на реку Цагу, где необходимо было определить высотные отметки стоянок, исследованных ранее, над уровнем реки и выяснить возможность продолжения раскопок стоянки Цага I (правда, площадь ее небольшая).

Осмотр соответствующих террас в районе Цаги, в ближайшей окрестности по обоим берегам южной части Ловозера не дал положительных результатов. Стоянок обнаружить не удалось, и все же нельзя сказать, что их здесь нет. Археолог, имеющий дело с памятниками, никак внешне не выраженными, не имеет права на такое утверждение. Бывают всякие случайности. Даже заложенные шурфы иногда не помогают «поймать» стоянку: археологи могут попасть на место, где прерван культурный слой. Можно утверждать лишь, что это место малоблагоприятное для жизни и что стоянок мы тут пока не нашли.

Попутно осмотрели остров Волшебный, или, как его зовет местное население, Колдун, – длинный, вытянутый поперек озера. Берега его низкие, каменистые, с узкими пляжными полосками. Заглянули мы на него лишь потому, что, по сообщению геологов, несколько лет тому назад на нем существовало сооружение из рогов оленей. Точное местонахождение сооружения не было известно. Нашел его геолог несколько лет тому назад. Поднявшись цепочкой на одну из вершин, мы увидели, что оно оказалось

разрушенным. Раньше это была яма, заполненная оленьими рогами, ее окружали рога, вкопанные в землю. Позже, видимо, яму использовали как шурф, ее углубили, верхнюю часть укрепили деревянным срубом, а рога выбросили из ямы, так же как и те рога, что окружали когда-то яму. Сохранилось их немного, и они валяются вокруг в беспорядке. Очевидно, ранее это место считалось культовым, почиталось саамами, видимо, не случайно и название острова – Колдун и близость его к священному озеру Сейдъявр.

По рассказам местного населения, в озере Сейдъявр они не ловили рыбу в обычное время, а лишь в определенные, священные дни или только в голодные годы, когда не хватало пищи.

Вечером мы пытались обследовать берега Сейдъявра с целью поисков археологических памятников.

В озере, стиснутом горами, совершенно прозрачная вода. Берега его низкие, каменистые, неудобные для жизни.

Но, в общем, путешествие оказалось бесполезным. На пути к озеру, на второй террасе губы Мотка, мы обнаружили сланцевое шлифованное орудие, отщеп кремня и мелкие отщепы кварца. Это пополнило коллекцию, найденную здесь нами ранее, в первый наш приезд. Хорошо и то, что геологи измерили высоту расположения стоянки над уровнем озера. [19]

Эпоха мезолита

Первое достоверное свидетельство о пребывании человека на Кольском полуострове относится к эпохе мезолита. Принято считать, что начало мезолита совпадает с началом новой геологической эпохи – с голоценом, то есть с тем временем, когда ледник здесь стоял почти полностью и тогда закончилась предшествующая эпоха – плейстоцен – период оледенений и межледниковий. Это было особое время для всей Европейской части СССР, поскольку именно тогда происходило значительное изменение ландшафтных зон.

Отступление ледника и потепление климата вызвали продвижение лесной и степной зон в более северные широты, что повлекло, в свою очередь, изменение в составе животных – ряд видов (мамонт, северный олень) отошли в северные зоны, вплоть до арктической тундры, послужившей для мамонтов последним их пристанищем. Человек и природа, частью которой он является сам, находятся в тесном взаимодействии, и естественно поэтому, что природные (экологические) изменения неизбежно отразились на древних человеческих коллективах. Привыкшие к охоте на определенных животных (мамонта, северного оленя и более мелких представителей холодной зоны), выработавшие для охоты на них соответствующие рациональные орудия, древние люди вынуждены были передвигаться вслед за животными на север, осваивая новые, необитаемые ранее пространства.

Кольский полуостров, так же как и вся Скандинавия, еще долгое время, по сравнению с более южными широтами, продолжал оставаться «белым безмолвием». В более древнюю (палеолитическую) эпоху эти места, покрытые вечным льдом, не были доступны человеку. Ледник здесь не таял, и потому не существовало межледниковых эпох, как на юге, когда ледник, отодвигаясь на север, освобождал жизненные пространства. Скандинавский и

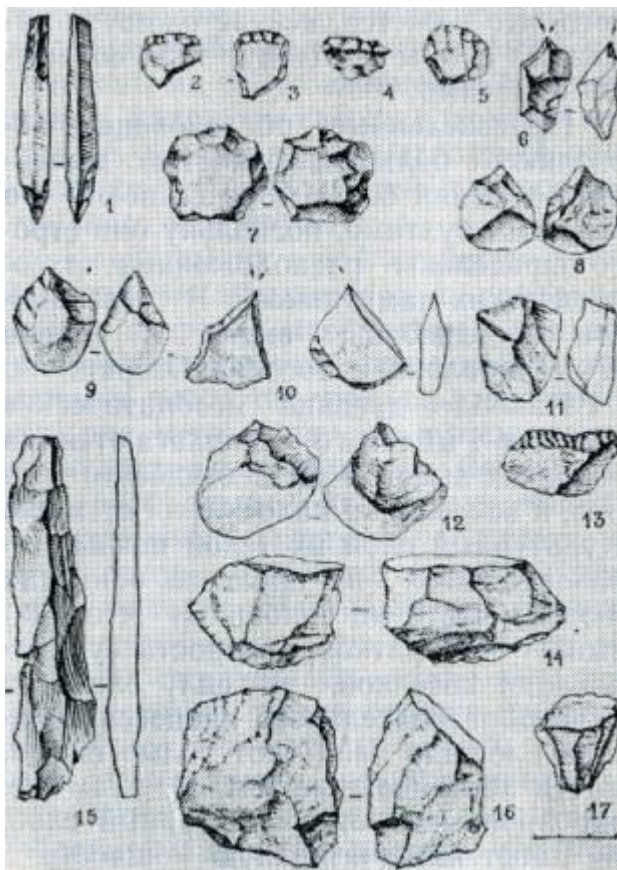
Кольский полуострова и в эти, относительно короткие, периоды продолжали оставаться безжизненным ледяным массивом.

Однако солнечные лучи хотя и медленно, но неуклонно вызывали таяние льда и на крайнем севере, вплоть до самого сердца оледенения – Скандинавского щита. Появившаяся вначале узкая приледниковая полоска вдоль побережья Швеции, Норвегии и западной части Кольского полуострова постепенно расширялась, открывая пространства, свободные для жизни, и уже около VII тысячелетия до нашей эры они стали доступны человеку. Очевидно, к этому времени и относится проникновение первых жителей на Кольский полуостров.

Точно установить пути их проникновения – дело будущего, после накопления большего материала, но сходство в орудиях мезолитических стоянок Кольского полуострова и Норвегии указывает на один из этих путей – видимо, по северному побережью Скандинавского полуострова. Об этом свидетельствует и наибольшая сосредоточенность мезолитических стоянок в пределах полуострова Рыбачий и прилегающей к нему части побережья, относящихся к известной в Норвегии так называемой «комсо-культуре». Вместе с тем на Кольском полуострове встречаются стоянки с такими орудиями, которые распространены в более южных районах СССР и Прибалтийских странах.

Впервые памятники столь древнего[20] возраста были обнаружены геологом Б.Ф. Земляковым в 1937 году, который под влиянием находок в Северной Норвегии ученых Нуммедаля и Бье произвел изыскания на Рыбачьем. Тогда им было открыто несколько мезолитических и неолитических стоянок. Вслед за норвежскими учеными Б. Ф. Земляков назвал мезолитические стоянки памятниками «арктического палеолита», подчеркивая тем самым их древний возраст. В 1939 году, при повторных работах, в поисках памятников вместе с Б. Ф. Земляковым приняла участие целая группа советских геологов, в результате чего обнаружили еще несколько стоянок. В 1964 и 1965 годах исследование полуострова Рыбачий

производилось нашей экспедицией с геологами Кольского филиала Академии наук СССР. Обследован был не только сам полуостров, но и прилегающая к нему северо-западная часть побережья Баренцева моря и, в частности, участки, ранее находившиеся за пределами нашей государственной границы. Совместные работы имели большое значение, поскольку позволили выявить не только древние места обитания человека, но и выяснить геологические условия и тем самым уточнить время их существования. Заметим, что изучение древних стоянок представляет значительный интерес и для геологов, помогая им в определении возраста террасовых образований.

Мезолитические орудия со стоянок полуострова Рыбачий:

- 1 – наконечники стрелы и копья из сланца;
- 2–6, 11, 13 – кварцевые скребки;
- 7–10, 12 – резцы и резчики из кварца;
- 14–17 – кварцевые нуклеусы (ядрища)

В процессе дальнейшей работы удалось обнаружить целый ряд стоянок на северо-восточном и южном побережьях, а также в центральной

части полуострова. В результате всех этих работ в настоящее время уже можно составить хотя и не исчерпывающее, но все же достаточно определенное представление об эпохе мезолита на рассматриваемой территории.

Наибольшее количество мезолитических стоянок найдено на Рыбачьем и в прилегающей к нему части побережья, на берегах рек Печенги, Западной Лицы и в бухтах

Амбарная, Линахамари, Малая и Большая Волоковые и других.

Полуостров Рыбачий – замечательный геологический памятник, как бы «музей под открытым небом». Невысокие серые гранитные скалы,

образовавшиеся много миллионов лет тому назад, окружают море и ступенями- террасами спускаются к нему. На возвышенных и пониженных террасах[21] отчетливо видны цепи камней – береговые валы, намытые древним морем. Иногда плоские, идеально окатанные, камни залегают на значительных участках настолько плотно, что слагают как бы стену достаточной высоты. Чем дальше от современного уровня моря расположены они, тем возраст их старше. Море имело в древности более высокий уровень, но по мере освобождения от тяжести таявшего льда участки земли поднимались, а море, соответственно, отходило от берегов, оставляя за собой немое свидетельство прежних очертаний – береговые валы. И вот теперь, двигаясь вдоль этих морских отложений, на большой высоте (свыше пятидесяти метров), на расстоянии до трех и более километров от воды, испытываешь странное ощущение такой непосредственной близости моря. Иллюзия доходит до того, что кажется, сейчас оживут каменные волны и обдадут тебя солеными брызгами.

Произведенные обследования позволяют с большой точностью вычертить древний берег моря со всеми его мелкими бухтами, поскольку они строго определены расположением археологических памятников. В особенности отчетливо они видны в районе Цып-Наволока и поселка Озерки.

Наиболее древние мезолитические стоянки Рыбачьего располагаются на террасах высотой до шестидесяти метров, в нескольких километрах от моря. Культурный слой их (слой почвы, образовавшийся в процессе обитания людей) часто не сплошной, что указывает на кратковременность существования поселков. В силу слабости почвообразовательного процесса большие площади занимают голые скалы, почти не прикрытые землей. Там же, где прослеживается культурный слой, он имеет незначительную мощность.

В целом стоянки занимают небольшую площадь. Основным материалом для изготовления орудий в то время являлись местные породы камня – кварц, кварцит, реже горный хрусталь и совсем редко сланец.

Очевидно, многие орудия делали из кости, которые бесследно исчезли (тем более это относится к дереву, коже и бересте). Вероятно, именно поэтому и мало количество наконечников стрел на стоянках. Большинство орудий составляют кварцевые скребки, в основном мелкие. В более раннее время люди использовали отщепы случайных форм, обработанные лишь частично, позже скребки приобретают более правильные округлые очертания и регулярную обработку.

Начиная от эпохи мезолита, вплоть до эпохи раннего металла, люди стремились отыскать для орудий труда хорошие сорта кварца, умело отбирая мелкозернистые, плотные породы, в том числе как бы маслянистый эмалевый кварц, хорошо поддающийся обработке (почти так же, как и кремень). В конце мезолита в качестве поделочного материала начинает широко использоваться горный хрусталь. На некоторых стоянках он встречается в изобилии. Обычно из горного хрусталя тщательно изготавливались очень красивые небольшие скребки, реже наконечники стрел. Помимо орудий мы находили и отщепы – отходы, полученные при их изготовлении, а также куски породы, предназначенные для использования. Одну из стоянок, неподалеку от поселка Цып-Наволок, мы так и назвали – Хрустальная. Орудия и отщепы, залегающие на поверхности, в этой стоянке сверкали, как бриллианты.

Помимо скребков, с помощью которых обрабатывались дерево и кость, на древних поселениях присутствуют [22] и более крупные орудия – кварцевые скребла для обработки шкур и рубящие орудия. Первые отличаются от скребков большей величиной и шириной рабочего лезвия. Рубящие орудия достаточно примитивны – часть их приближается по форме к миндалевидным «ручным рубилам» (орудиям древнего палеолита), но значительно меньшего размера, другие больше походят на топоры; но в обоих случаях основным недостатком их является узкое лезвие. Только лишь в последующую, неолитическую эпоху постепенно вырабатывается правильная, более рациональная форма топора – с широким, ровным лезвием

и гладкой, зашлифованной поверхностью, уменьшающей сопротивление материала в процессе работы. Обычно топорообразные орудия на мезолитических стоянках полуострова Рыбачьего изготавливались из кварцита малинового цвета, очень мелкозернистого, прочного и сравнительно легко поддающегося обработке.

При обследовании наиболее высокой террасы (около пятидесяти метров над уровнем моря), едва покрытой в отдельных местах почвой (на стоянках № 16 и 7), обнаружены интересные находки, указывающие на существование здесь мастерских для обработки кварца и малинового кварцита.

На ровной скале (стоянка № 16) в пределах небольшого, около пятидесяти сантиметров, участка сосредоточены отдельные скопления находок. В середине находился крупный желвак серого кварцита с сильно сбитой поверхностью на одной стороне. Вокруг этого желвака – масса отщепов. Древний мастер, найдя подходящий блок породы, скалывал с него отщепы нужной величины и отбрасывал негодные. Такое же скопление отщепов обнаружено около другого, также оббитого блока кварца. А в ямке, под большим камнем, были сложены крупные отщепы.

На второй площадке (в центральной части стоянки № 7) сразу же обратили на себя внимание крупный блок малинового кварцита и орудия из того же материала, типа ручных рубил миндалевидной формы, обработанные грубыми сколами. Здесь же находились и отщепы, полученные при их изготовлении, а в трещинах гранитной скалы торчали чешуйки кварцита, которые отскочили у мастера, когда тот с помощью легких ударов стремился придать орудию нужную форму. Попав в расщелину скалы, эти мелкие кусочки пролежали там несколько тысячелетий в одном и том же положении. При внимательном осмотре удалось заметить особое искусственное сооружение. В западине гранитной скалы, куда были поставлены на ребро сланцевые большие плиты, накрытые сверху сланцевой же плитой, на дне

лежали заготовки простейших рубящих орудий и куски малинового кварцита.

По-видимому, этот «тайник» древний человек использовал для сохранения в кварците необходимой для обработки влажности. Около восьми тысяч лет назад он спрятал здесь дорогие для него вещи, но почему-то не смог воспользоваться ими. Вокруг были разбросаны кварцевые отщепы и незаконченные орудия. Видимо, на этой скале, открытой холодным ветрам, люди не жили постоянно, а лишь изготавливали орудия. Почему они делали их именно здесь, стало ясно при обследовании прилегающего участка. У небольшого выступа скалы валялись куски такого же кварцита, как и на стоянке, со следами ударов, но без обработки. Древние мастера тут отби[23]вали нужные куски и переносили их на более удобное место, где и изготавливали из них орудия. Место, где жили люди, находилось поблизости, на склоне горы, прикрытом от холодного морского ветра. Здесь, наряду с крупными орудиями из малинового и серого кварцита, мы нашли небольшие кварцевые скребочки и резцы.

Неблагоприятные почвенные условия не позволили сохраниться хотя бы каким-либо следам жилищ, поскольку делал их древний человек из различных органических материалов, вероятно, из шкур и веток. Скалистый остров лишь в самых заниженных сырых местах покрывала редкая кустарниковая растительность. Даже в эпоху неолита, когда климат был несколько мягче, почти полное отсутствие почвенного покрова не позволяло выкапывать жилища в земле, как это делали мезолитические племена в более южных лесных районах. Голые или почти голые скалы заставляли человека изобретать какие-то, пусть самые простые, наземные жилища для спасения от зимних холодов. Очевидно, уже тогда родилась идея простейших жилищ типа конических кувакс, которые, будучи рациональными, просуществовали вплоть до нашего времени на огромном пространстве севера.

Исследуя стоянки полуострова Рыбачий, мы обратили внимание на особое расположение находок. Так, на стоянке № 7, находящейся на берегу

небольшого ручья, называемого Корабельный, произведенные раскопки показали, что орудия и отщепы, перекрытые тонким слоем торфа и ягодника, залегают очень компактно, почти вплотную друг к другу, около крупных, сильно обожженных камней на площади четыре на четыре метра. За пределами этого пространства они встречались чрезвычайно редко. Такие же скопления у камней прослеживались и в другом углу раскопа. Очевидно, на этих местах были древние жилища.

Подобное же размещение находок встретилось на стоянке № 8 в Мотовском заливе. В особенности же отчетливо следы жилищ выявились на стоянке № 15 в районе современного селения Цып-Наволоки и на стоянке № 22а – в Мотовском заливе. В первом случае на небольшой площади стоянки (сто пятьдесят квадратных метров) находки сосредоточены очень четко по кругу в четырех местах. В средней части трех из них расположены небольшие скопления камней со следами действия огня, а между ними – сильно обгорелый красноватый песок. Диаметр скоплений не превышал четырех метров, дальше этих скоплений находки почти или вовсе отсутствовали.

Во втором случае находки сконцентрированы в трех небольших впадинах, имеющих диаметр три метра. Большое количество находок залегало в контурах прокаленного песка, в центре – со слабыми следами золистого слоя. Вне впадин находки были единичны.

Основываясь на наблюдениях, сделанных в процессе раскопок стоянок, сравнивая найденные остатки жилищ с жилищами в других районах и привлекая этнографические данные, можно заключить, что здесь находятся остатки небольших наземных округлых жилищ, вероятно, типа кувакс или чумов, с очагами в центре. В отдельных случаях при устройстве жилищ использовались естественные, удобные, отвесно возвышающиеся части скал или крупных камней.

Следы мезолитических стоянок обнаружены и в других местах побережья, преимущественно в глубоких[24] бухтах, укрытых от моря

выступами скал. Они найдены нами (совместно с геологами) в бухтах Рустаниеми, Долгая Щель, Амбарная, Малая Волоковая, Вайда-губа, Эйна-губа, Лаутениоки, Линахамари. Длительность обитания отдельных мест различна. Встречаются бухты, где стоянки сгруппированы: по несколько стоянок вместе (Лаутениоки – четыре стоянки), в других – зафиксированы лишь кратковременные остановки древних людей. Различны высота и удаленность стоянок от современного уровня моря, однако во всех случаях они располагаются или на древних береговых пляжах, далеко от моря, или близко от него, но тогда на очень значительной высоте. Наиболее высоко – девяносто один метр – расположены стоянки в бухте Рустаниеми.

Орудия на этих стоянках, преимущественно кварцевые, – скребки и резцы, нередко из высококачественного эмалевого кварца, тщательно обработаны. Довольно многочисленны микроорудия – скребки и резцы, не превышающие сантиметра. Кремневые орудия, также микролитические (ретушированные пластинки, резцы, ножи), чрезвычайно редки. Крупные орудия изготовлены из кварца. Много заготовок нуклеусов, отщепов кварца, и отчетливо выраженных нуклеусов.

Мезолитические стоянки в северо-западной части Кольского полуострова найдены не только на морском побережье, но и на значительном расстоянии от него. На стоянках, удаленных от моря, находки залегают хотя и не в мощном, но все же в культурном слое, как правило, в песке, на месте сухих речных террас или на побережьях небольших озер. Такая группа стоянок, например, была исследована нами на реке Западной Лице, на расстоянии около двадцати километров от моря. Стоянки расположены на обоих берегах реки при истоках ее из небольшого озера. Культурный слой стоянок, мощностью до тридцати сантиметров, окрашен в красноватый цвет (из-за присутствия натуральной охры, использовавшейся в быту) и содержит значительное количество находок, среди которых господствуют кварцевые орудия – крупные и мелкие скребки, много резцов и единичные кремневые

орудия и отщепы кремня, преимущественно черного цвета. Встречаются и кварцевые нуклеусы, рубящие орудия и многочисленные отщепы кварца.

Еще более удалены от моря стоянки на реке Патсойоки, между поселками Раякоски и Никель. Раскопанная здесь стоянка располагалась на высоте шестидесяти метров над уровнем моря. Кварцевые орудия, залегавшие в красноватом культурном слое, имели тщательную обработку. Найдены и остатки кострищ с сохранившейся золой.

Целую группу стоянок исследовала экспедиция на реке Шуонийоки в районе Никеля. Подобно другим, они занимали высокие террасы, до восьмидесяти метров над уровнем моря, но вместе с тем находились в несколько иных природных условиях по сравнению со стоянками морского побережья. Находки залегают здесь хотя и не в мощном, но в хорошо выраженном культурном слое. Существенно, что наряду с кварцевыми лежали орудия и из местного кремнистого сланца, очень редко – кремня (серого, невысокого качества), из которого изготовлены скребки. Впервые на одной из стоянок этой группы найден наконечник стрелы из плоской ножевидной пластинки, ретушированный лишь с одной стороны и только по черешку и острию. Такая форма очень типична[25] для мезолита обширной более южной территории, начиная от Карелии и кончая Польшей. Однако наш наконечник изготовлен из местного серого кремнистого сланца. Из того же материала и другой типичный для мезолита предмет – небольшой нуклеус конической формы со следами отжатых от него очень узких, с правильными гранями, ножевидных пластин.

Неопровержимое доказательство того, что указанные вещи изготовлены из местного сырья, мы получили, переправившись на правый берег реки Шуонийоки. Мы обнаружили там обширную мастерскую по первичной обработке орудий из светло-серого кремнистого сланца. Раскоп, площадью сто квадратных метров, дал только крупные сколы и заготовки нуклеусов, от которых затем, очевидно, откалывали нужные для орудий

отщепы и отжимали ножевидные пластины. Заготовки уносили в поселения и там, по мере надобности, завершали обработку орудий.

На побережье Шуонийоки встречено свыше десятка стоянок. На реке Колосойоки исследованы стоянки, расположенные в значительном отдалении от современного берега. И на тех, и на других стоянках находились типичные для южного мезолита кремневые концевые скребки.

Как указывалось, наибольшее количество пока известных мезолитических стоянок сосредоточено в северо-западной части Кольского полуострова, однако обнаружены они и на северо-восточном и на южном побережьях – на реке Харловке, в бухте Ивановской, на реках Стрельне, Варзуге, Ниве, по обоим берегам рек Лумбовки и Каменки. Расположены они обычно на высоких участках берегов рек или моря. Наиболее характерные орудия, найденные на этих стоянках: кремневые наконечники на пластинах, ретушированные по черешку и острию, и трапециевидные небольшие орудия (трапеции), также чрезвычайно характерные для мезолита очень многих областей. Особенно интересны находки в губе Ивановской на северном побережье, длинной и узкой, а потому удобной для жизни. В 1978 году экспедиция нашла здесь ряд древних стоянок и мастерских. Одна из них содержала, помимо кварцевых и кремневых орудий, также наконечник из горного хрусталя, обработанный мельчайшей, «бисерной» ретушью. Кремневый наконечник – типичной мезолитической формы – на массивной пластине с выделенным черешком, ретушированный только на острие и черешке, встречен и на одной из стоянок на реке Харловке.

Значительная группа мезолитических стоянок находилась в устье реки Кицы (приток Варзуги), в урочище Голые Горы. Эти высокие, сильно развеваемые древние дюны сохранили следы более десяти древних стоянок. Сравнение найденных на них орудий с орудиями соседних стоянок, расположенных в Заречье – на левом берегу Варзуги, против села Кузомень, указывает на значительное их различие. На Голых Горах отсутствуют грузила, шлифованные орудия: наконечники стрел, топоры, долота, угловые

ножи и украшения в виде шиферных колец. В основном здесь кварцевые скребки, главным образом мелкого, иногда очень мелкого, размера, тщательно ретушированные; в других случаях – аморфные, лишь с частичной обработкой. Кварцевые наконечники стрел небольшие, неправильных очертаний. Мезолитический возраст памятников подтверждается значительной высотой расположения над уровнем моря и удаленностью от него.[26]

Следы жизни человека в мезолитическую эпоху фиксируются и выше по течению Варзуги, у села Варзуга, на высокой песчаной террасе, протянувшейся вдоль современного берега реки, на котором расположено село. Кварцевые скребки, в большинстве случаев не превышающие полутора сантиметров, и такие же мелкие резцы, сходные с найденными на дюнах Голых Гор. На ранний возраст стоянки указывает и значительная ее высота над уровнем реки. Во время существования стоянки река текла по террасе, на которой лежит теперь современное село Варзуга и остатки средневекового селища.

По-видимому, к эпохе мезолита следует отнести и единичные захоронения, обнаруженные на левом берегу реки Нивки, впадающей в Воронью вблизи ее устья (озеро Ловозеро, раскопки А. В. Анпилогова). Могилы в виде ям со следами охры (костики не сохранились) и отдельными каменными орудиями (скребки из кремня и горного хрусталя) располагались на песчаной гряде, оконтуренной, с одной стороны, рекой, с другой – заболоченным пространством. Как показали наши разведки, очевидно, вблизи находилась стоянка, почти полностью позже смытая рекой.

Таким образом, мезолитические памятники известны сегодня в самых различных частях Кольского полуострова, хотя, как мы увидим далее, количество их, по сравнению с неолитическими, относительно невелико. Однако нельзя забывать, что, несомненно, многие из них подверглись уничтожению. Учитывая в основном небольшую площадь стоянок и относительно слабую насыщенность культурного слоя находками (хотя

нельзя забывать об исчезнувших костяных орудиях), можно сделать вывод, что на этих мелких стоянках жили небольшие человеческие коллективы, которые вели подвижный образ жизни. Основным источником их существования, очевидно, являлись охота и рыболовство в его начальной форме. Среди орудий, оставленных мезолитическим населением Кольского полуострова, не найдено прямых доказательств рыболовства, но на территории Карельского перешейка были обнаружены мезолитические сети, сплетенные из лыка, с поплавками, сделанными из сосновой коры. По мнению финского исследователя Пельси, сеть должна была достигать двадцати одного метра в длину. Предполагают, что она попала на дно древнего озера в связи с гибелью рыбака.

Следует думать, что рыболовство мезолитических племен, обитавших на морском побережье Кольского полуострова, было своеобразным и в большой мере сводилось к собиранию рыбы и морского зверя, оставшихся в немалом количестве на полосе осушки во время отлива. Поэтому не случайно стоянки того времени неразрывно связаны с морем и располагались преимущественно по кромке берега мелководных тогда бухт (в настоящее время обсохших террас), вблизи рек и маленьких речек или горных потоков – источников пресной воды. Жители же речных долин, по всей вероятности, были больше охотниками, хотя, несомненно, и ловили рыбу на реках и озерах простейшими ловушками.

На основании геологических данных – высота расположения Кольских стоянок над уровнем моря – и сопоставления орудий с орудиями мезолитических памятников других районов следует считать, что наиболее ранние из мезолитических стоянок Кольского полуострова относятся к VII–VI тысячелетиям до нашей эры.[27]

Неолит

Время, следующее за мезолитом, которое археологи называют неолитом (новокаменный век), на Кольском полуострове представлено сотнями памятников: кратковременными стоянками, длительными поселениями и наскальными рисунками. Они обнаружены как на северном и южном побережьях, так и во внутренней части полуострова. Судя по обилию неолитических памятников, совершенно очевидно, что количество населения в эту эпоху, по сравнению с мезолитической, сильно возросло, а образ жизни, учитывая значительные площади и мощность культурного слоя, стал более оседлым, что определялось способом хозяйства.

В экономику неолитического общества прочно вошло рыболовство (появились зачатки морского промысла), которое в полной мере получило расцвет в эпоху раннего металла. При изучении неолитических памятников отчетливо видны происшедшие изменения. Так же, как и в мезолитическое время, люди выбирали для своих поселков наиболее удобные участки побережья, главным образом песчаные бухты, вблизи источников пресной воды – крупных или мелких речек, но занимали, в абсолютном большинстве, более низкие, по сравнению с мезолитическими, террасы. Иными словами, вслед за отступающим морем люди заселяли более низкие террасы.

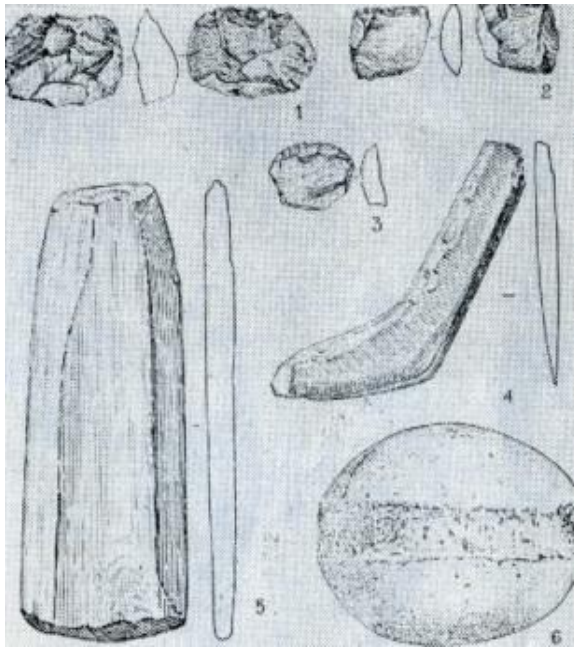
Хотя основным материалом для изготовления орудий и остались по-прежнему местные породы камня – кварц, горный хрусталь, – вместе с тем широкое применение в это время получил сланец, чаще использовался кремний. Особенно велико количество сланцевых орудий, техника обработки которых была доведена до совершенства. К относительно мягкой породе – сланцу – оказалось возможным применить разнообразные приемы обработки – точечную ретушь, пиление, шлифование, сверление, благодаря чему появилась возможность усовершенствовать форму и значительно расширить ассортимент орудий. Наряду с этим заметное увеличение количества кремневых орудий указывает на общение с соседними и более далекими

племенами, поскольку на Кольском полуострове отсутствовали выходы кремня.

Сетевое рыболовство, о чем можно судить по большому количеству найденных грузил, могло проводиться только с помощью лодок. Культурный слой стоянок не сохранил до нас деревянных изделий. Мы не можем иметь о них точного представления, однако многочисленные находки остатков челнов на неолитических стоянках более южных лесных районов, в частности в Прибалтике (Латвия, Литва), свидетельствуют о их широком распространении в то время. Наряду с остатками лодок там встречены разнообразные весла, а вместе с остатками сетей – различные рыболовные сооружения типа вершей, сплетенные из прутьев.

О массовом применении лодок у северных племен можно судить на основании таких изумительных по выразительности памятников позднего неолита, как рисунки, выбитые на скалах Карелии, Онежского озера и Белого моря. На рисунках отчетливо видно, что стройные, хотя и достаточно длинные, лодки Онежского озера отличаются от тяжелых беломорских лодок – карбасов. Вероятно, и у жителей Кольского полуострова лодки были приспособлены к морским плаваниям. В облесенных районах – на [28] южном побережье и в центральной полуострова – лодки, очевидно, Уготовлялись из дерева. Косвенным оказательством этого служит очень большое количество встреченных здесь на стоянках крупных рубящих орудий – топоров и тесел, часто желобчатых, удобных для выделки вогнутых предметов, какими являлись долбленые челны. Один из таких челноков, изготовленный из дуба, был найден, например, на южном побережье Ладожского озера.

На северном побережье Кольского полуострова построить челн было значительно труднее, и все же, вероятно, для этого имелись некоторые возможности, поскольку в основном неолитическая эпоха совпадает с более теплым климатом (атлантическим), когда средняя годовая температура приблизительно на два градуса превышала современную. Следует полагать, что растительность того времени выглядела несколько богаче, чем сегодня.

Каменные орудия

из неолитических поселений

1-3 – кварцевые скребки; 4 – сланцевый нож;
5 – сланцевый топор; 6 – грузило из гальки

Однако, учитывая почти полное отсутствие во многих местах почвенного слоя, едва ли эту часть побережья покрывали леса. Корни крупных деревьев не могли укорениться из-за отсутствия почвы, однако не исключено их произрастание в долинах рек и узких ущельях (где имелся хотя и слабый, но почвенный покров) и пониженных местах, вблизи основания кутовой части бухт, иными словами, там, где в настоящее время встречается кустарниковая береза. Наконец,

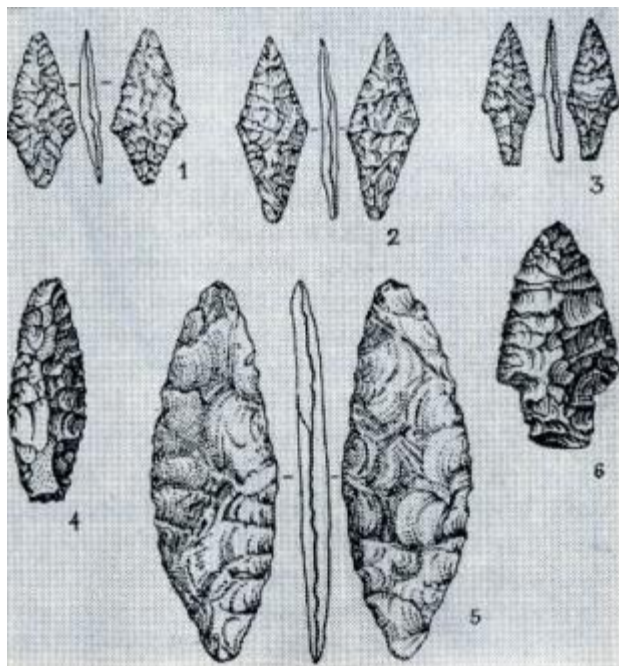
некоторое количество деревьев, возможно, прибывалось волнами с более западных участков побережья. Вполне вероятно допустить, в безлесных пространствах лодки типа каюков могли изготавливать из кожи морских животных, которые были в широком употреблении у народов полярной и приполярной зоны Сибири – чукчей и других.

Большое количество и разнообразие наконечников стрел, дротиков и копий – орудий охоты – различной формы и размеров, кинжалы, топоры и другие говорят о значительно более развитой охоте в эпоху неолита по сравнению с мезолитической. И, конечно же, нельзя представить себе охоту без лыж, существование которых фиксируется еще в эпоху мезолита на несколько более южной территории – в пределах современной Коми АССР (на Висском торфянике), где найдена деревянная лыжа, нос которой украшалось изображение головы лося. О широком распространении лыж в эпоху позднего неолита говорят те же наскальные рисунки Карелии. По ним можно заключить, что на лыжах ходили не только охотники (они показаны на рисунках преследующими оленей), но женщины и даже дети.

Использовали лыжи обычно с палками. В Финляндии найден полоз от саней, по мнению ученых, относящийся к неолитической эпохе.

Наиболее отчетливым и, несомненно, важным признаком неолитической эпохи, в большинстве случаев рубежом, отделяющим ее от мезолитической, следует считать повсеместное появление глиняной посуды – керамики, что в полной мере относится и к рассматриваемой нами области.

На неолитических стоянках не только Кольского полуострова, но и более южных районов, включая южную границу леса, не было встречено никаких признаков земледелия или скотоводства, то есть производящего хозяйства. Однако и в северном неолите четко выявляются прогрессивные элементы, указывающие на то, что общество поднялось на следующую, значительно более высокую ступень развития.

Кремневые наконечники стрел и копья с неолитических поселений

Большое количество материала, которым мы располагаем, в особенности полученного за самые последние годы, позволяет выделить среди неолитических памятников более ранние и более поздние и тем самым проследить изменения, происходившие на протяжении всей неолитической эпохи. Уточнить это возможно, сравнивая наши материалы с материалами, найденными на соседних

территориях, а также используя датировки, полученные радиоуглеродным методом. При этом уместно заметить, что между неолитическим возрастом стоянок Кольского полуострова и памятниками неолита лесной зоны не прослеживаются заметных различий.

Впервые характерные стоянки раннего неолита были обнаружены нашей экспедицией в 1975 году и, что очень существенно, сразу в двух

местах, разделенных значительным пространством, – на северном побережье вблизи поселка Дроздовка и на южном – близ села Чаваньга. В результате работы на этих стоянках мы смогли значительно яснее понять и ранее раскопанную нами стоянку на озере Ловозеро – в устье реки Цаги, а также ряд стоянок более позднего времени, в частности у того же села Чаваньга. Нахождение целой группы памятников особенно важно потому, что найденные на них весьма неожиданные вещи перестали казаться случайными, поскольку повторялись в столь отдаленных друг от друга местах.

В 1975 году при обследовании бухты реки Чаваньги, на окраине одноименного села, экспедиции удалось обнаружить сначала одну, а затем и вторую стоянку, расположенные на разных берегах реки, одна против другой, на террасе высотой четыр[30]надцать метров над современным уровнем моря. В многочисленных песчаных выдувах левобережной песчаной террасы встречалось очень большое количество кварцевых орудий, преимущественно хорошо изготовленных кварцевых скребков и резцов, а также отдельные кремневые наконечники стрел. Обломков глиняных сосудов не встретилось, хотя это и не означало, что они ранее здесь не существовали. Разрушение культурного слоя стоянки в течение истекших тысячелетий, о чем свидетельствовали выдувы, могло полностью уничтожить такой хрупкий материал, как слабо обожженные глиняные сосуды. В правоте своих предположений мы убедились, обследуя такую же песчаную площадку на правом берегу реки Чаваньги. На окраине очень большой и богатой материалом стоянки найдены и обломки крупных глиняных сосудов с примесью асбеста (описание этой стоянки, названной нами Чаваньга III, смотри в главе книги «Эпоха раннего металла»).

Площадку, с расположенными на ней стоянками на обоих берегах реки, окружала высокая терраса, на которой виднелись кресты современного кладбища. Она так далеко (около километра) отстояла от моря и расположена так высоко (двадцать один метр над уровнем моря), что, казалось, трудно

было ожидать найти на ней какие-либо признаки обитания человека. Однако произвести поиски здесь мы все же сочли необходимым. И как часто бывает у археологов, наш труд неожиданно вознаградился. При закладке первого же шурфа на песчаной площадке, заросшей стелющейся вороникой, вблизи кладбища, под дерновым слоем, в розоватом песке, встретились обломки сосудов, изготовленных из глины, с необычным орнаментом. Они были крупного размера, что чрезвычайно редко наблюдается на северных стоянках: из-за сильного воздействия морозов и ветров глиняные сосуды распадаются на мелкие фрагменты.

Обнаружение этой стоянки оказалось для нас большой удачей. Теперь появилась возможность сравнить материалы памятников, расположенных совсем рядом и вместе с тем на столь различной высоте и удаленности от моря, что имеет, как указывалось, важное значение для определения относительного возраста памятников.

В 1975 году работы экспедиции уже подходили к концу, и исследование стоянки Чаваньга I пришлось отложить. Во время раскопок, проведенных в 1976 и 1977 годах, мы вскрыли оставшуюся площадь стоянки (двести пятьдесят квадратных метров). Западная окраина стоянки, о чем свидетельствовали кварцевые отщепы и орудия в могильных насыпях, оказалась уничтоженной кладбищем.

Благодаря тому, что культурный слой – красноватый песок – был достаточно мощным (до сорока пяти сантиметров), не развеянным, все найденные предметы лежали в том же положении, как они были оставлены в древности. В очагах, сложенных из камней, сохранилась зола и угольки, вблизи их – раздавленные сосуды. Принципиально новыми по сравнению с мезолитическими орудиями явились кремневые наконечники стрел, очень тщательно ретушированные с обеих сторон по всей поверхности. Свообразными оказались и орудия – в большинстве из песчаника малинового оттенка, в частности, серия крупных и более мелких плоских, окатанных морем галечек с краями, обработанными по всему периметру

небольшими сколами. Судя по сработанности кра[31]ев, очевидно, они использовались для работы по мягкому материалу, вероятно, для очистки шкур от мездры.

Неолитический сосуд с южного побережья Кольского полуострова (стоянка Чаваньга I)

Рубящие орудия изготовлены из той же породы камня. Это крупные топоры с округлым широким лезвием из уплощенных галек или кусков кварца, ретушированных по рабочему краю.

Керамики найдено относительно много, учитывая то, что она легко разрушается на Севере.

В основном мы обнаружили крупные обломки очень толстостенных сосудов, вылепленных из глины с

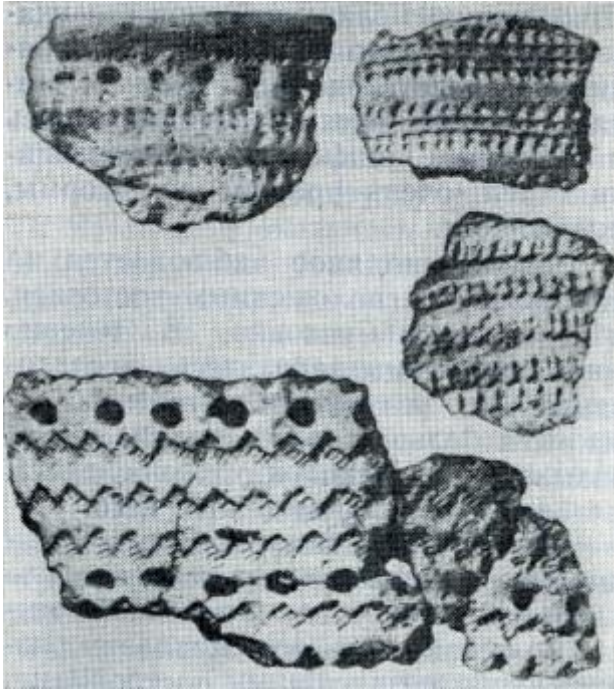
примесью крупнозернистого песка, который вводился для понижения жирности глины. По форме сосуды напоминали разрезанное поперек яйцо – с прямым краем и округлоконическим дном. Всю внешнюю поверхность сосудов покрывает узор из близко расположенных друг к другу прочерченных линий, образующих вертикальный зигзаг («елку»), поверх которого изредка нанесены округлые ямки, создающие горизонтальные пояса. На некоторых сосудах вместо прочерченных линий использованы отпечатки округлой тонкой палочки, обмотанной в поперечном направлении, очевидно, нетолстой нитью, в результате чего получились отпечатки как бы перевитого шнура. Помимо этого основного узора, некоторые сосуды украшены мелкими вдавлениями различной формы. Внешняя поверхность части сосудов слегка залощена и окрашена натуральной красной охрой.

Совершенно неожиданными явились плоские днища, диаметром около одиннадцати сантиметров, сплошь покрытые орнаментом, по-видимому, нижние части невысоких мисок. Они заставили нас задуматься, поскольку до сих пор как на упомянутой территории, так и в более южных областях лесной зоны, за исключением Прибалтики и Белоруссии, неолитические сосуды с плоскими днищами не известны. Не обнаружены они пока и в Финляндии, и в Норвегии.

Наличие плоских днищ (встреченных вместе с округлыми) первоначально вызвало у нас некоторое колебание в определении возраста поселения Чаваньга, хотя большинство признаков указывало на ранний возраст. К ним относились: значительная высота и удаленность поселения от моря, орнаментация сосудов, преимущественно прочерченными линиями и отпечатками нити, намотанной на стержень, а также окрашенность некоторых сосудов красной охрой. Эти признаки, в известной мере, сближали[32] стоянку Чаваньга со стоянками ранне-неолитической культуры сперрингс, распространенными в Карелии, Финляндии и частично в Норвегии. Хотя наши сосуды обладают рядом оригинальных черт, все-таки признаки, взятые вместе, заставили датировать данную стоянку ранним неолитом. Позже анализ углей из очагов, произведенный с помощью радиоуглеродного метода, подтвердил правильность сделанного вывода. Возраст стоянки оказался 5560 лет тому назад, или 3610 лет до нашей эры, то есть рубеж IV–III тысячелетий до нашей эры.

Мнение о том, что наличие плоскодонных сосудов на стоянке Чаваньга случайно, просуществовало недолго. При раскопках одной из стоянок, относящейся также к раннему неолиту, на северном побережье Кольского полуострова, в Дроздовской губе, встретилось несколько сосудов с плоскими днищами, очевидно, от невысоких мисок. Затем они были обнаружены и другим исследователем – А. В. Анпиловым в центре полуострова, на реке Вороньей, вблизи ее истоков из озера Ловозеро. Так, вначале кажущийся случайным, факт приобрел определенную закономерность.

Орнаментация неолитических сосудов из стоянок:
1-3 – Цага; 4 – Чаваньга

Ранне-неолитические стоянки мы исследовали и в средней части Кольского полуострова, на левобережье реки Цаги, при впадении ее в озеро Ловозеро, и в Дроздовской губе – на северном побережье полуострова.

Помимо Чаваньги, на южном побережье полуострова известно большое количество неолитических стоянок, группирующихся в устьях рек, расположенных как к востоку от

Чаваньги (Стрельна, Чапома, Пялица, Пулонга, Сосновка и другие), так и к западу (Нива, Кузомень). Часть стоянок датируется ранним неолитом, другие – более поздним его этапом. При сравнении поселений друг с другом заметны различия, отражающие особенности микрорайонов. Наличие или отсутствие определенных видов сырья влияло на форму и состав изготавливаемых орудий, что совершенно очевидно при сопоставлении памятников.

Как указывалось, основным материалом, используемым древними жителями близ села Чаваньга, являлся малиновый песчаник, из которого они делали топоры и большое количество оригинальных плоских округлых скребков, совершенно неизвестных в других памятниках Кольского полуострова. Аналогичные скребки обнаружены лишь в самой северной части Карелии – на реке Йове, на стоянке позднего мезолита.

Стоянки в устье Чапомы также помимо орудий, изготовленных из очень высокого качества кварца, содержат [33] сланцевые шлифованные наконечники стрел.

Особенно многочисленны стоянки (более пятнадцати) близ села Пялица, среди которых выделяется Пялица I, расположенная вдалеке от реки на небольшом всхолмлении, среди окружающего ее болота. Очевидно, она была кратковременной и относилась к мезолитическому времени. Малое количество орудий представлено кварцевыми скребками и резцами, кремневым ножом и кремневой трапецией.

Остальные стоянки, очевидно, датируются различными этапами неолита. Одна из них (Пялица II), помимо кварцевых, имеет и кремневые орудия довольно крупного размера – скребки и наконечники стрел. Кварц, из которого сделаны орудия, столь же высокого качества, как и на стоянках близ Стрельны, встречаются скребки из горного хрусталя и изредка халцедона. В общем, в стоянках, расположенных близ Пялицы, чаще, чем в других местах, применялся кремнь. Присутствие мелких отщепов его указывает на то, что орудия изготавливали непосредственно на стоянке. Наряду с кремневыми, использовались и сланцевые шлифованные наконечники стрел, очень правильной формы, с черешком.

Совершенно иное наблюдается на стоянках, расположенных восточнее, в районе села Сосновка. В течение трех сезонов мы вели здесь исследования, в результате которых была вскрыта большая площадь на мысу, называемом Наволок, и проведены разведочные работы вблизи него.

Древнее поселение на мысу, вдающемся в море, занимало значительную площадь, в том числе и основание мыса. Большая часть его оказалась разрушенной позднейшими постройками, однако на сохранившемся участке нетронутого слоя удалось обнаружить очаги, сложенные из камней, открытые кострища с остатками золы и углей, «рабочие места мастера», где древний житель поселка изготавливал орудия, о чем говорило большое скопление отщепов.

Даже при беглом взгляде на коллекции, полученные в процессе раскопок, обращает на себя внимание обилие разбитого кварца, часто крупные кварцевые отщепы и заготовки нуклеусов при относительно

небольшом числе кварцевых орудий. Причина этого становится понятной, когда внимательно рассматриваешь сам кварц. Он крупнозернистый, легко ломающийся, почти не поддающийся ретушированию. Для того чтобы изготовить орудие из такого материала, мастеру приходилось отбрасывать очень много кусков неподходящей породы. Не найдя поблизости хорошего кварца, горного хрусталя и халцедона, он был вынужден использовать материал более низкого качества.

Однако данное поселение выделяется из прочих необычно большим количеством отщепов кремня. Если на других поселениях Кольского полуострова кремневые орудия насчитываются единицами или, в лучшем случае, вместе с отщепами несколькими десятками, то здесь количество кремневых орудий и отщепов – более тысячи экземпляров. В большинстве они желтовато-розовые или серые, иногда – белые. В основном отщепы мелкие, поскольку размер кремневых галек, служивших сырьем для изготовления орудий, очень мал, а обилие отщепов (отбросов) объясняется его низким качеством (невысокой плотностью, наличием пустот – каверн). Наиболее крупные гальки применялись, главным образом, для скребков и наконечников стрел. Гальки раска[34]ли вдоль, а затем ретушировали по краям – по рабочему лезвию. На внешней поверхности многих из них сохранилась окатанность (корка).

Разнообразны наконечники стрел (свыше тридцати экземпляров). Часть их относительно крупные (до пяти сантиметров), массивные, другие тонкие, едва достигающие двух сантиметров! Многие имеют правильную ромбическую форму, некоторые с шипами и с хорошо выделенным черешком, в отдельных случаях оригинальной формы – с выемками. Отчетливо видно, что человек при изготовлении орудий из кремня учитывал его особенности, извлекая из каждого кусочка максимальную пользу. Сланцевые шлифованные наконечники в поселении единичны.

Крупные орудия – топоры и долота – выполнены из темно-серого сланца и зашлифованы по всей поверхности. Встречаются заготовки орудий,

шлифовальные плиты и пилы из песчаника довольно крупного размера, а также ретушеры – окатанные гальки с выщербинками по краям и на концах, получавшимися в результате ретуширования на них кремневых орудий.

Кремневое сырье, в виде мелких галечек, древний человек, вероятно, находил на морском побережье, возможно вблизи устья реки, так как мелкие кусочки кремня, отколотые в свое время от основной породы, оказались сильно окатанными.

Сосуды этого поселения толстостенные, как бы двухслойные, с примесью песка, по внешней поверхности украшены глубокими редкими ямками в сочетании с оттисками плоско срезанной палочки, которая то глубоко втыкалась в мокрую глину, то слегка скользила по ее поверхности. В орнаментах присутствуют и удлиненные вдавления, и своеобразный «качающийся» штамп. Один из сосудов украшен сложным узором – цепочкой ромбов, выполненных двумя линиями и ямками в местах их соединения.

Форма орудий и характер керамики указывают на то, что стоянка относится к развитому периоду неолита. Это подтвердил и радиоуглеродный анализ углей, взятых из различных очагов стоянки: 4840 ± 70 лет тому назад (2890 лет до нашей эры); 4300 ± 70 лет тому назад (2350 лет до нашей эры); 4170 ± 70 лет тому назад (2220 лет до нашей эры). Таким образом, все датировки включаются в III тысячелетие до нашей эры.

Целая серия стоянок обнаружена на побережье реки Пулонги. Здесь по берегу моря развевается ветром масса песка, почти не укрепленного растительностью, а приблизительно на пятьсот–восемьсот метров вглубь от берега вытянута цепь древних дюн, примыкающих одной стороной к небольшому озерку, отшнуровавшемуся в древности от моря. На образовавшихся дюнах располагалось древнее поселение. Нетрудно, «читая» местность, понять, что ныне заболоченное пространство являлось ранее озером и на его песчаном берегу жили люди.

Часть дюн оказалась развеянной, и потому очень большое количество находок поднято на поверхность. Обращает на себя внимание значительное количество кварцевых орудий и нуклеусов, в большинстве случаев изготовленных из хорошо окатанных галечек плотного мелкозернистого кварца, видимо, найденных в устье этой реки. Присутствуют также кремневые и сланцевые орудия. Техника изготовления кварцевых и сланцевых орудий весьма совершенна.

Удобным для жизни являлось и побережье Варзуги в нижнем течении[35] и прилегающие, к нему районы. Большое пространство занято тут песками. Рассказывают, что перед первой мировой войной на морском побережье, в районе Кузомени, какой-то купец вырубил лес и пески пришли в движение. С тех пор сильные ветры, дующие с моря, не позволяют укрепиться растительности, засыпают улицы села, мешают разведению огородов. Когдаходишь к Кузомени со стороны моря, невольно бросается в глаза необычное зрелище. Слева от села, среди песчаного моря, возвышаются огромные деревянные кресты, поставленные на могилах современного кладбища. Их силуэты выглядят особенно мрачно на фоне серого осеннего неба.

Движение песков отразилось и на древних памятниках. Часть их, очевидно, была полностью уничтожена. Свидетельством того, что на правом берегу Варзуги, в районе Кузомени, некогда существовали древние поселки, являются редкие находки тут каменных орудий. Лучше сохранились стоянки в Заречье (левобережье Варзуги), против села Кузомень, непосредственно по берегу реки и несколько в глубине от нее – на берегах озера Гагарьего.

Вблизи самого моря берег сложен молодыми песками и не содержит древних памятников. Несколько выше по течению (на расстоянии примерно километра), в устье небольшого притока Варзуги и выше его, встречаются поселения и остатки средневекового могильника.

На этом же участке чрезвычайно отчетливо вырисовывается цепь песчаных дюн, очерчивающих древний берег моря, и за ним, выше по течению Варзуги, почти вплоть до самого устья Кицы располагается большая группа неолитических стоянок. Точное число их не известно, так как ежегодно границы стоянок меняются – сильные ветры постоянно развевают пески (поскольку поверхность покрыта лишь низким мхом и лишайником). Вновь возникающие выдувы разъединяют одни стоянки, а старые выдувы, засыпанные песками, соединяют другие.

В течение нескольких лет подряд наша экспедиция, посещая эти места, наблюдала за изменением границ памятников, пытаясь установить более точно их очертания. В общей сложности здесь обнаружено свыше тридцати стоянок каменного века, часть из них, видимо, относится к мезолиту.

В особенности много неолитических стоянок зафиксировано на побережье небольшого Гагарьего озера. Южный и западный берега его представляют собой высокие дюны, поросшие некрупными соснами, а между ними – значительные по площади пониженные участки, следы древних выдувов, которые и использовались тогда как места поселений. Хотя часть материала оказалась развеянной и переотложенной ветром, но сохранившиеся оча-ги, сложенные из камней, бесспорно, свидетельствуют о том, что древние люди жили именно на этих удобных, закрытых ранее от ветра участках.

Некоторые из стоянок подверглись раскопкам. Количество полученного материала велико: скребки, мелких и средних размеров, тщательно изготовленные скребла. В редких случаях встречаются кремневые скребки, несколько чаще – кремневые наконечники стрел довольно крупного размера, обработанные с двух сторон мелкой ретушью. Кремень, выходы которого отсутствуют, очень ценился у населения; сломавшиеся орудия не выбрасывали, а делали из них более мелкие, на что указывает, в частности, скребок, изготовленный из обломка наконечника стрелы.[36]

Недостаток кремня вынуждал людей применять для наконечников стрел иные породы – чаще всего сланец, поверхность которого тщательно зашлифовывалась, тыльная часть большинства наконечников имеет хорошо выраженный черешок. Как и на других стоянках южного побережья, здесь присутствуют угловые шлифованные шиферные и сланцевые ножи различных размеров, нередко довольно крупные сланцевые топоры, порой очень массивные, чаще с прямым, реже с округлым лезвием, также полностью зашлифованные. Много и более мелких орудий, преимущественно долот. Из редких предметов следует упомянуть узкую кремневую трапецию и обломки двух шиферных колец с отверстиями для крепления, служивших в качестве украшений.

Особенно велико количество грузил из песчаника, с желобками для привязывания, в отдельных местах они лежат по нескольку штук вместе, очевидно, там, где находились сети. Из-за неблагоприятных условий залегания обломков сосудов не обнаружено.

Большая группа стоянок, расположенная в устье реки Кицы, относится к мезолитической эпохе. Помимо упомянутых мест сосредоточения стоянок каменного века, на южном побережье Кольского полуострова они встречаются, но меньшими группами, на реках Оленице, Кузреке, Умбе, Колвице и на побережье Колвицкого озера. На восточном побережье полуострова их значительно меньше. Небольшие местонахождения древнего человека обнаружены лишь на реке Кочковке, Кривом ручье и близ мыса Святой Нос. Очевидно, высокие скалистые берега были малоблагоприятными для жизни. По всей вероятности, древние стоянки существовали и в устье Поноя, о чем говорят лабиринты, но, видимо, следы стоянок оказались уничтоженными современными постройками села Поной.

В целом в поселениях каменного века южного побережья Кольского полуострова можно заметить некоторые сходные черты, проявляющиеся в орудиях и в керамике, с поселениями Карелии, в особенности в ее северной части. Очевидно, древние племена соседних территорий общались друг с

другом; и не исключена возможность проникновения из Карелии не только вещей, появляющихся в результате обмена, но и небольшого количества пришельцев, особенно в раннем неолите. Однако пришлое население не уничтожило ни местного населения, ни его культуры. В основном материалы, близкие к карельским, имеются лишь на стоянках юго-западной части полуострова – в нижнем течении Нивы, в районе Колвицкого озера и Ловозера, но уже к востоку от Умбы эти сходные черты культуры так же, как и на всем северном побережье, отсутствуют. По-видимому, общение между племенами проходило по рекам, впадающим в Кандалакшский залив, и по побережью.

Во внутренней части Кольского полуострова значительное количество древних поселений располагалось на побережье озера Ловозеро и связанных с ним реках.

Первичное освоение человеком этой территории произошло, видимо, в эпоху мезолита, на что мы указывали ранее; более же определенные и многочисленные материалы получены на ранненеолитических стоянках. Они возникали на сухих участках древнего побережья, выраженного здесь очень отчетливо, в частности, вблизи устьев и истоков рек. В настоящее время такие участки от современного берега озера отделяет значительное заболоченное пространство. Интересно, что нередко на едва заметных возвышенностях, раскинутых среди болот, являвшихся древними островками, также встречаются отдельные находки древних вещей, видимо оставленных людьми, заплывавшими сюда на короткое время.

Много найдено стоянок в северо-западной части побережья – вблизи села Ловозеро, в устье речки Вирмы. Озеро Ловозеро образует здесь небольшой тихий залив, называемый местным населением Поповское озеро. Восточный берег его высокий, песчаный и сухой, западный – низкий, очевидно, в неолитическую эпоху заболоченный (или представлял собой очень мелкий и вязкий берег озера). К сожалению, значительное число

стоянок сильно разрушено. Судя по типу керамики и орудий, стоянки, существовавшие здесь во время неолита, были невелики по размерам.

Особое внимание привлекают хотя и небольшие, но удивительно целостные памятники, исследованные нами на южном побережье озера, в месте впадения в него реки Цаги. На берегах реки, друг против друга, располагались две стоянки – раннего неолита и раннего металла. Ранненеолитическая стоянка занимала относительно небольшой участок коренного берега реки, отгороженный от остального пространства невысоким отвесным возвышением, ограничивавшим, таким образом, площадь памятника. Культурный слой стоянки, толщиной до тридцати сантиметров, темного цвета, сильно гумусирован, количество найденных орудий значительно. Основная масса их сосредоточена вблизи очага, существовавшего на этом месте длительное время. Орудия, преимущественно крупные топоры и тесла, изготовлены из глинистого сланца и отлично зашлифованы по всей поверхности. Здесь же лежали и крупные шлифовальные плиты для их обработки. Кварцевые орудия немногочисленны и представлены в основном скребками. Рядом с очагом находились и обломки раздавленных сосудов, крупных, толстостенных, изготовленных из глины с примесью песка, украшенных по внешней поверхности отпечатками особого зубчатого штампа, образующими густой, похожий на тесьму орнамент. Мы насчитали не менее двенадцати сосудов, сходных с сосудами стоянок раннего неолита северного побережья Кольского полуострова (Нерпичья Губа, Устье Дроздовки, Нерпичья Губа I и др.). По углям из очага получены две даты, определяющие возраст стоянки: 5760 ± 160 лет тому назад (3810 лет до нашей эры) и 4690 ± 70 лет тому назад (2740 лет до нашей эры)¹, то есть начало IV – первая половина III тысячелетия до нашей эры. Ранненеолитический возраст Цаги I особенно рельефно выступает при сравнении ее с другой стоянкой – Цага II,

---

¹ Есть основания полагать, что вторая дата омоложена из-за загрязнения углей элементами, проникшими из верхних слоев почвы, с места современного пожара.

расположенной на противоположном, правом берегу реки, на более пониженном участке, который сильно потревожен траншеями военного времени. Участок этот занимал относительно большое пространство. В отличие от левобережной стоянки культурный слой здесь более светлого оттенка, содержал большое количество кварцевых орудий – скребков, скребел, нуклеусов и исключительно большое количество отщепов кварца. Крупные шлифованные орудия вовсе не встречались. Сосуды резко отличались от сосудов первой стоянки: тонкостенные, с примесью асбеста, украшенные слабо прочерченными параллельными друг другу и краю сосуда узкими полосками. Весь материал указывает на то, что данная стоянка вносится к эпохе раннего металла.

Таким образом, устье реки Цаги заселялось в разные периоды, когда уровень реки, а соответственно и озера, был значительно выше современно – в период раннего неолита и затем после понижения озера – в эпоху раннего металла.

Неолитические стоянки раннего и позднего периодов известны и на северном побережье озера Ловозеро, в истоке вытекающей из него реки Вороньей.¹

Для своих поселений, так же как и в наше время, люди выбирали наиболее удобные места, а ими были, в первую очередь, богатые рыбой озера и сухие участки побережья, отчего и заселялись они неоднократно, в силу каких-то причин с перерывами, или были обитаемы длительное время. Выбор этих мест для поселений объясняется и тем, что река Воронья являлась в то время единственной крупной водной магистралью, связывающей центральную часть полуострова (оз. Ловозеро) с северным морским побережьем.

Стоянки, в силу малой мощности культурного слоя, содержат смешанный материал, не расчлененный по глубинам. Материалы раннего

---

¹ Работы здесь, помимо нашей экспедиции, проводили и сотрудники Карельского филиала АН СССР под руководством А. В. Анпилова.

неолита – сосуды, сплошь украшенные правильной формы коническими ямками в сочетании с редкими горизонтальными поясами из оттисков гребенчатого штампа, что свидетельствовало о проникновении влияния древних карельских племен, – залегали вместе с сосудами, типичными только для раннего неолита северного и южного побережья Кольского полуострова. И здесь же находились тонкостенные сосуды с примесью асбеста и редким орнаментом в верхней части из тонких прочерченных линий, образующих косую сетку, – типичные для эпохи раннего металла северного побережья Кольского полуострова и Норвегии. Наконец, присутствовали сосуды с тонкими штрихами и сосуды с отпечатками «ткани», характерные для эпохи бронзы и раннего железа южных областей.

Значительное число неолитических памятников обнаружено, в особенности за последнее время, на северном побережье Кольского полуострова. Так же, как в южной и центральной его частях, люди выбирали для своих селений, главным образом, песчаные участки берега реки в некотором отдалении от устья, где вода и во время морского прилива оставалась пресной. Исключение составляли лишь те места, где в непосредственной близости от реки находилось небольшое озеро или горный ручей; тогда поселки возникали у самого моря.

За прошедшие годы открыты неолитические памятники на всех более или менее крупных реках, впадающих в Баренцево море, то есть практически повсюду, где проводились обследования: на побережьях рек Печенги, Титовки, Западной Лицы, Уры, Туломы, Колы, Териберки, Вороньей, Рынды, Золотой, Харловки, Сидоровки, Дворовой, Иоканги, Лумбовки, Каменки, Кочковки и других. На многих перечисленных реках неолитические стоянки располагаются группами, нередко по несколько десятков, в ряде случаев в сочетании с более поздними стоянками. Иногда культурные остатки неолита и раннего металла[39] не разделены так называемой «стерильной» прослойкой, что осложняет их расчленение.

Особый интерес у нас вызывает Дроздовская бухта, являющаяся поистине жемчужиной Кольского полуострова.

Здесь на сравнительно незначительном по величине участке оказалась большая группа стоянок, относящихся к различному времени. Работа, начатая нами в 1973 году, продолжается ежегодно, и в результате обнаруживаются все новые и новые стоянки. Уже в значительной степени раскопаны поселения эпохи неолита и раннего металла, в соседней Ивановской бухте в ближайшее время будут исследованы мезолитические стоянки.

Дроздовская бухта – длинная и узкая, а потому тихая, даже во время сильных штормов. Скалистые берега ее сложены серым гранитом, покров – из стелющейся вороники и тонкого слоя почвы, в основном песка и камней, – местами вовсе отсутствует, и тогда скалы выходят на поверхность.

Первое поселение, которое мы начали исследовать с помощью широких раскопок, находилось в Нерпичьей губе. Это небольшое ответвление Дроздовской бухты. Мы обнаружили его во время разведок, как бы в награду за тяжелое путешествие из губы Дворовой, и вначале поселение не обещало много хорошего. Скалы, едва прикрытые скудной растительностью, а на многих участках и вовсе голые, и только небольшое, слегка заболоченное понижение, поросшее мелким березовым кустарником. Берег резко обрывается к морю, высота его не менее десяти метров. Среди серого тона, усиленного завесой мелкого сплошного дождя, было непросто увидеть лежащие прямо на поверхности наконечники стрел и топоры, тоже из серого сланца. Ветер и дождь в течение нескольких тысячелетий воздействовали на них, почти уничтожив следы работы человека. Поверхность орудий оказалась сильно заглаженной, и требовался опытный взгляд, чтобы признать в них творение человека. В правильности сделанного вывода мы убедились в полной мере лишь после того как нашли наконечники стрел, изготовленные из кремня. Кремень, по твердости превосходящий сталь, меньше подвергается выветриванию, но все же острые

границы фасеток (с помощью которых они были обработаны) слегка сгладились, а та сторона некоторых наконечников, которая была не прикрыта землей, даже поросла лишайником.

Было очевидно, что мы находимся на месте древней стоянки. Но нас не покидало опасение: не будет ли она настолько сильно разрушена, что не даст никаких признаков культурного слоя?

В тот вечер и на следующее утро – пока ждали парохода – нам стало ясно, что найденное поселение станет объектом будущих наших раскопок. Экспедиция уже заканчивала свою работу в тот год. Откровенно говоря, тогда я и не предполагала, что эта каменистая бухта привяжет нас столь надолго. Лишь впоследствии, из года в год проводя раскопки на стоянках, радиальными маршрутами обследовав близкие и более отдаленные участки побережья, мы открывали все новые и новые памятники.

Особая привлекательность района Дроздовки не только в том, что стоянки содержали многочисленный материал, в частности обломки сосудов, что встречается крайне редко на других стоянках Кольского полуострова[40] и Севера вообще (Северная Финляндия, Норвегия), но и в том, что рядом расположенные стоянки, датированные различным временем позволяют точнее проследить изменения, происшедшие в орудиях труда, быте и хозяйстве разделенные лишь несколькими сотнями, а иногда и десятками метров, стоянки не могут относиться к различным племенам, и наблюдаемые в них особенности объясняются тем, что они оставлены людьми в разное время. Такое скопление стоянок в одном месте является для археолога ценнейшим источником.

Благоприятные природные условия – длинные тихие морские бухты с ответвлениями в виде еще более спокойных маленьких бухточек – привлекали сюда людей с глубокой древности. На побережье Дроздовской бухты и прилегающем к ней участке количество найденных нами памятников – стоянки мезолитические, раннего и развитого неолита и раннего металла – приближается к полусотне. Среди них – промысловые стоянки и мастерские

по изготовлению каменных орудий. Некоторые из стоянок мы открыли в 1978 году и в последующие годы. А до того ходили по ним, не подозревая о том, что земля тут скрывает великолепный древний памятник. Хотя, казалось, и место малоблагоприятное, и современный поселок, бывший здесь ранее, должен был бы уничтожить все следы древнего обитания. А в действительности проведенные раскопки дали очень важные результаты.

Так Дроздовская губа стала для нас своего рода лабораторией, где мы черпали точные факты, позволяющие проверять данные, полученные в других районах Кольского полуострова. Уже восемь лет подряд экспедиция саживается в Дроздовской губе, проводит раскопки. Мы изучили каждый изгиб бухты, сжились с очертаниями гор и камней.

Относительно ровная площадка десятиметровой террасы вблизи основания бухты Нерпичья губа (в ее кутовой части) рассечена небольшим овражком, заросшим кустами березы, по которому протекает ручей (в прошлом небольшая речка, теперь ее ширина менее десяти метров). По обоим берегам ручья исследованы два древних поселения. Вначале обнаружилось одно из них – западное, названное нами Нерпичья Губа. Восточное – Нерпичью Губу I – мы нашли в следующем году.

Поверхность стоянки Нерпичья Губа относительно ровная, но очень каменистая, некоторые камни значительного размера. Местами скалы совсем не прикрыты землей. Раскопки стоянки длились четыре сезона, в результате раскопана площадь в 1360 квадратных метров, полностью исчерпавшая памятник. Оказалось, что древние люди поселились на поверхности горизонтальной, но неровной скалы, возвышенная часть которой была видна, а пониженная скрывалась под сильно каменистой почвой. Рядом протекала небольшая речка, которая питалась грунтовыми водами, собиравшимися у подножия горы, и водами образовавшегося здесь небольшого болота. Речка и была необходимым источником пресной воды.

При обследовании поверхности стоянки была найдена небольшая современная яма, внутри которой росли березки. При зачистке одной из ее

стенок мы встретили небольшой фрагмент толстостенного сосуда, почти черного цвета. Уже по одному этому черепку стало ясно, что поселение относится к эпохе раннего металла. Это подтверждала и часть найденных на[41] поверхности орудий. Были там и другие предметы, которые не вмещались в обычные представления об этой эпохе, – факт, который заставил нас насторожиться. Неоднородность находок выявилась в самом начале раскопок. Вместе с темными, почти черными, обломками сосудов, украшенных только в верхней части, изредка встречались светло-желтые черепки, крепкие, сплошь украшенные глубоким орнаментом из ямок, а также кремневые орудия – наконечники стрел различной формы. Стало очевидно, что на стоянке жили дважды и в разное время.

Поскольку поверхность площадки из-за крупных и мелких камней оказалась неровной, культурный слой ее не разделялся четко на горизонты, соответствующие различным этапам заселения, как это часто можно наблюдать в более южных районах, где почвообразовательный процесс интенсивен, а культурный слой соответственно имеет значительную мощность.

В нашем случае возникла необходимость особенно точно фиксировать глубину залегания находок, поскольку в верхней части слоя они в основном могли относиться к более позднему времени, чем те, которые залегали ниже. Однако приходилось учитывать и особенность грунта – нетолстый слой песка, в нижнюю часть которого легко могли проникать находки более позднего времени, будучи втоптаннами в грунт во время последующего обитания. Вместе с тем не исключалась и возможность попадания некоторого количества более древних находок в верхний слой, например, когда во время функционирования поселения во втором периоде выкапывали ямы, а грунт выбрасывали наверх. Наша задача заключалась в том, чтобы в процессе раскопок в соответствующем масштабе нанести на план все камни, все очаги, все хозяйственные ямы, встреченные в культурном слое. Такие планы мы составляли на каждый горизонт, то есть через каждые пятнадцать

сантиметров, на глубину слоя, снятого ножом, для того, чтобы, произведя позднее статистический подсчет уже в камеральных условиях, мы могли подтвердить правильность наблюдений, сделанных в процессе раскопок.

Разбираем верхний слой стоянки. В западной части, ближе к овражку, где протекает ручей, слой порос карликовой березкой и вороникой. Приходится выбирать кустарники, и сразу же на земле под их корнями обнажаются древние предметы – обломки темной закопченной посуды, каменные орудия. По мере углубления количество неолитических находок увеличивается. Часть их залегает под камнями, очевидно, набросанными при повторном заселении этого участка человеком. Очень ценными оказались скопления черепков.

Позже, уже в Ленинграде, мы собрали из них почти целые сосуды – первые для Кольского полуострова, и соседней Норвегии сосуды столь древнего возраста. Раньше они на Кольском полуострове не встречались. Украшение внешней поверхности состояло из ямок и отпечатков гребенчатого штампа или палочки, обмотанной на конце жильной нитью, в результате чего возникали отпечатки, близкие к оттискам гребенки. Изредка встречался и другой штамп. По форме сосуды напоминали яйцо, разрезанное поперек, с плавно округлым дном. Подобные сосуды были найдены и по соседству, в бухте Варзина. Неожиданным оказалось наличие плоского днища у нескольких сосудов, причем, как и в Чаваньге, значительного диаметра (до одиннадцати сантиметров). Днища, как и стенки, сплошь покрывал орнамент. Верхнюю часть сосудов мы не нашли, но похоже что они имели форму миски. Как уже указывалось, кроме Нерпичьей губы, такие сосуды были найдены в Чаваньге (в чистом комплексе), на реке Вороньей и близ Кандалакши. Выходит, мастер не случайно сделал такой сосуд. Следует заметить, что количество таких сосудов невелико и они встречаются вместе с остродонными в пределах одного поселения и одновременны им. До сих пор плоскодонные неолитические сосуды не известны ни в Карелии, ни в Финляндии, ни в Норвегии, а также ни на территории современной

Архангельской и Вологодской областей. Более того, такие днища не известны и южнее – в лесной полосе. Они появились лишь в эпоху раннего металла, а у охотничьих северных племен остродонная посуда удержалась значительно дольше, поскольку она более устойчива на каменных очагах, тогда как плоскодонная требует ровного пода.

На поселении Нерпичья Губа найден также фрагмент только одного сосуда, являющегося полной копией сосуда, часто встречающегося в Северной Норвегии (эта культура носит там название «сярязниими»). И это явно указывает на тесные связи между древним населением Кольского полуострова и Северной Норвегии.

Раннеолитические сосуды в Нерпичьей Губе, так же как и некоторые орудия, характерны для эпохи раннего металла. Труднее обстояло дело с мелкими кремневыми орудиями, отдельные формы которых существовали длительное время. Несколько удивляло их обилие, свидетельствовавшее о широко развитом обмене с племенами южного побережья Белого моря, откуда доставлялся кремень. И своеобразный сосуд, типичный для северо-восточной Норвегии, и светлый беломорский кремень указывали на отсутствие замкнутости человеческих коллективов, обитавших на далекой окраине полуострова. В этом еще раз пришлось убедиться при раскопках одного захоронения, о чем мы расскажем несколько позднее.

В процессе раскопок выяснилось, что очаги разводили обычно у больших камней, прикрывавших их от сильных северных ветров. Костров было несколько, и, очевидно, горели они не в одно время. Остатки углисто-зольного слоя, размытые сильными дождями, просочились под крупные камни и занесли с собой мелкие находки – черепки от сосудов.

Наблюдения над глубиной залегания находок и сопоставление найденных орудий с орудиями других памятников помогли выделить среди материала стоянки Нерпичья Губа более древний и более поздний комплексы, указавшие на то, что это место заселялось людьми дважды – в раннем неолите и в эпоху раннего металла. И все же где-то глубоко

оставались сомнения – правильный ли был сделан вывод? Поскольку с такими поселениями сталкивались мы впервые. Бесспорный ответ можно было получить лишь в результате исследования памятников с «чистым» комплексом (то есть не имеющих смешанного материала). Поэтому особенно большое значение имели обнаруженные поблизости от поселения еще пять различных стоянок: Варзина-8, Маяк, Маяк II, Нерпичья Губа I, Устье Дроздовой и Кривун.

Особой ценностью для выявления раннего комплекса и получения о нем более подробной информации обладали две стоянки – Нерпичья Губа I[43] и Устье Дроздовки, исследованные в 1976–1978 годах.

Стоянка Нерпичья Губа I располагалась всего лишь в пятидесяти метрах от стоянки Нерпичья Губа, на противоположном берегу ручья. С одной стороны она примыкала к берегу моря, с другой – к берегу ручья. Культурный слой ее был значительно тоньше и содержал только находки раннего неолита. Чистота раннего комплекса на данном поселении выступает исключительно отчетливо. Сосудов на этой стоянке найдено относительно немного, все они толстостенные, сплошь украшенные неглубокими отпечатками гребенчатого штампа, то есть полностью повторяют сосуды раннего неолита Нерпичьей Губы. На всей площади раскопа не попало ни одного фрагмента поздней керамики. Из орудий изредка встречались кремневые наконечники стрел, почти во всех случаях серого цвета. Скрепки из кремня исключительно редки. Среди сланцевых орудий – некрупные наконечники стрел, короткие, круто изогнутые угловые ножи, проколки. Крупных рубящих орудий немного. Они грубые, обработанные сколами, изредка шлифованы по лезвию. Многочисленные шлифовальные плиты и отбойники-ретушеры – овальные, отлично окатанные гальки со следами сбитости на концах и на отдельных участках длинных граней. Наиболее распространены круглые гальки, сильно окатанные, видимо грузила. Нередки песчаниковые пилы и заготовки сланцевых орудий со следами пиления.

На стоянке Нерпичья Губа I так же, как и на стоянке Нерпичья Губа, обнаружено несколько очагов, сложенных из крупных камней со следами действия огня. Древний возраст стоянки, определенный по характеру орудий и сосудов, подтвердился и радиоуглеродным методом. По углям из очага получена дата – 4630 лет тому назад (2680 лет до нашей эры).

Однослойная неолитическая стоянка исследована и в устье Дроздовки. Дроздовская бухта, относительно узкая и достаточно длинная, отчетливо сохранила древние очертания. Берег здесь как бы двухъярусный. Хорошо видно, что ранее бухта была длиннее, ее коренные берега имеют сравнительно большую высоту и образуют как бы амфитеатр. Между морем и коренным берегом расположена низкая терраса, не заливаемая во время прилива, в настоящее время заросшая мелким кустарником и травой.

Правый высокий берег представляет собой плато, ограниченное с севера морем, с запада крутым берегом реки, с востока скалами, а с юга рекой Дроздовкой, текущей почти под прямым углом по отношению к своей приустьевой части. Здесь сохранились следы целого ряда неолитических стоянок, часть из них подверглась местами разрушению в результате работы ветра.

Наиболее богатой оказалась стоянка, названная нами Устье Дроздовки. Она расположена на наиболее зауженной части плато – совсем близко к краю древней морской террасы. На площади раскопа (пятьсот квадратных метров) обнаружены очаги в виде каменных выкладок округлых очертаний. На периферии камни были более крупного размера, в средней части – более мелкие, плотно уложенные. На них сохранились следы огня. Помимо очагов открыты кострища – округлые или слегка овальные пятна прокаленного песка с золистой прослойкой и мельчайшими угольками.

Как и на других раннеолитических памятниках, насыщенность куль[44]турного слоя находками относительно невелика. Сосуды, так же как и в двух первых стоянках, толстостенные, форма яйцевидная, днище острое, обожжены слабо, отчего очень хрупкие. Внешняя поверхность их покрыта

орнаментом из отпечатков гребенчатого штампа шнура, намотанного на стержень, и прочерченных линий, образующих вертикальный зигзаг. Орудия – из сланца, кварца и кремня. Наконечники стрел часто ромбовидной формы, обработаны по обеим сторонам ретушью. Найдено сланцевое зашлифованное кольцо, служившее украшением.

Как мы и предполагали, эта стоянка оказалась древнее, чем Нерпичья Губа I.

Установлено, что костер тут погас 5510 лет тому назад (3560 лет до нашей эры).

На северном побережье Кольского полуострова много и других неолитических стоянок, давших существенные материалы для изучения хозяйства и быта их обитателей. Очень важны для этого остатки жилищ.

Раскоп на поселении Устье Дроздовки

Неолитические жилища так же, как мезолитические и более позднего времени – эпохи бронзы и раннего железа, трудны для изучения вследствие уже указанных стратиграфических условий, которые не способствуют сохранению органических остатков. В особенности это касается северной части Полуострова, где почвенный слой очень маломощный или вовсе отсутствует и более значительная его толща встречается лишь в естественных понижениях скал, в

пределах сильно заболоченных участков. Таким образом, устройство землянок для жилья, широко распространенных в древности в более южных районах, здесь почти невозможно, вместе с тем суровая природа вынуждала людей строить убежища.

Очевидно, жилища делали наземными. В ряде случаев для них использовали естественные, удобно расположенные выступы скал, которые заслоняли от северных морских ветров и одновременно служили стенами. Такое сооружение затем утепляли шкурами. В местах, где находились такие жилища, обычно сосредоточивается большое количество находок. Но существовали, очевидно, и жилища другого типа – построенные из жердей и веток и покрытые шкурами. Низ жилищ, видимо, укреплялся на земле камнями, подобно куваксам, сохранившимся в Лапландии еще в начале XX века. Иногда на древнем поселении, раскопанном на большой площади, среди обилия обнаженных в культурном слое камней усматривается определенный порядок – выкладка их в форме круга или неправильного четырехугольника, – возможно, остатки основания наземного жилого сооружения. Нередко в контурах их сосредоточено особенно большое количество находок и остатки очага.

В средней и южной части полуострова, где на залесенном пространстве имеется более мощный почвенный покров, встречаются жилища иного типа, углубленные в грунт, – полуземлянки. Такие жилища обнаружены нами в районе города Кандалакши, на левом берегу Нивы, на относительно ровной площадке террасы высотой около тринадцати метров над уровнем реки. Площадь, занятая стоянкой, превышала пятьсот квадратных метров. К сожалению, часть ее, вместе с некоторыми жилищами, была разрушена только что произведенной в то время вспашкой. Доказательством, что разрушение произошло недавно, служило значительное количество еще не окатанных орудий – шлифованных топоров, найденных непосредственно в бороздах, а также керамика, подобранная с поля и сложенная в кучи вместе с камнями. Здесь же лежала большая шлифовальная плита с отчетливыми следами от обрабатываемых на ней предметов.

На площади стоянки хорошо заметны семь углублений четырехугольных очертаний. Два из них длинными сторонами почти соприкасались друг с другом, образуя вид прямоугольника размером восемь

на четыре метра. Остальные углубления имели величину пять на пять и четыре на четыре метра, соединяясь узкими переходами шириной в полметра. Очевидно, это были рубленые жилища, углубленные на сорок–пятьдесят сантиметров в грунт и покрытые деревянным накатом, похожие на тупы саамов, существовавшие в XVIII веке.

Основные орудия этой стоянки – крупные топоры и тесла – изготовлены из глинистого сланца и очень тщательно зашлифованы. Именно такие орудия и позволяли рубить деревья для строительства домов, лодок и самых разнообразных охотничьих и рыболовных сооружений.

Сравнение орудий эпохи мезолита и неолита отчетливо показывает превосходство последних. Несмотря на то, что они по-прежнему делались из камня, техника их обработки стала более совершенной, а набор неизмеримо богаче. Разнообразные наконечники стрел и копий, в частности, свидетельствуют о дифференциации охоты.

Большим достижением неолитической эпохи явилось изобретение глиняной посуды, благодаря которой появилась возможность варить пищу и хранить всевозможные запасы.[46]

Эпоха раннего металла

Древнее население Кольского полуострова, подобно населению других территорий, в процессе своего развития в эпоху раннего металла поднялось на более высокую ступень – познакомилось с полезными свойствами металла. Отсутствие собственных залежей медной руды или самородной меди, доступных для человека в то время, а также трудность получения ее путем обмена сильно ограничивали изготовление медных и бронзовых орудий (сплав меди с оловом). На поселениях этого времени исключительно редко встречаются металлические изделия, что в известной мере объясняется и стратиграфическими особенностями. Резко выраженная специфика природных условий и в эту эпоху наложила особый отпечаток: для того чтобы тонкие металлические вещи сохранились в течение нескольких тысячелетий, нужны особые благоприятные условия – песчаный грунт, отсутствие доступа воздуха и сухая почва. И все же отдельные металлические предметы, найденные в Оленеостровском могильнике, и формы для отливки бронзовых вещей говорят о том, что древнее население Кольского полуострова не только было знакомо с бронзовыми изделиями, но и умело изготавливать их.

Малое количество металлических предметов наблюдается и в южных областях даже в более позднее время (в эпоху средневековья). Трудность добычи и обработки металла, а следовательно, и высокая стоимость заставляли древнее население использовать сломанные металлические вещи вновь переплавляя или перековывая их.

Однако почти одновременно с бронзой древние жители Кольского полуострова узнали и о полезных свойствах железа. При расчистке одного из погребений могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря (подробнее мы на нем остановимся ниже) среди вещей, сопровождавших захороненных людей, найден медный наконечник копья, а за головой двух других погребенных – по два куска болотной железной руды. Поскольку с

умершими клали лишь самые необходимые при жизни вещи, следует думать, что железная руда, видимо, уже по достоинству была высоко оценена древними оленеостровцами. Очевидно, это было лишь самое начало освоения железа. Остатки каменной железоплавильной печи обнаружены и на поселении, расположенном на побережье озера Ловозеро.

Исходя из того, что эпоха бронзы на Кольском полуострове так же, как и на обширной территории лесной зоны, включая Карелию, Эстонию, северо-восточные области – Вологодскую и Архангельскую, продолжалась недолго и почти одновременно с бронзой люди стали применять и железо, время, следующее за неолитом, вплоть до раннего средневековья, правильнее называть эпохой раннего металла.

Поскольку металлические предметы встречаются на поселениях очень редко или вовсе отсутствуют, исследователю приходится учитывать целый ряд других признаков, свидетельствующих о происшедших изменениях. Так, важным обстоятельством для Кольского полуострова служит более низкое расположение стоянок раннего металла по отношению к уровню моря, чем стоянки неолитические, а также появление ряда каменных орудий иного назначения, своеобразных форм орудий и в особенности сосудов. Все это позволяет надежно отчленить такие поселения от неолитических. Не[47]сомненно, важным при этом является и сопоставление памятников с соседними, и в особенности с теми, где найдены металлические вещи. При совпадении прочего материала, обнаруженного на стоянках, есть полная уверенность считать их одновременными, даже если на них и нет орудий из металла. Особое значение в таком случае имеет серия абсолютных датировок, полученных радиоуглеродным методом для неолитических памятников.

Однако не только наличие металла отличает эту эпоху от предшествующей. Изобретение новых орудий охоты и рыболовства позволило населению перейти к более совершенным формам хозяйства: в

южных областях – к скотоводству и земледелию, в северных – к морскому промыслу. Развивались межплеменные связи, искусство.

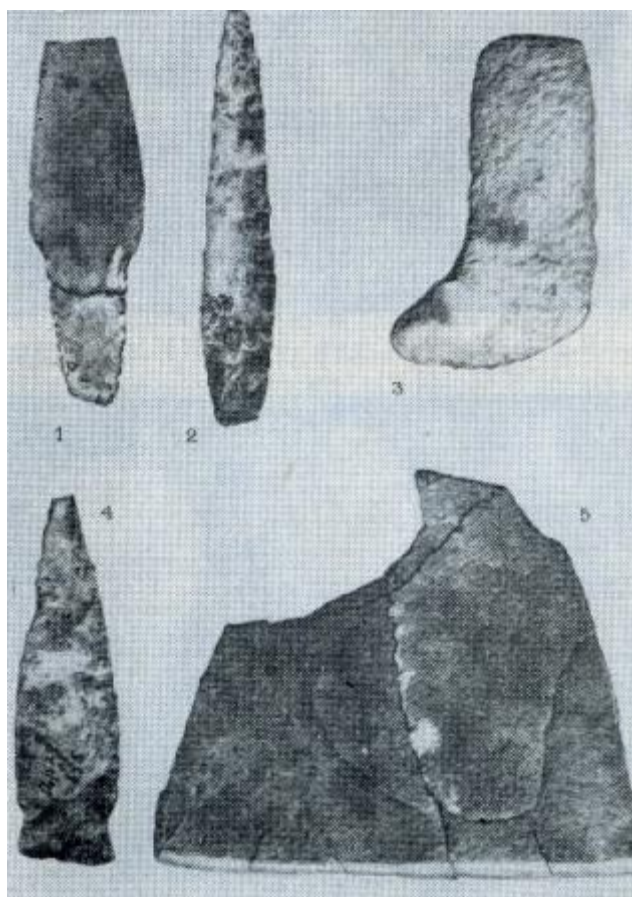
Наряду с общими чертами культуры различных областей существует немало специфических особенностей, порожденных прежде всего различием в форме хозяйства. Земледельцы юга и охотники-рыболовы севера, естественно, применяли различные орудия труда, обладали иными жилищами и даже иным искусством, поскольку оно предопределялось восприятием и пониманием окружающего мира. Вместе с тем и внутри близких в природном отношении зон наблюдалось несходство в деталях орудий труда, в строительстве жилья, в искусстве, так сказать, «этнографические особенности», аналогичные тем, какие можно видеть нередко среди близко живущих народов. Существенные особенности порождались также различными историческими судьбами народов и общением их друг с другом.

За долгие годы исследований археологических памятников Кольского полуострова нам удалось выявить специфику культуры населения в эпоху раннего металла, отраженную в орудиях труда и в керамике. Теперь уже каждый сотрудник, проработавший в экспедиции несколько дней на раскопках, после разъяснений безошибочно различает глиняную посуду эпохи неолита и эпохи раннего металла. Но это далось нам далеко не сразу. Потребовались годы, чтобы понять, к какому времени могут относиться различные материалы, установить закономерность и причины различий. Ряд деталей не решен еще и сейчас и требует дальнейших поисков. Так же обстоит дело и в сопредельных странах, близких в природном и историко-культурном отношении к Кольскому полуострову, – в Норвегии, Швеции, Финляндии.

Впервые памятники эпохи раннего металла обнаружены еще в 1947 году на побережье Баренцева моря – могильник на Большом Оленьем острове и стоянки на соседнем Екатерининском острове, а также ряд разрушенных стоянок на северном и южном побережьях Кольского

полуострова, вблизи Кандалакши, на Колвицком озере. В последующие годы они были найдены и в других местах. Особенно значительными оказались работы последних лет в Дроздовской губе, поскольку здесь стоянки эпохи раннего металла располагались вблизи неолитических стоянок, а иногда и непосредственно на их местах.

Некоторые стоянки содержали чистые комплексы (Дроздовка, Кривун), в других прослеживалось, - как более позднее поселение налегало на часть более раннего, то есть заметна четкая планиграфия разновременного материала (Устье Дроздовки), и наконец, на третьих (Нерпичья Губа) – разновременные находки встречались в стратиграфически не расчлененных[48] слоях, хотя в основном и сосредоточивались на соответствующих глубинах.

Каменные орудия с поселений раннего металла:

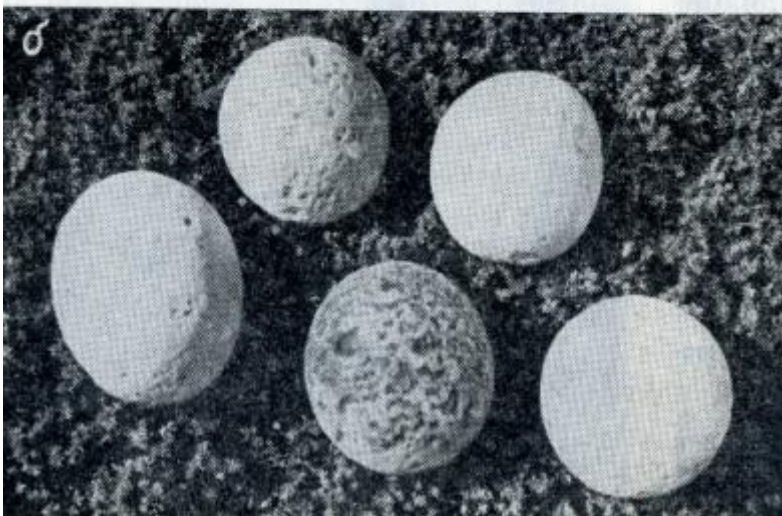
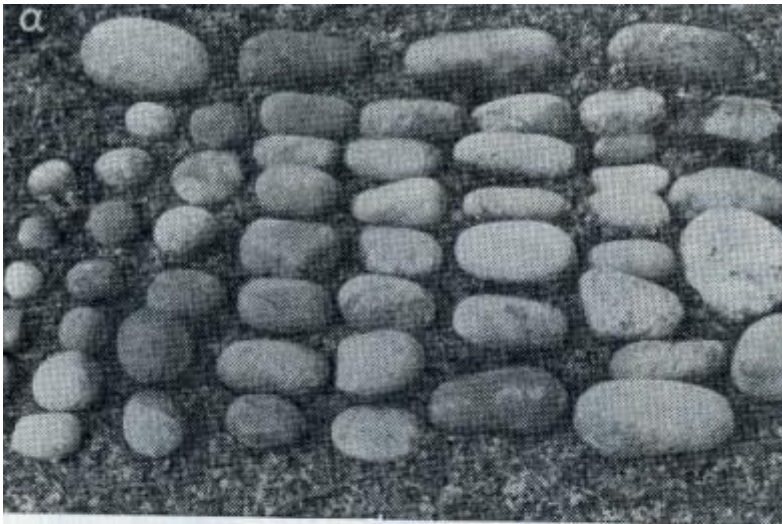
1 – сланцевый наконечник; 3 – нож с поселения Кривун; 2, 4 – сланцевые наконечники стрел с поселения Дроздовка; 5 – пила из песчаника с поселения Устье Дроздовки

Стоянка Нерпичья Губа, раскопанная как указывалось, на площади 1360 квадратных метров (пока это наиболее полно исследованный памятник охи раннего металла для всей заполярной и приполярной зоны), дала очень многочисленный и яркий материал. Хотя находки располагались на площади всего поселения и по всей толще культурного слоя (очень незначительного по мощности), все-таки в большинстве случаев они сосредоточивались в верхних горизонтах, прямо под растительным покровом. Среди орудий встречались кремневые

наконечники стрел с очень тщательной двусторонней обработкой, часть которых относилась к эпохе неолита. Однако преобладали крупные, обработанные с помощью ретуширования сланцевые наконечники копий и дротиков. С таким обилием наконечников мы столкнулись впервые, но затем при раскопках других стоянок убедились, что они типичны для эпохи раннего металла, в особенности для северного побережья полуострова.

Вторым весьма многочисленным и характерным орудием являлись угловые сланцевые ножи, прекрасно зашлифованные, крупного размера, чаще с плавно изогнутым лезвием. Один из них особенно выделялся величиной, второй – материалом, из которого изготовлен. Для последнего использован серый сланец с широкими, очень светлыми параллельными полосами – включениями. Выходы подобного сланца не известны на Кольском полуострове. Это первый предмет из такого камня, найденный здесь, в то время как точно такие же ножи встречаются в Финляндии и в Норвегии. Очевидно, сланцевый нож доставили оттуда уже в готовом виде в обмен на какой-то другой предмет.

Обращало на себя внимание и необычайно большое количество шлифовальных плит из кварцита и песчаника, иногда очень крупных по величине и значительных по весу. У некоторых плит середина оказалась углубленной. На них явно заметны следы обработки предмета в виде продольных или круговых штрихов. Глубина следов указывала, что шлифованию подвергались не только костяные предметы (полностью исчезнувшие к моменту наших раскопок), но и каменные, в первую очередь топоры, наконечники стрел и ножи. В отдельных случаях в качестве шлифовальных плит древние жители поселка применяли в большие камни подходящей породы, постоянно лежащие здесь же, на поселении. Помимо целых, много встречалось и сломанных плит. Поскольку камней, обладающих хорошими абразивными свойствами, вокруг было много, их не экономили и после кратковременного использования выбрасывали. Вместе с тем в ряде случаев куски сильно сношенных в процессе работы

Отбойники с поселений:
а – Маяк; б – Нерпичья Губа

шлифовальных плит (главным образом, средние их части) использовали в качестве пил – прием, широко распространенный на Севере. Пилы имели различную величину и форму в зависимости от форм заготовки, но во всех случаях рабочая часть – лезвие – очень ровное, прямое, покрыто (на ширину до двух сантиметров, реже – больше) четкими параллельными тонкими и непрерывными продольными штрихами, получавшимися в

результате пиления твердого предмета. Шлифовальные плиты и пилы в таком большом количестве на других поселениях не встречались.

Чрезвычайно многочисленна на стоянках была и еще одна, категория орудий – овальные и округлые гальки, сильно окатанные морем, и гладкой поверхностью, в ряде случаев залегающие, целыми группами. Судя по сильно сбитой поверхности концов некоторых овальных галек, можно заключить, что, очевидно, их применяли в качестве отбойников и ретушеров при изготовлении орудий или при каких-то» иных бытовых операциях. Очень большое число их и на других поселениях эпохи раннего металла также указывает на их важную роль в хозяйстве. Возможно, небольшие округлые гальки, лежавшие иногда по нескольку вместе, служили грузилами.

Сосуды, относящиеся к эпохе раннего металла, как и на большинстве других поселений этого времени, темного, почти черного цвета,[50] тонкостенные, часто крупного размера, с прямым и, по-видимому, округлым или уплощенным дном (ни в одном случае дно не было найдено). От неолитических сосудов, помимо темного цвета (результат слабого обжига) и большой величины, а также меньшей толщины стенок, их отличает примесь мелкотолченого асбеста (иногда, очевидно, травы) и орнаментация, сосредоточенная только в верхней части, в то время как остальная поверхность сосуда оставалась неорнаментированной. Эта характерная черта наблюдается и во всех других памятниках рассматриваемого времени. Необычен характер орнамента – в виде мельчайших ямок и коротких косых насечек, образующих горизонтальные пояса под венчиком, – не известного на окружающей территории, – и косая сетка, полученная прочерченными линиями. Подобный узор встречается в северо-восточной Норвегии. Удивлял крупный размер сосудов – до пятидесяти сантиметров в диаметре. Тонкие и потому хрупкие, они могли изготавливаться лишь на постоянных поселениях: перетаскивать их с места на место вряд ли было возможно.

Раньше на побережье нам приходилось исследовать кратковременные летние сезонные стоянки, здесь же, видимо, мы встретились с остатками длительного поселения: иначе непонятно, почему тут сосредоточено такое большое количество наконечников копий, ножей, скребков и огромное количество отщепов сланца и кварца, обычно получаемых при изготовлении орудий и их заготовок (выходы сланца и кварца находятся поблизости, а противоположном берегу).

В верхнем слое вскрыто немало очагов, иногда обложенных камнями. В них сохранили отчетливую форму тоненькие сгоревшие веточки. Это указывало на то, что в качестве топлива служили кустарниковые растения – карликовая береза.

На площадке стояла небольшая хижина, видимо, наземной конструкции. От нее остались лишь следы основания в виде

четыреугольника более темной, с примесью угольков, земли, отчетливо заметного на более светлом песке. Около этого пятна лежали крупные камни. Каких-либо следов дерева не прослеживалось, очевидно, стены сплетали из прутьев, которые образовывали каркас, затем покрывали шкурами, а внизу от ветра приваливали камнями.

Справедливость сделанного нами расчленения на два разновременных комплекса подтвердили и данные радиоуглеродного метода. Возраст углей из очагов, залегающих в верхней части культурного слоя, – 3820 ± 100 лет тому назад (1870 лет до нашей эры). Надо заметить, что угли нам пришлось отбирать с большим трудом, поскольку они рассыпались в руках, превращаясь в пыль.

В результате проведенной разведки удалось обнаружить стоянки с чистыми комплексами, содержащие исключительно материалы эпохи раннего металла. Одна из них – Варзина-8 – размещалась ближе к реке Варзине, две других – к реке Дроздовке, на расстоянии соответственно восемьсот и тысяча пятьсот метров от Нерпичьей губы. Стоянки получили названия Дроздовка, Маяк и Маяк II.

Варзина-8 занимала очень неудобное место – каменистый пляж, зажатый двумя скалами. Находки относительно немногочисленны: несколько фрагментов черных неорнаментированных сосудов, все остальное – сланцевые крупные наконечники копий и дротиков. Состав орудий и стратегически удобное для охоты на мор[51]ского зверя положение совершенно точно указывают на промысловый ее характер.

Иное дело Дроздовка. Раньше этот участок побережья не привлекал нашего внимания. По стоянке Дроздовка мы проходили не раз и не подозревали, что на столь неудобном участке берега почвенный покров скрывает остатки деятельности древнего человека. Поблизости не было видимого источника пресной воды – ручья или речки, только маленькая, слегка заболоченная впадина. Но вот мы сняли на небольшой площади дерновый слой и увидели сланцевые орудия, наконечники копий и топоры.

В конце того же (1978 год) полевого сезона мы провели здесь раскопки, иначе стоянку, лежащую на дороге, разрушили бы. Немалая часть памятника уже оказалась испорченной современными ямами и дорогой. Стоянка располагалась довольно высоко над уровнем моря, на берегу узкой бухточки, на слегка возвышающемся участке гряды. К западу находилась небольшая, теперь заболоченная, низинка, в древности заполненная водой. Сильно каменистый культурный слой, мощностью не более сорока сантиметров, находился сразу же под дерном, а ниже его подстилала скала.

Стоянка оказалась удивительно богата. Очевидно, до нас сохранилась только ее центральная часть. Чрезвычайно много встречалось наконечников стрел и копий, а также их обломков. Никогда еще не попадалась нам стоянка, столь насыщенная ими; на одном из квадратов (два на два метра) обнаружено двадцать семь наконечников. Среди них – и небольшие кремневые, тщательно ретушированные. Преобладали сланцевые наконечники разных размеров и форм – очень длинные, изящных пропорций (ширина их в шесть раз меньше длины), сделанные очень аккуратно с прямым или выемчатым основанием удобным для скрепления с древком! Иногда наконечники копий поражали массивностью, имели длину более пятнадцати сантиметров. Присутствовали и сланцевые кинжалы с рукоятью.

Помимо наконечников было очень много скребков из кварца, крупных и мелких, кварцевые резцы для обработки дерева, многочисленные сланцевые топоры и сновa, как и на стоянке Нерпичья Губа, сильно сбитые овальные, окатанные морем гальки и шлифовальные плиты.

Такое обилие крупных, целых, несломанных орудий, которые трудно было бы, скажем, потерять, в особенности учитывая малую мощность культурного слоя (люди жили практически на поверхности голой скалы), указывает на то, что стоянка была оставлена людьми внезапно, в результате какой-то катастрофы, иначе они забрали бы столь необходимые вещи с собой. Но об этом камни молчат. Брошены и недогоревшие костры, только пепел и зола, остывшие от времени, остались до нашего прихода.

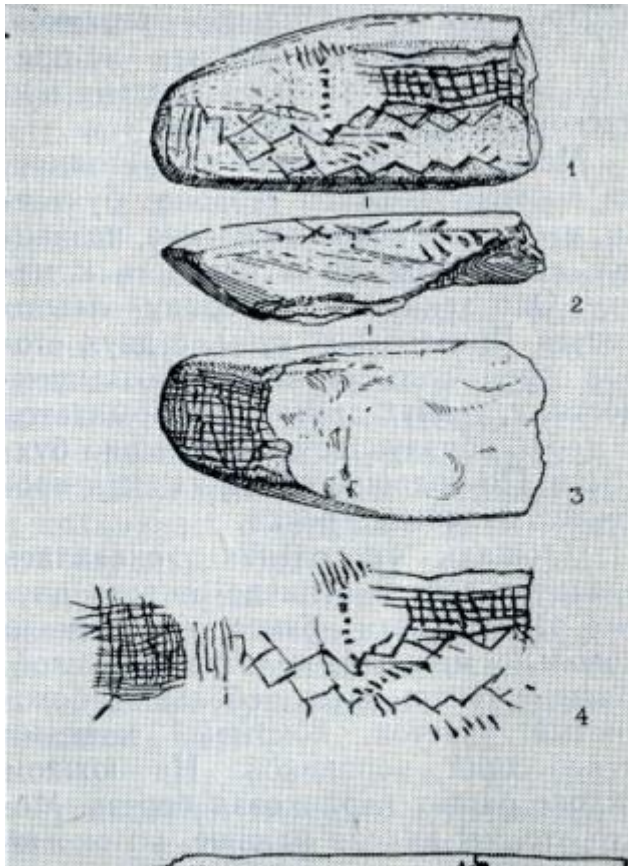

Очевидно, люди жили здесь не очень длительное время, возможно, в течение нескольких сезонов, поскольку обломков сосудов немного. Но, правда, и сохраниться им было трудно: несколько тысячелетий они лежали слишком близко к поверхности земли. Так же, как и в верхнем культурном слое стоянки Нерпичья Губа, сосуды имели примесь асбеста, но были желтого, а не черного цвета, более тонкостенные, чем на других стоянках. Чернота наблюдалась лишь в виде тонкой пленки – следы нагара, полученного во время варки пищи под ней проглядывали тонкие штрихи, образованные при выравнивании по[52] поверхности еще мокрой глины во время формовки. Такие сосуды обнаружены в южной части Кольского полуострова, вблизи населенного пункта Тумча, вместе с сосудами и каменными орудиями там найдены и изделия из меди.

Особенно интересными оказались находки из мыльного камня, мягкого, легко поддающегося обработке. Изделия из него на Кольском полуострове и в северных областях встречаются только в поселениях раннего металла и имеют довольно широкое распространение (однако только в пределах тех же северных областей – Финляндии, Швеции и Норвегии). Известен подобный предмет со стоянки на реке Вороньей (в районе Ловозера).

Небольшие овальные или округлые предметы с довольно широким просверленным отверстием и нарезным орнаментом по краям, очевидно, являлись навершиями, надевавшимися на посохи особо важных лиц – вождей или шаманов, поскольку присутствуют далеко не на каждом поселении и, как правило, по одному экземпляру, а в исключительных случаях вместе с обломками от другого навершия. Видимо, второй предмет изготавливался лишь в том случае, если утрачивался первый.

На стоянке Дроздовка найдены поделки из мыльного камня – плоский, овальной формы предмет и головка животного. Трудно даже решить, что из них было важнее для нас. Овальный предмет имел рисунок с повествовательным сюжетом. На одной из его сторон прорезаны две

Древнее искусство:

1-3 – рисунок на предмете из мыльного камня; 4 – разворот рисунка на этом предмете (поселение Дроздовка); 5 – рисунок на этой кости (поселение Маяк II)

зигзагообразные параллельные линии (очевидно, изображающие воду, то есть реку), как бы перегороженные черточками, за которыми, ближе к концу, нанесены перекрещивающиеся линии (очевидно, сеть). Подобная же сеть изображена и на одной из сторон «реки». В контурах зигзагообразных линий нанесена группа линий коротким мелким штрихом, а на обратной стороне предмета, у его конца, как бы продолжение рисунка

лицевой стороны – также перекрещивающиеся линии – «сетка». Очевидно, древний художник изобразил самое главное для него – реку, перекрытую забором – специальной рыболовной снастью, и далее сети, в которые должна была попасть рыба. И показал плывущую рыбу в виде удлиненных черточек с утолщением[53] на одном конце – ее голова. Подобных предметов еще не удавалось найти ни нам, ни нашим коллегам из северных стран.

Головка из того же мыльного камня изображает белого медведя. Она небольшая, исключительно выразительная, очевидно, также надевавшаяся на стержень, только значительно меньшего диаметра, на что указывает часть сохранившегося отверстия.

На стоянке Дроздовка полностью отсутствовали неолитические материалы. Но почему здесь оказалось так много орудий охоты, и притом очень крупных? На кого охотились эти люди, поселившиеся на краю скалы?

Из-за малой мощности культурного слоя все органические остатки исчезли и даже керамика сохранилась плохо. Ни растительных остатков, ни костей животных ожидать не приходилось. Разгадка была найдена при раскопках другого поселения.

Метрах в семистах от этой стоянки, на противоположной стороне бухточки, мы нашли новое поселение, названное нами Маяк из-за близости к маяку. Оно занимает седловину левого берега Дроздовской губы, с двух сторон ограничено скалистыми возвышенностями, с двух других – обрывается к морю, образуя небольшие бухточки. По подошве одной из скал протекает маленькая речка.

Площадь поселения оказалась значительной. В отличие от всех других раскопанных ранее оно имело довольно мощный культурный слой. Внешне теперь здесь небольшой болотистый участок, покрытый кочками и поросший вороникой. На южном склоне растет карликовая береза. Место это мы видели раньше, но оно не привлекало нашего внимания: уж очень необитаемой выглядела заболоченная низинка. И все же для проверки заложили там шурф и были немало удивлены, когда среди земли появились каменные орудия и в том числе каменный рыболовный крючок.

К раскопкам мы приступили в 1978 году. Лето было холодным и дождливым. Высадились с парохода 6 июля. Дождь и ветер – с ног валит. Температура от плюс одного до плюс пяти градусов, выше не поднималась. На северных склонах лежит снег, земля еще оттаяла не полностью. Ребята-студенты на Севере впервые. Им, конечно, удивительно – в июле снег. Можно, как на лыжах, на ногах катиться с горки, играть в снежки. Доигрались! Все мокрые, а сушиться негде.

Раскопки начали по замерзшему грунту, такого здесь раньше не бывало. Земля под кочками твердая, промерзшая. Поскольку дерновый слой удалили еще в начале работы со всей площади раскопа, обнаженная земля постепенно оттаивала. Приходилось разбирать культурный слой по мере того, как он оттаивал под действием солнца, а чаще дождя. Однако все

трудности работы под холодным северным ветром и дождем, которые не переставали, кажется, ни на один день, окупились сполна.

Культурный слой перекрывала мощная торфяная подушка с преобладанием корней вороники. Правда, в раскопе было достаточно сыро, поскольку грунтовые воды скапливались сразу же на подстилающей скале и их приходилось спускать на пониженные участки. Но находок встречалось очень много, в частности, кварцевых орудий – крупных и мелких, тщательно изготовленных скребков из прозрачного мелкозернистого кварца, почти горного хрусталя, и из собственно горного хрусталя, переливающегося на солнце всеми цветами радуги. Особо[54]бенно велико оказалось количество орудий из круглых окатанных галек, от крупных тяжелых до маленьких шариков, овальных отбойников и пестов, иногда с сильно стертой или залощенной до блеска поверхностью, очевидно, они употреблялись для работы по какому-то мягкому материалу например, для обработки шкур заглаживания швов на сшитых из них изделиях – одежде, обуви. Любопытно, что нередко эти орудия лежат парами, иногда компактно, значительной группой, в особенности велико количество таких изделий крупного размера, округлой формы, вероятно, служивших грузилами для сетей.

И на этой стоянке нас порадовала находка наверхия из мыльного камня так же, как и на Нерпичьей Губе, с просверленным отверстием, украшенная по краю нарезным орнаментом. Обломков сосудов относительно немного, вероятно, большинство их разрушилось в этом мокром, заболоченном грунте (плохо обожженная глина размокает очень быстро). Как и на стоянке Нерпичья Губа, они черного Цвета, слабо орнаментированные вверху нарезками. Встречались и такие же сланцевые топоры, кремневые наконечники стрел. Вместе с тем угловых ножей очень мало, масса отщепов кварца, прозрачного, высокого качества. Найден сланцевый стерженек от составного рыболовного крючка и так же, как в Нерпичьей Губе и Дроздовке, очень много наконечников стрел и крупных копий из сланца.

Из неолитических находок обнаружено только два черепка сосудов, украшенных глубоким орнаментом, которые залежали в углубленной части основания культурного слоя. Очевидно, они являются следами очень кратковременного единичного посещения этих мест человеком еще в неолитическую эпоху.

Именно поселение Маяк позволило нам разгадать причину обилия наконечников копий и понять основное занятие древних обитателей таких поселков. На самом краю его, там, где берег обрывается к морю, обнаружилось, что слой буквально набит костями животных: в абсолютном большинстве костями ластоногих – тюленя, моржа и нерпы. Здесь же, среди них, лежал и крупный сланцевый наконечник – самое типичное орудие для стоянок раннего металла. А для того чтобы рассеять наши последние сомнения в отношении датировки памятников, лежал обломок темного, с примесью асбеста, сосуда.

Но в 1978 году, радуясь таким единичным находкам, мы не знали, что ожидает нас при последующих раскопках. Только тогда стало понятно, для чего нужно было древнему человеку иметь такое количество крупных сланцевых наконечников копий и дротиков, крупных каменных кинжалов. Орудия из относительно мягкой породы камня, каким являлся сланец, были вполне приемлемы при охоте на морских животных. Не случайно поэтому, что и место поселений выбиралось на берегу тихих бухточек, одна из которых так и называлась Нерпичья. В том, что эти маленькие укрытия от сильных штормов служат отличными пристанищами для морского зверя, мы могли убедиться, наблюдая не раз, как в тихую погоду в наших заливчиках резвились нерпы.

Кости нерпы и тюленей (моржей?) в редчайших случаях встречались и раньше в других частях поселения Маяк, но лишь в виде небольших кусочков. И вдруг, совершенно неожиданно, мы получили еще одно доказательство той важнейшей роли, которую играла морская охота в жизни населения исследуемого поселка.

Как было сказано, поселок размещался в небольшой седловине. Южный край его, обращенный в сторону бухточки, заканчивался скалой, выходящей непосредственно на поверхность. Дальше к востоку скала резко обрывалась, образуя небольшую западинку с ровным скалистым дном. Здесь мы расчистили два крупных очага. Люди, поселившиеся прямо на поверхности скалы, жгли тут костры, о чем говорили следы сильного действия огня и обожженные камни, между которыми сохранились угли.

Обнажая кострище и соседние с ним участки, наше внимание привлекло красное пятно, выделяющееся на фоне темной, заболоченной земли. Кусочки красноватой массы, взятые и растертые на ладони, не оставляли сомнений, что это была природная охра, – она давала яркие красные полосы.

Почему же оказалась здесь краска, явно принесенная сюда преднамеренно? Обычно охрой посыпали в древности погребения, считая ее символом крови и огня, а почему засыпан этот маленький участок бывшего поселка?

Осторожно ножами снимаем слой земли, углубляемся. Продолжают встречаться кусочки охры, но пятно изменило свои очертания, стало меньше. Вот прошли уже всю толщину культурного слоя, которая распространилась на площади поселения, а земля все идет глубже, очевидно, в этом месте скала образует западину. Наконец, на глубине семидесяти пяти сантиметров нож упирается во что-то твердое, но не в скалу. Когда пятно, соответствующее углублению, было расчищено полностью, мы увидели в скале ямку, а на дне ее аккуратно уложенные позвонки (только одни по звонки) нерпы. Следовательно, позвонки от съеденной нерпы погребли в специальной ямке и, как человеческое захоронение, сверху посыпали охрой.

Захоронения животных на стоянках известны в ряде мест. Нередко встречаются только головы или другие части быка, обычно на поселениях древних земледельческих народов (на юге Украины и в ряде других областей), погребения собак – на поселениях древних охотников Сибири. Но

вот захоронения морского животного еще не было обнаружено ни разу, это первый случай.

Понять смысл таких захоронений помогает этнография. У ряда северных народов еще совсем недавно во время празднования и поедания священного животного кости его оставляли целыми, бережно собирали и совершали над ними обряд захоронения, для того чтобы животное возродилось и вновь послужило бы пищей людям. Так делали, например, айны на медвежьем празднике.

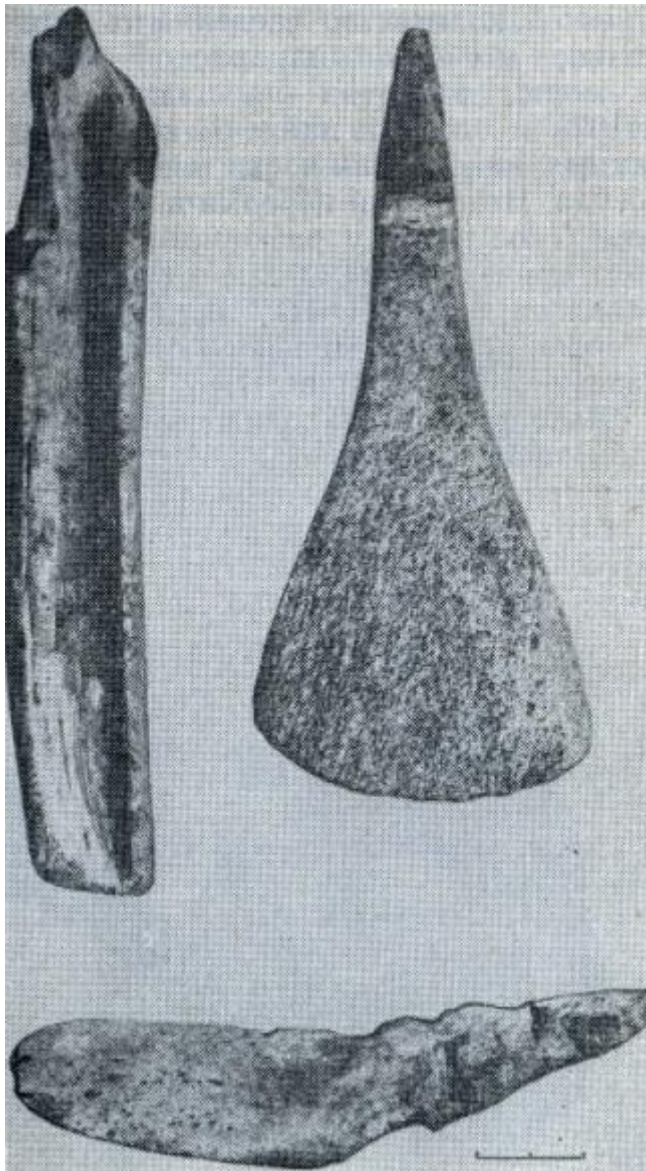
Во всех случаях производилось захоронение животных, игравших важную роль в жизни древних племен: корова – у скотоводов и земледельцев, собака – у охотников.

Древние обитатели поселения Маяк и одновременных поселений – Дроздовка, Нерпичья Губа и другие – являлись в основном охотниками на морского зверя, хотя, конечно, и сухопутная охота на крупного зверя имела для них немалое значение, о чем говорят кости оленя и скульптура белого медведя. Животные, в особенности морские, давали человеку мясо, шкуры для одежды и обуви, постели и покрытия для жилищ, жир для освещения. Очевидно, легче всего и безопаснее был промысел на нерпу[56] и тюленя в силу чего и выбирались для поселения места с тихими морскими заливами и бухтами, куда они обычно заплывали.

Культурный слой поселения Маяк изобилует крупными и более мелкими камнями. Заторфованность слоя произошла, видимо, позднее. Во время существования поселка это место не заболачивалось, что указывает на более сухой и теплый климат, хотя все же достаточно суровый, поскольку среди остатков топлива преобладают тоненькие веточки карликовой березы.

Помимо очага, разложенного у самого края скалы, рядом с захоронением нерпы, связанным с каким-то ритуалом, встречались и обычные очаги, сложенные из камней или обложенные камнями по контуру. Наблюдалась и особая концентрация камней, как бы четырехугольная вымостка, возможно, остатки жилища, однако трудно утверждать это с

Костяные и роговые орудия с поселения Маяк II:
1 – тесло; 2 – ложка; 3 – нож

полной уверенностью из-за большого количества камней в культурном слое и пока еще незавершенности раскопок.

Наибольшее количество наконечников стрел и копий, скребков располагалось преимущественно около очагов, где сосредоточивалась основная жизнедеятельность обитателей древнего поселка. Часто вблизи очагов лежали и одинаковой величины скопления округлых небольших галечек (до девяти), равного размера, служивших, видимо, грузилами для сетей. Наконец на краю поселка, у самой подошвы скалы, найдена группа совсем в маленьких (менее пяти сантиметров в диаметре)

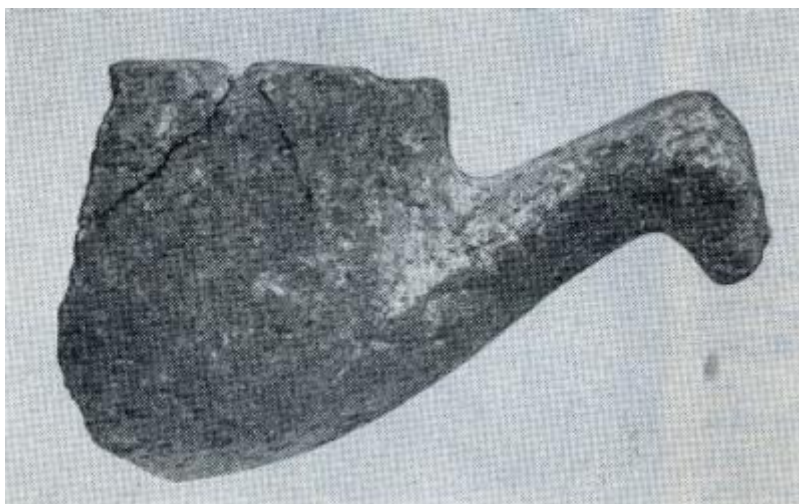
одинаковых галечек, очевидно употреблявшихся для игры.

В целом же обилие галек, преимущественно вытянутой формы, с четкими следами сбитости на концах, с выщербинками по всей поверхности или, наоборот, заглаженных до блеска, указывает на несомненное значение их в хозяйстве или в быту древнего населения, притом только в определенное время – в эпоху раннего металла. Поскольку в это время одной из важнейших отраслей хозяйства племен, обитавших на морском побережье, являлся морской промысел, галечные орудия[57] следует, вероятно, связывать с обработкой шкур животных и изготовлением кварцевых и сланцевых орудий, в процессе которых они применялись в качестве наковален и ретушеров.

Крупные гальки с сильно сбитыми концами могли использоваться для дробления асбеста – примеси к глине при изготовлении посуды, а также руды при ковке и выплавке металлических предметов.

Исследование поселения Маяк продолжалось и в последующие годы и дало блестящие результаты.

Светильник (лампа) из мыльного камня с поселения Маяк II

Для того чтобы получить максимальное количество сведений о поселении, мы заложили раскоп ближе к морю, захватив площадку, где в 1978 году были найдены кости животных, наконечник копья и

черепок от сосуда. Некоторый перерыв в культурном слое между раскопами разных лет привел нас к мысли о существовании на краю берега, обращенного к морю, самостоятельного поселения, названного нами Маяк II.

Разборку приходилось вести с большим трудом, поскольку при каждом движении нож упирался в кости животных. Они залежали сплошной массой, по всей толще культурного слоя, а нам надо было извлечь все предметы, порой очень маленькие, и хрупкие, вплоть до тончайших иголочек с ушками, не повредив их. Вместе с костями лежали наконечники копий и стрел, кварцевые скребки, обломки сосудов и, что особенно интересно предметы искусства из камня и кости.

Поселение Маяк II явилось поистине уникальным не только для Кольского полуострова, но и всего севера Европы. Сохранившаяся в огромном количестве морская и сухопутная фауна впервые дает возможность не только получить исчерпывающее представление о животном мире, окружавшем человека 4000 лет тому назад, а через посредство этого и уловить характер растительности древнего времени.

Помимо многотысячной коллекции ластроногих – гренландского тюленя, моржа, китообразных (белухи, нарвала и гренландского кита) присутствует масса костей сухопутных животных – северного оленя, белого медведя, лося, волка, россомахи и других, а также многочисленные кости различных птиц и рыб. Наличие костей бобра заставляет предполагать существование тогда более богатой древесной растительности, поскольку для строительства плотины этому животному недостаточно карликовой березы, а требуются лиственные деревья, произрастание которых возможно при более высокой годовой температуре.

Литейная форма с поселения Маяк II

Таким образом, впервые для Европейского Заполярья получена уникальная коллекция костей животных обитавших здесь около 4000 лет назад. Она полностью подтвердила сделан[58]ый нами вывод (по типам орудий и топографии памятников) о господствующей в эпоху раннего металла форме хозяйства – морском промысле.

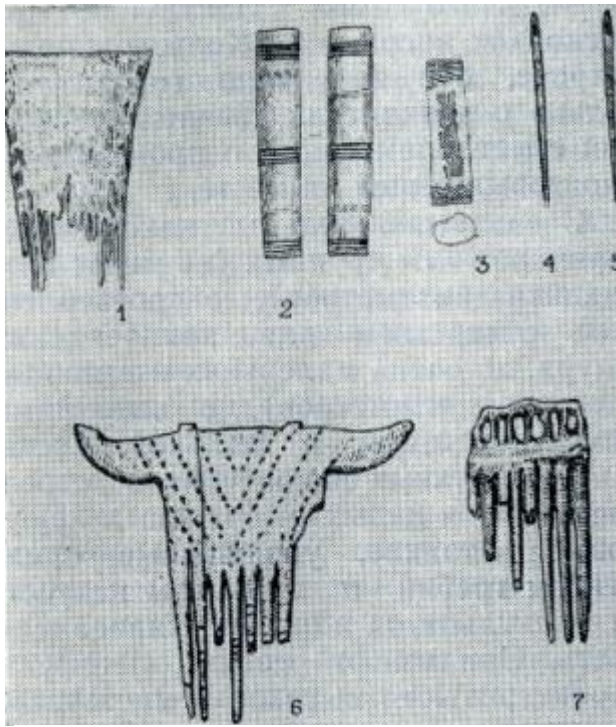
Коллекция костей интересна еще в одном плане. Среди массы лопаток ластроногих много пробитых только определенном месте, а форма отверстий и величина их совпадают с диаметром наконечников копий, найденных вместе с костями. О силе удара этим орудием можно судить по бедренной кости одного из животных, пробитой в двух местах по диагонали. Присутствие очень мелких костей ластроногих указывает на то, что зверя били в разное время года.

Уникальна и полученная коллекция костяных орудий: очень крупных типа мотыги из клыков моржа и длинных кинжалов из рогов северного оленя и лося, а также мельчайших, тонких, сильно залощенных иголочек с отверстием. Ушки на них настолько иногда малы, что позволяют продеть современную нить не толще тридцатого номера. Игл найден целый набор, причем в большинстве случаев по несколько вместе, очевидно, принадлежавших одному владельцу. Здесь же лежали и костяные игольники. Для одного из них была использована трубчатая кость птицы с естественными выступами, создающими впечатление орнамента. Среди бытовых предметов обнаружены также гребни, костяные ножи, игла для плетения сетей, ручки т ножей, костяная ложка и, что совершенно уникально, светильник из мыльного камня в виде ковша с ручкой.

Редчайшей находкой явилась литейная форма для отливки небольших бронзовых топориков, изготовленная из мыльного камня. Найденная при раскопках впервые на Кольском полуострове, она бесспорно говорит не только о знакомстве древнего населения с металлом, но и о производстве бронзовых вещей на месте.

Очень выразительны наконечники гарпунов – от крупных (не менее пятнадцати сантиметров), с просверленным отверстием для прикрепления шнура, до очень маленьких и изящных (до пяти сантиметров), с выступами или отверстиями в тыльной части. Много костяных наконечников стрел, составных и целых рыболовных крючков, есть тонкие, украшенные орнаментом гребни и предметы искусства – скульптура и орнаментированная кость. Они имеют особую ценность, характеризуют высокое мастерство[59] древнего художника и понимание прекрасного.

Таким образом, раскопки, проведенные на поселении Маяк II, с большой убедительностью подчеркивают правоту положения, что «бытие определяет сознание». Такое количество орнаментированных бытовых предметов могло появиться только в обществе, которое способно было довольно легко добывать себе пищу. И еще напрашивается один вывод: как

Костяные и роговые изделия:
1-3 – гребень и игольники из Оленеоского
могильника; 4-7 – гребни с поселения Маяк II

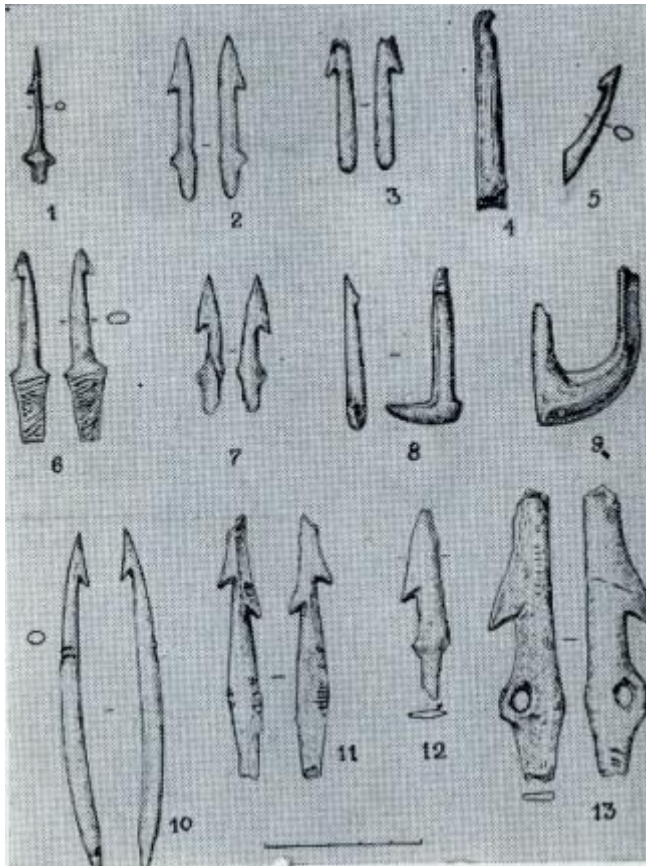
ограничены наши представления о древнем обществе, оставившем памятник, на котором не сохранились кости и костяные орудия.

В окрестностях Дроздовской губы мы исследовали еще два поселения, Одно из них – Устье Дроздовки – смыкалось с раннеолитическим поселением, второе размещалось на правом берегу Дроздовки, вблизи порога Кривун.

То, что мыс Устье Дроздовки был в древности заселен повторно: стало

для нас очевидным лишь на третий год раскопок, когда в северной части стоянки изредка стали встречаться необычные для неолита кремневые наконечники стрел и несколько фрагментов темных тонкостенных сосудов с примесью асбеста и поверхностным орнаментом. К концу третьего сезона, в 1978 году, раскопки стоянки продвинулись к югу и занимали уже площадь в 756 квадратных метров, и картина прояснилась окончательно. Оказалось, что в раннем неолите люди поселились неподалеку от моря, представляющего в настоящее время[60] песчаную отмель, не заливаемую водой и поросшую травой и мелким кустарником. Поселение располагалось относительно узкой полосой на правом, песчаном, довольно высоком берегу реки. Эта песчаная площадка разделялась небольшой протокой, берущей свое начало в бухте той же реки или из небольшого озерка, которое сегодня было лишь легким понижением рельефа. Таким образом, в древности источником пресной воды служила не большая река Дроздовка, вода в которой была соленая во время морского прилива, а маленькая, ныне исчезнувшая, речка и озерко.

Орудия рыболовства с поселения Маяк II: 1,2,3,6,7,10-13 —; 4,5 — части составных рыболовных крючков; 8,9 — рыболовные крючки

Удобный для жизни, ровный песчаный участок был относительно долго обитаем в неолитическую эпоху. Затем в силу каких-то обстоятельств люди оставили обжитое место и уже позже, в эпоху раннего металла, появились здесь снова. Однако что-то мешало им поселиться прочно. Очевидно, к тому времени озерко высохло, источник пресной воды иссяк, и люди переместились, а затем и вовсе перебрались на

противоположный, левый берег, устроив свои жилища близ небольшого водопада. Так возникло новое поселение, названное нами по имени водопада, — Кривун. Река здесь узкая, неглубокая, сильно каменистая. Она сбегает с возвышенного Участка и, встретив на пути твердые гранитные породы, резко, почти под прямым углом, поворачивает к морю, образуя довольно широкий залив, с совершенно спокойной водой даже в самую бурную погоду. В нескольких десятках метров выше по течению и располагается порог Кривун.

Судя по местоположению древней стоянки, можно заключить, что уровень воды в реке в то время поднимался выше. Превосходство этого места перед правобережным участком, где размещалось ранее неолитическое поселение, состояло в том, что оно было прикрыто от холодных северных ветров невысокими скалами. На правобережном участке ветер гуляет свободно, в чем мы убедились после того, как он с легкостью опрокидывал наши палатки и гнал их прямо к морю.

Поселение эпохи раннего металла – Кривун занимает относительно большую площадку, ровную, но каменистую. Состав орудий мало отличается от других стоянок раннего металла, рассмотренных нами. Столь же многочисленны крупные сланцевые наконечники копий и дротиков. Среди наконечников стрел наряду с обычными встречаются и оригинальные — зашлифованные по всей поверхности, с желобком в части насада. Для них конец затачивался сильно, древко расщеплялось, и в него, как в вилку, вставлялся каменный наконечник, затем место скрепления для прочности обмазывалось смолой. Остальные орудия обычны.

Особенностью этого поселения являлось большое количество заготовок и незаконченных орудий. Очевидно, обилие близко расположенных выходов сланца очень высокого качества, влажного и потому легко поддающегося обработке, позволяло жителям поселка изготавливать много крупных орудий. Для мелких же, в особенности скребков, использовался великолепный мелкозернистый блестящий кварц, добываемый в жилах, выходящих на поверхность в близлежащих горах.

Видимо, место у водопада Кривун считалось удобным, поскольку площадь, занятая поселением, очень значительна. Наверное, помимо тихой гавани, людей привлекало и соседство порога, так как в быстротечную реку семга заходит метать икру. Рыболовство, по всей вероятности, также[61] играло немалую роль в жизни человека.

Как указывалось, следы поселка эпохи раннего металла обнаружены и на правом берегу Дроздовки, на высокой площадке, на месте неолитической стоянки. Широкие раскопки позволили проследить, как соотносятся два одновременных поселения. Ранненеолитические находки встречались на всей исследуемой площади, однако основная масса их сосредоточивалась в северной и центральной частях и лишь в очень слабой степени – в южном конце, ближе к порогу. И именно в этой части концентрировались все находки, относящиеся к раннему металлу. Количество их было невелико, очевидно, жили люди тут недолго. Возможно, здесь и не существовало

поселения в полном смысле слова. Судя по составу находок, следует думать, что оно являлось местом, где совершались лишь особые праздничные церемонии.

Так, при подчистке площади раскопа в южной части мы обратили внимание на окрашенность слоя земли в малиновый цвет. Близкий к такому цвету песок получается после лесного пожара или в месте разведения костров на серой подзолистой почве. Но было в нем и что-то иное, что мог уловить только опытный глаз, какой-то почти незаметный теплый оттенок. Обычно такой оттенок приобретает песок, к которому примешиваются частицы охры. Он характерен для культурного слоя ранненеолитических северных стоянок, однако наш слой имел слишком ярко выраженный малиновый оттенок.

Неравномерная окрашенность, как бы его пятнистость, чередование с серым подзолом свидетельствовали против его прокаленности, поскольку в последнем случае интенсивность окраски оказалась бы приблизительно одинаковой. У нас возникла дискуссия. Предлагаю самым ярким сторонникам «обожженного песка» покрасить им руки или бумагу. С увлечением начинают растирать песок в руках, и вскоре у одних они становятся ярко-малиновыми, у других с малиновыми разводами, а бумага из белой превращается в красную. Теперь сомнений нет – это натуральная красная, с малиновым оттенком, охра, встречающаяся в природе, что подтвердил и химический анализ в Ленинграде.

Но почему здесь охра в таком количестве, что окрасила значительное пространство?

Расчищаем тщательно – ножом и кисточкой. Постепенно едва заметно начинают прощупываться камни, через некоторое время раскрываем их полностью. Камни небольшие, следов пребывания их на огне не наблюдается, и особого порядка в расположении их не прослеживается. Около камней и между ними песок особенно интенсивно окрашен охрой.

Наконец, расчистка полностью закончена. Все лежит, как было оставлено людьми около 3500 лет тому назад, и выглядит даже красиво. На фоне малинового пятна – серые камни, а рядом с ними, на различном расстоянии, – наконечники стрел, и, что особенно необычно, все кремневые. И количество их на небольшом участке больше, чем на всей площади, занятой находками эпохи раннего металла. Значит, здесь они не случайны. Следов погребений нет, но явно, что площадка не жилая – нет ни отщепов, ни обычно распространенных орудий. Видимо, перед нами место, где совершались особые обряды, в которых охра играла определенную роль. Какими же были эти церемонии, мы нико[62]гда не узнаем, но можем представить себе по аналогии с теми обрядами, которые наблюдали этнографы еще недавно у различных народов, отсталых в культурном отношении. Отличаясь большим разнообразием, они вместе с тем объединяются и рядом действий. У разных народов ли разрисовывали лица и тела; с копьями, луками и другими орудиями в руках совершали ритуальные танцы, нередко с целью обеспечить успех охоты или рыбной ловли. Возможно, и здесь, на песчаной площадке на высоком берегу реки, вблизи серых скал, перекрывая рев водопада, вооруженные люди совершали свои обрядовые танцы.

Как бы в подтверждение нашей мысли об особом назначении данного места – еще одна находка: прекрасно выполненная головка птички с длинным клювом и отчетливо показанными глазами. Шея птички отломлена, но на ней сохранились следы отверстия. Очевидно, ее, так же как и навершия, надевали на какой-то стержень. Как все навершия и головка с поселения Дроздовка, она выполнена из мыльного камня, что еще раз подтверждает связь «ритуального комплекса» с материалом, в частности с керамикой, эпохи раннего металла.

Количество рассмотренных нами в этом кратком обзоре поселений далеко не исчерпывает список открытых и изученных памятников раннего металла даже в пределах северного побережья Кольского полуострова. Они

известны также и на южном побережье, на реках Чаваньге, Пялице, Варзуге, Ниве, а также в центральной части полуострова – на озере Ловозеро на реке Вороньей и в других местах.

Важным для изучения эпохи раннего металла оказалось поселение на озере Ловозеро, расположенное в непосредственной близости от неолитического поселения (уже упоминавшегося ранее), лежащего на древнем коренном берегу. Поселение раннего металла занимало часть мыса, известного у местного населения под названием мыс Семерка. Узкий пролив, как бы ворота, отделяющий его от правого берега, до сих пор очень богат рыбой, что, очевидно, и послужило причиной возникновения в древности на этом месте ряда поселков.

Как показало обследование, древний поселок располагался не только на самом мысу, но и на части прилегающей к нему бухты. На длительное существование поселка указывает значительная мощность культурного слоя, интенсивно темный его цвет и обилие материала. Находки встречались на всей площади мыса и даже на самой его оконечности, прямо в воде. Часть их относится к позднему неолиту. Поселение эпохи раннего металла – в некотором отдалении от кромки берега, по краю каменистого берегового вала. Среди обнаруженного материала обращает на себя внимание исключительно большое количество крупных и мелких шлифованных орудий, в особенности топоров и их заготовок, значительная концентрация которых в одном месте говорит о существовании специальной мастерской. Здесь же лежали и шлифовальные плиты, пилы, куски сланца с надпилами. Сочетание их позволяет проследить способ изготовления крупных орудий. Обычно подбирали подходящую, достаточно массивную плитку сланца, которую распиливали на нужную для орудия ширину, в результате чего получались ровные боковые грани у будущего орудия, и уже после этого его подвергали шлифованию. Особенно тщательно зашлифовывалось лезвие, с обеих сторон которого снимались лишние утолщения.

Кварцевые орудия, как и обычно, в основном скребки и скребла из плотной, высококачественной мелкозернистой породы. Есть мелкие (диаметром в сантиметр) скребки из кремня, отлично ретушированные, а также мелкие кварцевые резцы. Кремневые наконечники стрел достаточно многочисленны, резко удлиненной формы, весьма тщательно обработаны, часто имеют пальчатую ретушь. При изготовлении сосудов средней величины (до тридцати сантиметров в диаметре) примесью к глине служили в основном асбест и слюда, реже растительность. Орнамент разреженный, как и на стоянках северного побережья, сконцентрированный в верхней части сосуда, состоит из наколов и косой сетки.

Особенно результативными оказались исследования этого поселения в 1979 году. Помимо большого количества материала, известного по раскопкам предшествующих лет, были получены и принципиально новые артефакты – каменные грузила и янтарная подвеска, свидетельствующая о далеких связях, вероятно, с Восточной Прибалтикой. Особого интереса заслуживает «склад» кремневых топоров, найденный, как часто бывает, в последний день работы экспедиции. В средней части одного из окраинных квадратов лежали аккуратно сложенные, один к одному, двадцать семь сланцевых заготовок топоров почти стандартной величины. Стороны их ровно опилены, лезвие и тыльная часть тщательно обработаны мелкими ровными сколами. То, что они оказались плотно прижатыми друг к другу и между ними отсутствовала земля, говорит о том, что топоры были положены в какой-то мешочек или завернуты в шкуру. В нескольких сантиметрах, в том же квадрате, в нише, выкопанной под большим камнем, были спрятаны восемь таких же топоров и, наконец, в другом углу квадрата – еще три топора.

То, что предметы были укрыты преднамеренно, не вызывает сомнений. Мастер довел их до такой стадии, когда оставалось только зашлифовать. Собирался ли он сделать это сам – здесь же на поселении лежали великолепные шлифовальные плиты – или думал отдать затем их в форме заготовок, чтобы уже новый владелец смог завершить столь несложный

процесс, – неизвестно. Но безусловно одно: данные орудия готовились на обмен с племенами, где отсутствовали залежи сланца. Очень вероятно, что то были племена южного побережья Белого моря (современной Архангельской области), откуда доставлялся кремень жителям Ловозера. Очевидно, топоры и служили эквивалентом кремневым орудиям. Кроме того, присутствие янтарной подвески, по форме сходной с восточноприбалтийскими, указывает нам еще один путь, куда должны были проследовать топоры. Ведь за янтарь также требовалась плата.

Остается загадочным другое. Что помешало мастеру выполнить работу до конца и заставило бросить столь ценный продукт обмена? Очевидно, в какой-то момент он не вернулся в поселок и не смог воспользоваться продуктом своего труда. Но почему же другие члены рода не завершили того, что не сделал он? Едва ли следует полагать, что они не знали об этом «складе» – поселок маленький, и вещи закопаны неглубоко. Возможно, человек, изготовивший эти орудия, и не старался скрыть их от своих сородичей, а закопал так, чтобы сохранить природную влагу в камне, по[64]скольку высушенный сланец практически, непригоден для обработки. Но почему же тогда остальные члены рода не использовали топоры? Можно предполагать лишь одно – поселок оказался покинутым внезапно всеми жителями, в силу каких-то катастрофических событий. Пока мы не знаем о них. А вдруг все станет ясным, когда мы доведем раскопки поселения до конца? Ведь пока оставались недоисследованными именно участки, которые примыкали к «складу».

На поселении Мыс Семерка обнаружился еще один важный предмет, характеризующий производственную жизнь древних людей, – печь для выплавки железной руды. После снятия верхнего горизонта наше внимание привлекла каменная выкладка овальной формы. Преднамеренность сооружения ее очевидна, несмотря на огромное количество окружающих, беспорядочно разбросанных по всей площади поселения камней. Мы разобрали верхние и увидели сплошной слой крупных углей, лежащих на

тщательно (с целью выровнять площадку) уплощенных камнях, так сильно обгоревших, что частично распавшихся на дресву. Угли были крупными и очень крепкими – это свидетельство того, что дрова горели не в обычном открытом костре, а в очаге без доступа воздуха. Такие угли, только в большем масштабе, образуются в углежогных ямах. Следовательно, сооружение являлось каменкой, сделанной со специальной целью.

Предположение, которое родилось из наблюдений над углями, скоро подтвердилось – рядом лежал железный шлак. Датировка поселения эпохой раннего металла оказалась правильной. Точную дату очага и поселения мы получили после анализа углей методом радиоуглерода.

Об умении населения в то время выплавлять металл (медь и бронзу) говорят также найденные в Ловозере и на южном побережье Кольского полуострова, вблизи села Пялица, предметы, связанные с выплавкой металла. На северном побережье Ловозера, в истоках Вороньей, обнаружены глиняные льячки – маленькие сосудики (как бы ковшички) для выплавки металла, который затем разливался в литейные формы. Половинка такой составной формы для отливки топора встречена вблизи Пялицы. Она изготовлена из мыльного камня, очень плоская, слегка расширенная к лезвию и зауженная в тыльной части. В составленную вместе и плотно связанную форму заливали расплавленный металл, затем, после остывания, ее разнимали, а швы на орудии заглаживали.

Таким образом, предметы, относящиеся к местному металлическому производству, бесспорно указывают на знакомство населения со сложным процессом выплавки металла, тогда как готовые вещи, встреченные в могильниках или на стоянках, не являются еще прямым доказательством этого, поскольку они могли быть привезены в готовом виде из других, иногда очень далеких, мест в результате обмена.

Обычно руда перед выплавкой мелко дробилась, для чего, по-видимому, и применялись удлиненные гальки, такие, например, как на поселении Маяк.

Несомненный интерес представило и поселение около села Чаваньга, которое к моменту обнаружения, к сожалению, оказалось уже сильно разрушенным. Однако нижняя часть культурного слоя сохранилась без серьезных повреждений.

Поселок, как указывалось выше[65] в связи с описанием ранненеолитической стоянки Чаваньга I, располагался на правом берегу небольшой, но быстрой речки Чаваньги, на достаточно ровной песчаной площадке, с юга (со стороны моря) частично прикрытой скалой, с севера примыкающей к высокой террасе.

Время и современный человек не полностью разрушили поселение – видны были остатки очагов, обложенных камнями. «Древний ветер» разметал золу и угольки и унес их за пределы очага, но не слишком далеко – видно было, как очажное пятно вытянуто в сторону моря. Здесь мы встретили орудия из кварца и сланца, в том числе великолепно, до блеска, зашлифованные угловые ножи, каменные топоры, тесла, также с блестящей от шлифования поверхностью.

От очагов скопления камней отличались крупные куски кварца и кварцевые гальки, лежащие в окружении огромного количества кварцевых отщепов, отбитых от ядрищ. Иногда среди этого материала попадались кварцитовые и песчаниковые пилы с тонким рабочим концом, на котором отчетливо выступали параллельные лезвию мельчайшие штрихи – следы работы, недопиленные куски сланца и шлифовальные плиты из песчаника и кварцита. В одном из таких скоплений найден крупный кусок халцедона – полудрагоценной горной породы, принесенный в качестве поделочного материала. Не оставалось сомнений, что до нас сохранилось так называемое «рабочее место мастера», где изготовлялась масса каменных орудий.

Для уточнения возраста поселения важное значение имели найденные около очагов обломки сосудов. Их было немного, поскольку обнаженный слой не способствовал сохранности сколько-нибудь крупных фрагментов. И все же нам повезло – около одного из очагов, в небольшом углублении,

лежали обломки сосуда. Он оказался крупным, около пятидесяти сантиметров в диаметре, тонкостенным, с прямым, слегка утолщенными краем. Украшение состояло из отпечатков гребенчатого штампа по всей поверхности, образующего вертикально расположенный «елочный узор». Судя по профилировке и аналогии с другими памятниками, сосуд был плоскодонным. Такие сосуды очень типичны для поселений эпохи раннего металла Карелии и южного побережья Кольского полуострова. Необычной казалась лишь крупная величина сосуда, что могло служить основанием для вывода о высоком мастерстве древних гончаров, которые умели лепить и обжигать на костре тонкостенные сосуды очень крупного размера. Даже взять в руки корчагу внушительного веса, слепленную из мокрой глины, было непросто, а ее после легкой просушки покрывали рисунком, поворачивая в руках, поскольку сосуды сделаны без применения гончарного круга. И обжиг на костре, где температура не могла равномерно распределяться по всем частям сосуда, являлся очень сложным (сосуд не должен давать трещины). Известно, что даже у настоящих гончаров при обжиге в современных, совершенных условиях нередко получается брак. Анализ показал, что эти древние сосуды обжигались при температуре не менее пятисот–шестисот градусов.

В связи с крупной величиной сосудов напрашивается второй вывод: люди, изготавливавшие их, не могли постоянно кочевать, поскольку перенос таких крупных предметов (а ведь сосудов существовало несколько) на [66] значительное расстояние, часто перебираясь с горы на гору, был невозможен.

Об относительной стабильности поселков того времени свидетельствовала значительная их площадь, а также обилие костров и мастерских. Очевидно плато, прикрытое со стороны моря и расположенное на берегу реки, было достаточно удобным для жизни, позволяло промыслять зверя и рыбу в тихом морском заливе. От поселений северного побережья поселение близ Чаванги отличалось отсутствием большого количества крупных сланцевых наконечников.

Благодаря широким раскопкам, проведенным в последние годы в различных частях Кольского полуострова, удается уловить некоторое отличие в хозяйстве и быте древнего населения. На южном побережье и в особенности в центральной части полуострова большое значение имело рыболовство, на северном побережье – морской промысел. Поэтому на поселениях южного побережья чаще встречаются грузила от сетей и якоря для лодок, на северном – огромное количество крупных наконечников копий и дротиков, изготовленных из сланца.

Прослеживается и известное различие в глиняной посуде. Хотя в обоих случаях они достаточно тонкостенные, но иногда наблюдается разная примесь и орнаментация.

На Кольском полуострове известны захоронения, относящиеся к эпохе раннего металла, – могильник Большом Оленьем острове и два отдельных погребения на реке Ниве и в бухте Песконец (близ Харловки). Очевидно, с Оленеостровским могильником связаны две Екатерининские стоянки, дошедшие до нас в сильно разрушенном состоянии.

Стоянки на Екатерининском острове и могильник на Большом Оленьем острове разделяло всего лишь сто пятьдесят метров. Во время отлива они соединялись между собой грядой камней. Древние стоянки, открытые и исследованные нами в 1947 году, размещались в двух соседних небольших бухтах на расстоянии трехсот метров друг от друга, на песчаном берегу, намытом морем на высоте одиннадцать–тринадцать метров над его современным уровнем. Одна из стоянок приютилась у подножия отвесной скалы, загораживающей ее от холодных северо-восточных ветров, дующих с моря.

Своеобразной чертой обоих памятников явилось исключительное обилие костей животных, залежавших в культурном слое.¹ По определению палеозоологов, на стоянке 2 большинство костей (2270 экземпляров)

---

¹ Следует учитывать, что нами раскопана лишь небольшая часть стоянки, которая сохранилась до нашего времени.

тюленых, кости некоторых других животных и птиц представлены по одной особи. Среди них – северный олень, дельфин обыкновенный, водяная крыса, чистик, чайка, гага, а из рыб – кости трески. На стоянке 1 все 595 костей принадлежат гренландскому тюленю. Не лишено интереса сообщение специалистов о том, что древние тюлени имели больший размер, нежели современные. Таким образом, жители и этих поселений были преимущественно охотниками на морского зверя.

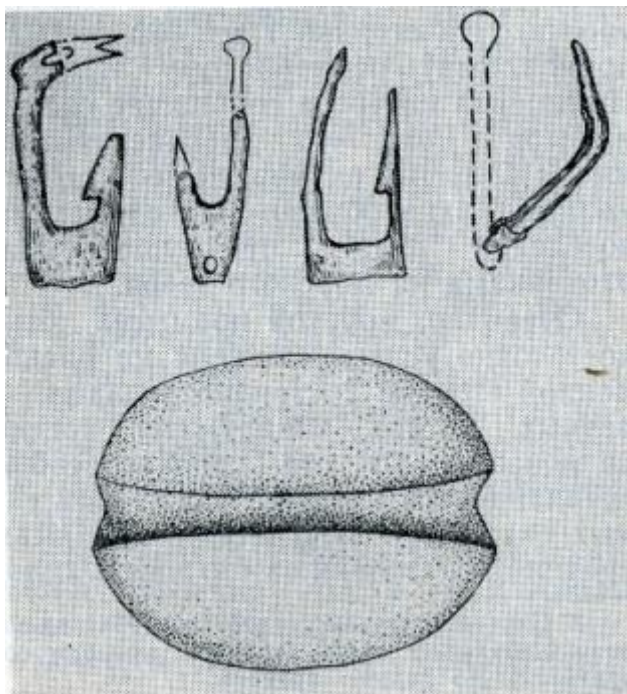
Очевидно, морской промысел был достаточно успешным, если на раскопанной стоянке 2 (тридцать два квадратных метра) обнаружено костей не менее чем от ста сорока особей гренландского тюленя. Даже при самых скромных подсчетах, принимая средний вес тюленя за сто десять кило[67]граммов, можно заключить, что жители только одного участка Екатерининской стоянки располагали не менее чем 1540 килограммами тюленьего мяса и жира. И все же, видимо, у жителей этих поселков случались и голодные дни. На стоянке 1 около небольшой по величине сохранившейся части жилища вскрыта яма, сплошь набитая панцирями раковин съедобных моллюсков (та же картина наблюдалась и на поселении Маяк). В этой же ямке лежали два костяных рыболовных крючка, совершенно идентичные по форме с крючками, найденными на одной из норвежских стоянок – на острове Кёльмо. Крючки весьма оригинальны и достаточно совершенны. Один из них (длиной восемь сантиметров) имеет довольно широкий стержень (восемь миллиметров), в поперечном сечении близкий к овалу, нижняя же часть его сильно уплощена и снабжена шипом. Верхняя часть крючка почти под прямым углом загнута к стержню, с выемкой на конце и овальным отверстием для более прочного скрепления с леской. Верхний конец крючка обломан, но форму его легко установить по аналогии с крючками стоянки острова Кёльмо.

Второй крючок (длина сохранившейся части пять с половиной сантиметров) – узкий, тонкий, с округлым стерженьком, с расширенной и уплощенной нижней частью, имеющей круглое отверстие для насадки

наживки. Верхняя часть крючка обломана, но, судя по такому же крючку стоянки Кёльмо, она снабжена утолщением или выемкой для крепления лески. Величина и плотность крепления к леске говорят о том, что крючок использовался на крупную рыбу, вероятно, на треску, кости которой были встречены на стоянке.

Таким образом, стало очевидно, что, помимо охоты на морского зверя, древнее население прибрежных стоянок занималось и рыболовством. Об этом свидетельствуют не только крючки, но и грузила – окатанные гальки (гладкая поверхность была нужна, чтобы не порвать сети) с выемками по обеим сторонам для прикрепления веревки, а также костяные гарпуны.

Рыболовные крючки и грузило с Екатерининский стоянок

Наконечник гарпуна от наконечника стрелы отличается выемкой на его тыльной части в виде выступа или отверстия, с помощью которых костяной наконечник гарпуна скрепляется со шнуром (маутом), прикрепляющим его, в свою очередь, к древку. Зброшенный гарпунщиком и попавший в животное наконечник выскальзывает из гнезда древка, остающегося в руках у охотника, и с помощью шнура соединяется с

животным. У нашего наконечника гарпуна для скрепления со шнуром имелись нарезки.

В том, что была развита и сухопутная охота, убеждают нас костяные наконечники стрел и кости животных. Особенно бросается в глаза на этих стоянках масса скребков из кварца, крупных скребел – овальной формы кварцевых отщепов со слегка вогнутым лезвием, обработанным ретушью. От скребков они отличаются наличием рабочей части по длинной,

продольной грани. Большое количество скребков на данной стоянке не является загадкой, если вспомнить число забитых тюленей и, вероятно, нерп. Шкуры их использовались для приготовления одежды и обуви, для покрытия жилищ. Шкуры обрабатывали каменными скребками, подобно тому как это делали еще недавно северные народы.

Видимо, вследствие того что сохранившаяся часть стоянок оказалась незначительной, количество обломков сосудов было невелико. Они слеплены из глины с примесью мелкотолченого асбеста или мусковита, редко шамота (мелкотолченых глиняных черепков сосудов), темного, почти черного цвета с сильным нагаром на внутренней, а иногда и на внешней поверхности – в результате варки пищи. Форма сосудов напоминает горшок с прямым краем и плоским дном, до тридцати сантиметров в диаметре. Украшение сосредоточено лишь в верхней части и состоит из тонких параллельных или парных прочерченных линий, образующих косую сетку. В целом сосуды не отличались резко от сосудов других поселений эпохи раннего металла.

Таким образом, две небольшие и разрушенные в значительной части стоянки дали очень многое для понимания формы хозяйства племен северного побережья в эпоху раннего металла. Мы очень радовались тогда, что нашли такие памятники – они явились первыми не только для нас, но и абсолютно для всех, поскольку свидетельствовали о том, что Кольский полуостров, как и более южные области, был заселен людьми в эпоху раннего металла. Особая ценность стоянки заключалась и в близости к могильнику.

Поселения и могильники, даже если они одновременны и принадлежат одному народу, могут содержать различные материалы. Лишь какая-то часть их сходна, в противном случае было бы трудно связать эти категории памятников.

На поселении в процессе жизни людей остаются следы многих бытовых предметов, отбросы пищи, зола и угли костров, остатки жилищ. Все это, перемешиваясь с наносами почвы, и создает культурный слой, чаще

гумусированный, то есть окрашенный в темный цвет. Сломанные вещи, разбитые горшки, куски камней, отбитые при изготовлении орудий, заполняют культурный слой, накапливающийся в течение жизни людей. И чем продолжительнее жизнь людей на одном месте, тем значительнее мощность культурного слоя. Нередки и потерянные вещи, иногда очень ценные.

В могильнике иначе. Там все преломляется через призму мировоззрений и верований. Содержание их одинаково, но формы разные. Во все эпохи и у всех народов смысл погребального обряда объяснялся в основном заботой оставшихся людей о благополучии умершего в загробной жизни, желанием облегчить ему эту загробную жизнь. Такое понятие родилось многие тысячелетия назад, возникло в результате непонимания людьми причинной связи явлений, обусловилось неправильным представлением о том, что человек, умирая, остается вместе с тем жить, но только в ином мире.[69]

У различных народов представления об «ином» мире были неодинаковы. У ряда северных народов «страна мертвых» располагалась где-то «за водой». Вероятно, именно поэтому от глубокой древности до современности захоронения здесь совершались на островах. Примером таких захоронений служит не только упомянутый Оленеостровский могильник. На Оленьем острове Онежского озера также исследован могильник, содержащий более 177 погребений, несмотря на то что значительная часть могильника оказалась разрушенной карьером в процессе разработки доломитового известняка. Могильник относится к раннему неолиту, то есть примерно к началу IV тысячелетия до нашей эры (или около 6000 лет тому назад).

Вера в то, что «мир мертвых» находится «за водой» – на островах, отразилась, например, и в карельском эпосе «Калевала», в руне XVI, повествующей о путешествии старого Вяйнямёйнена в подземное царство Туони, где он надеялся отыскать три магических слова, необходимые для

постройки лодки. Это царство, оказывается, находилось на острове Маналы. Увидев там дочь Туони, Вяйнямёйнен обращается к ней с такими словами:

«Дочка Туони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Маны,
Чтобы реку перейти мне,
Через пролив туда добраться».

На что дочь Туони отвечает:

«Пригоню сюда я лодку,
Если скажешь ты причину,
По какой пришел к нам в царство,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный».

Старый Вяйнямёйнен пытается обмануть дочь Туони, говоря, что его принес сам Туони (то есть он умер естественной смертью), его привело «железо» (то есть он умер в бою), его привела вода (то есть он утонул), наконец, что его доставил огонь, и каждый раз дочь Туони уличает его во лжи, указывая на отсутствие неизбежных признаков того или иного вида смерти, вынудив тем самым Вяйнямёйнена признаться в истинной причине его прихода, после чего:

Дочка Маны едет в лодке,
Вяйнямёйнена седого
Через пролив переправляет,
Перевозит через реку...

При этом она предупреждает Вяйнямёйнена такими словами:

«О ты, старый Вяйнямёйнен!
К Туони ты живой спустился.
Не умерший – в царство Маны!»

А там, в царстве Туони, хозяйка Туонелы говорит Вяйнямёйнену:

«...Ты отсюда уж не можешь
Никогда в течение жизни
В дом родной к себе вернуться,
Выйти в собственную землю».

Вместе с тем, видимо, существовали и иные представления о нахождении «царства мертвых», поскольку захоронения не всегда совершались в специальных местах – в могильниках. Известны и многочисленные случаи единичных или почти единичных (от одного до четырех) погребений непосредственно на площади поселка. Но во многих случаях удается установить, что захоронения произведены или в заброшенных уже поселках, или в жилище, когда люди покидали поселки. И это естественно. Вероятно, люди довольно рано поняли невозможность близкого соприкосновения в течение длительного времени живых с мертвыми, и прежде всего – в санитарном отношении.

Желание облегчить жизнь умершего сородича и диктовало оставшимся в живых снабдить его всем необходи[70]мым для жизни в потустороннем мире. И чем больше ощущалась потеря, тем большей была и забота. Количество вещей у захороненных в одном могильнике в одинаковое время у одного и того же народа далеко не одинаково, и причин для того много, даже в более раннее время – во время существования родового строя, но особенно позже – в период имущественного расслоения.

Наиболее близким в территориальном отношении к Кольскому полуострову является раннеолитический Оленеостровский могильник Онежского озера. Поскольку численность погребений, исследованных с помощью раскопок, достаточно велика и они произведены в относительно короткий срок (в пределах жизни нескольких поколений), можно считать, что захоронения принадлежат одному народу, имевшему общий обычай. Вместе с тем состав вещей, положенных с покойниками, и их количество далеко не одинаковы. Так, в центре могильника встречены погребения мужчин, иногда особенно высокого роста, с колчанами, набитыми стрелами, с костяными кинжалами, огромным числом (более трехсот) подвесок из резцов лося, бобра и клыков медведя (охотничьи трофеи), составляющих нагрудные украшения, ожерелья, оторочку одежды и обуви, головные уборы и одежду. Видимо, то были вожди племени, опытные, а потому уважаемые охотники. Обычно их обильно засыпали красной охрой, иногда, в отличие от других, ставили почти вертикально, ногами на скалу, и обкладывали камнями. Вместе с тем в женских и детских захоронениях преобладали предметы бытового характера. Ряд погребений обоего пола вовсе не имеет вещей.

Таким образом, большой могильник на Оленьем острове Онежского озера свидетельствует о том, что уже в раннем неолите среди охотничьих племен существовало общественное разделение труда, соответствующее полу и возрасту. Это должно было усилиться в эпоху раннего металла, когда основой хозяйства племен Кольского полуострова стала морская охота, опасная, требующая большой физической силы и смелости. В таком случае на долю женщины выпадала также немалая и нелегкая работа – обработка шкур убитых зверей, шитье одежды и обуви, приготовление пищи, поддержание тепла в жилище.

Если древние племена южных областей могли обходиться минимальной одеждой, то природа вынуждала северные племена затрачивать на изготовление одежды и устройство жилища массу времени и сил. Особенное же затруднение на северном побережье было с топливом. Даже

если учесть, что климат того времени был несколько мягче (приблизительно на два градуса выше современного), все равно пространство оставалось занятым тундрой, а следовательно, покрыто чрезвычайно бедной древесной растительностью, на что указывают, как мы уже говорили, угольки, находимые в кострах от тонких веточек карельской березы.

У нас нет прямых доказательств, что в качестве топлива использовались кости животных, как это наблюдалось у палеолитического населения южных областей, но нельзя исключить и такое предположение, поскольку топливо добыть было действительно очень трудно. Вблизи некоторых поселений (например, Маяк) мест, где могли бы произрастать древесные породы, было чрезвычайно мало – пространство здесь в основном представляет собой голые скалы. Очень веро[71]ятно, что для поддержания тепла в жилищах использовался и жир морских животных. Возможно, именно от этого и образовался такой черный толстый нагар на внешней стороне многих сосудов.

Могильники и отдельные захоронения чрезвычайно важны для изучения древней истории, поскольку так же, как и предметы искусства, приоткрывают завесу над глубоко скрытым от нас духовным миром древнего человека – его мыслями и чувствами, восприятием внешнего мира.

При изучении могильника, сопоставляя наблюдаемые детали, археологи пытаются восстановить обычаи и обряды древних людей. И в этом случае важно все. Для того, например, чтобы понять, составляли ли многочисленные подвески – зубы животных (резцы лося и клыки медведя) – ожерелья или нашивались на одежду, служили оторочкой обуви, требуется расчистить все вещи в земле таким образом, чтобы не стронуть их с места (а ведь порой предметов бывает несколько сотен). И работа ведется не ножом, а шилом и акварельной кисточкой. По положению подвесок можно воспроизвести целый ряд существенных деталей костюма. Важно осмыслить и положение наконечников стрел – просто ли клали их вместе с древками

поверх, или рядом с умершим, или в колчане (ведь от него ничего не сохранялось).

И еще один важный вопрос, на который правильно можно ответить лишь в результате чрезвычайно тщательных раскопок и наблюдений над мельчайшими деталями, которые затем, соединенные как отдельные звенья, дадут целую, прочно скрепленную цепь событий. Очень важны наблюдения над позой захороненных (что имеет значение для понимания верований и, в известной мере, этнокультурной принадлежности людей) и в особенности над положением парных и коллективных захоронений, поскольку они хранят информацию о характере семейных и, в известной мере, социальных отношений между захороненными. Археолог обязан фиксировать и это.

Прежде всего, необходимо выяснить главное – произведено ли захоронение одновременно или последовательно, через определенный (и какой именно) отрезок времени? Ответ на этот вопрос содержится в наличии или отсутствии между двумя погребенными достаточно выраженной земляной прослойки, разделяющей их. Если такая прослойка присутствует, да к тому же ориентация захороненных неодинакова, можно сделать вывод о разновременности погребенных. В том случае, если есть разделяющая погребенных прослойка земли, но положение и ориентация костяков совпадают, можно думать, что захоронения не отделены большим количеством времени и, по всей вероятности, могила была отмечена на поверхности каким-то знаком, что позволило древним жителям произвести вторичное захоронение на том же месте.

Разновременность захоронений будет очевидна, если в одной могильной яме (обычно она прослеживается по контуру в виде пятна более темной или смешанной земли, полученной в процессе копки ямы) какая-то часть нижнего скелета смещена или отсутствует, выброшенная при повторном захоронении.

Выяснение вопроса одновременного или разновременного захоронения имеет особое значение, если антропологи определили принадлежность

погребенных к разному полу и возрасту (как правило, исследование могильников[72] проводится в контакте с антропологами). Встречаются в могильниках различные комбинации: мужчина и женщина, мужчина и две женщины, двое мужчин и две женщины, двое мужчин, две женщины, женщина и ребенок (иногда два ребенка), мужчина и ребенок и, наконец, дети. В каждом конкретном случае скрыта своя причина для такого захоронения, но повторяемость фактов, в особенности в пределах одного могильника, позволяет сделать более или менее обоснованные выводы о семейных отношениях и, в известной мере, о социальной структуре общества.

Оленеостровский могильник, расположенный, как указывалось, на Большом Оленьем острове в Кольском заливе, был открыт случайно в процессе работы биологов С. Ф. Егорова и Г. Д. Рихтера, раскопавших в 1925 году два погребения с костяными вещами.

В 1928 году на Кольском полуострове работала специальная археологическая экспедиция под руководством археолога А. В. Шмидта, которая произвела частичные раскопки могильника¹. Затем работы продолжены нами в 1947 и 1948 годах.

Найдя, по описанию А. В. Шмидта, могильник, мы были удручены открывшейся картиной. Место раскопок 1928 года поглотил громадный песчаный карьер, на дне которого валялись многочисленные кости. Стало очевидно, что ценнейший для изучения древней истории памятник уничтожен, а предшествующими раскопками была вскрыта лишь очень незначительная его часть. При тщательных поисках обнаружился небольшой, еще не тронутый карьером участок. На нем уцелело десять погребений, полностью исследованных нами. Таким образом, вместе с ранее раскопанными (одиннадцать – А. В. Шмидтом и двадцать пять – А. В.

---

¹ В 1935 году около двадцати пяти погребений раскопал А. В. Цыпленков, не являвшийся специалистом-археологом, в силу чего раскопки велись без необходимой фиксации, а из всех вещей (судя по другим раскопкам их должно было встречаться много) лишь три переданы в Московский антропологический музей, все остальные оказались утраченными.

Цыпленковым) количество исследованных погребений составило сорок шесть.

Древнее население выбрало для захоронения своих умерших сородичей остров площадью в семьдесят два гектара с всхолмленной поверхностью – возвышенности здесь чередовались с заболоченными участками. В середине острова сохранилось небольшое озерко.

На поверхности не прослеживалось никаких признаков могильника. Относительно ровная площадка была покрыта тонким слоем почвы, поросшей вороникой, внизу сильно заторфованной, налегающей на морской песок с обильной примесью раковины. Сразу под почвой по мере ее расчистки выступили округлые и овальные кладки камней, уложенных в один ряд, диаметром от шестидесяти до ста тридцати сантиметров.

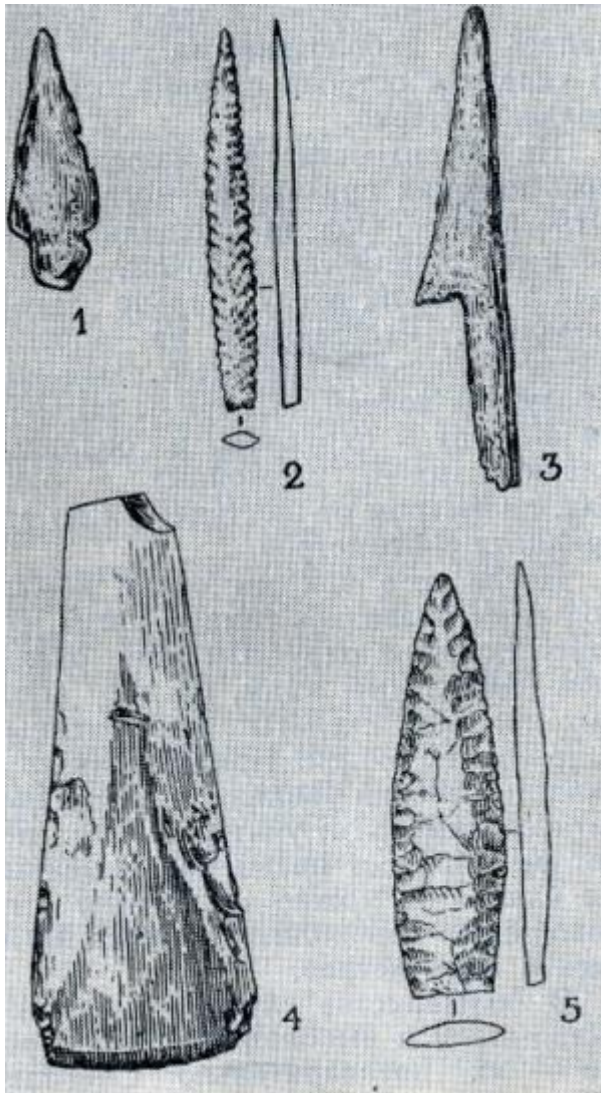
После того как мы сняли камни, под ними оказались темные пятна, соответствующие' округлым или овальным могильным ямам, на дне которых залежали скелеты захороненных в древности людей. Наибольшая глубина погребений равнялась восьмидесяти сантиметрам; учитывая же некоторый прирост почвы над каменными кладками, можно заключить, что покойников хоронили не глубже пятидесяти сантиметров.

В большинстве случаев умерших укладывали в выкопанную яму, реже – их предварительно сжигали;[73] в некоторых случаях в могильных ямах под кладками встречались только вещи без людей. Чаще костяки лежали на бурой массе, имеющей форму овала, покрытые сверху такой же бурой массой, – вероятно, шкурой животного. Однако не исключена возможность, что это могли быть и остатки лодок, сшитых из шкур.

Но встречались и другие случаи, когда умерших погребали в деревянных овальной формы колодах-лодках. Интересно, что Н. Харузин сообщает об обычае захоронения скандинавскими лопарями своих сородичей также в деревянных лодках¹.

---

¹ Заслуживает внимания и сообщение В. В. Чарнолуцкого о том, что в древности Кольские саамы также хоронили своих близких «за водой», то есть на островах.

Предметы из Оленеостровского могильника:
1 – медный наконечник стрелы; 2, 5 –
кремневые наконечники стрел; 3 – костяной
гарпун; 4 – сланцевое тесло

В уцелевшей от разрушения части могильника – два случая одновременного захоронения мужчины и женщины; при этом женские костяки находились справа от мужских, очевидно в могилах покоились члены семьи. Тот факт, что их захоронили одновременно, по-видимому, указывает на насильственную смерть одного из них, – скорее всего, женщины.

Встречены и могилы с несколькими захороненными в разное время о чем свидетельствует различная глубина залегания костяков, несовпадение очертаний могильных ям, а в отдельных случаях нарушена целостность нижележащих покойников. Иногда при последующем погребении часть

костей предшествующего выбрасывали, что свидетельствует об утрате родственной связи между погребенными. Обнаружены могильные ямы, в которых совершенно несколько разновременных захоронений, но последовательность устанавливается достаточно отчетливо. Так, детский костяк перекрыт сверху совместным парным захоронением мужчины и женщины, вероятно, все они составляли одну семью.

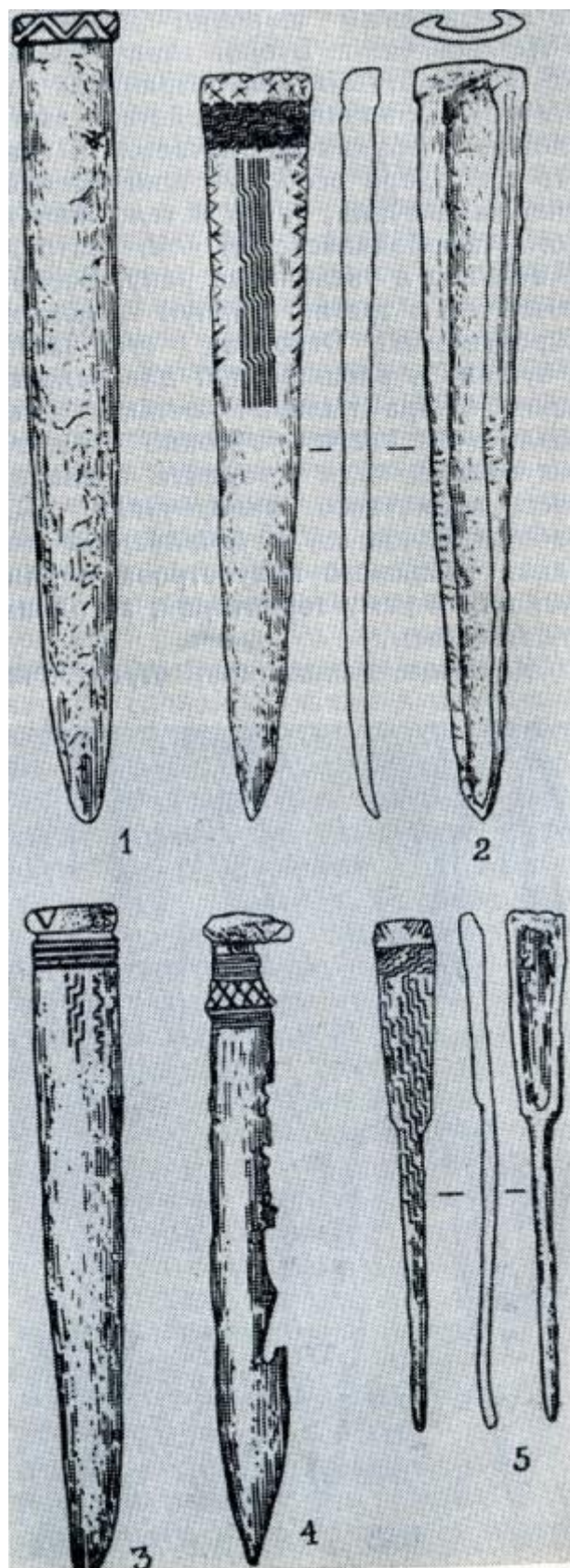
Обычно после захоронения могилу засыпали песком и закладывали одним или двумя рядами камней. Нередко вместе с песком попадали мельчайшие угольки, возможно, следы совершаемой за пределами могилы тризны.[74]

Покойника клали на спину, в вытянутом положении, головой на восток, с некоторыми отклонениями. Только в одном случае ребенок лежал на боку в позе спящего. Один из умерших был связан, поскольку ноги его оказались сильно согнутыми, а колени приближены к лицу.

Вещи с покойниками укладывались преимущественно за голову, в ногах или на груди, в руках нередко были зажаты костяные или каменные кинжалы.

Все вещи, кроме одного медного или бронзового наконечника дротика, сделаны из камня или кости (есть два обломка от глиняных сосудов). Для изготовления орудий использовались в основном кости и рога северного оленя, изредка птичьи кости (для игольников).

Многочисленные предметы охоты – наконечники стрел и копий, гарпуны, особенно много кинжалов – реже кремневых, в большинстве же из распиленных вдоль трубчатых костей оленя, отчего они слегка выпуклы с одной и уплощены с другой стороны, обычно украшенные нарезным, довольно сложным и оригинальным узором. Некоторые кинжалы имеют слегка утолщенный и орнаментированный конец

Костяные кинжалы из
Оленеостровского могильника

рукоятки, другие снабжены небольшим отверстием для привязывания. Очевидно, их подвешивали к поясу. Много костяных наконечников стрел. Об охоте на морского зверя и рыболовстве можно судить по наличию гарпунов, рыболовных крючков и грузил от сетей.

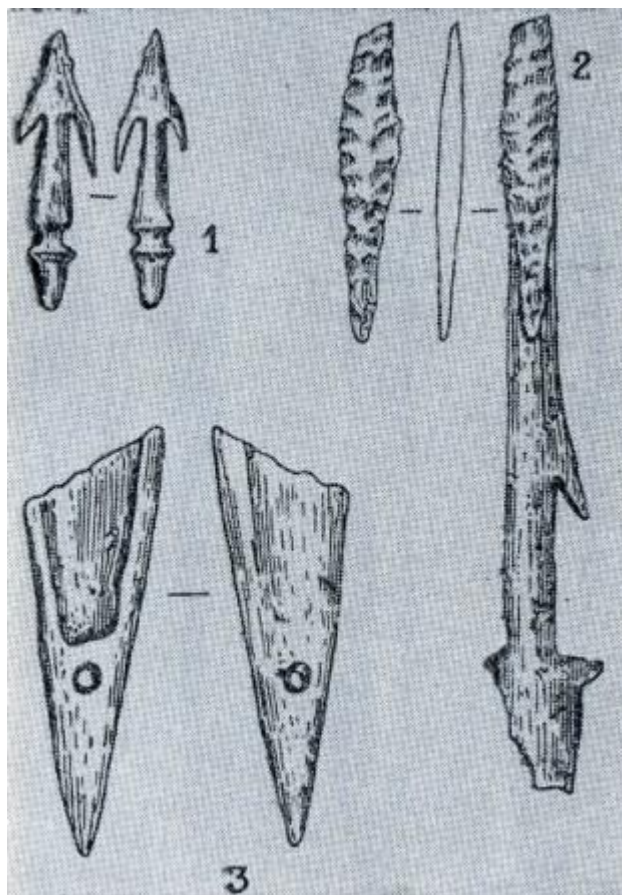
Среди гарпунов несколько очень сложных. Один из них, небольшого размера, имитирует железный, с двумя длинными тонкими шипами, расположенными на двух сторонах, с резко выраженным широким желобком в тыльной части. Второй гарпун, видимо, «поворотный» (он сохранился частично). Принцип устройства этого сложного орудия заключается в том, что благодаря особому приспособлению наконечник, попав в тело животного, поворачивается в нем, затрудняя выход и увеличивая рану. Весьма необычен и третий гарпун – комбинированный. Основная его часть, с зубцом и расширенной для закрепления шнура тыльной частью, изготовлена из кости; на конце имеется углубление, куда вставлена тыльная часть кремневого наконечника. Подобные орудия не встречались на стоянках Кольского полуострова и ближайших к нему территорий, за одним исключением.

Костяные наконечники стрел, также с зубцами, заканчивающиеся небольшим желобком для закрепления в них кремневых и кварцевых наконечников стрел, найдены в Оленеостровском могильнике Онежского озера

Сородичи заботились и о том, чтобы близкие им люди в «потустороннем мире» не оказались безоружными когда вынуждены будут заняться рыболовством. С несколькими погребенными были положены рыболовные крючки разных типов, в основном составные, с утолщенным стержнем – «пуговкой» – наверху (для прикрепления лески), с прорезью в нижней части, куда вставлялся под острым углом второй прямой стержень («бородка»), а затем все это плотно скреплялось жильной нитью и обмазывалось смолой. О том, как выглядели составные крючки, дает

представление один из них, обнаруженный в неолитическом поселении Латвии (стоянка Двиета).

Костяные гарпуны и кремневый наконечник из Оленеостровского могильника

Кроме составных, есть крючки, вырезанные из целого куска, со стержнем и бородкой, довольно совершенные.

Но рыбу ловили не только индивидуальным способом – удочкой, а и коллективным, несомненно основным, способом рыболовства – с помощью рыболовных сетей. До нас не дошли сами сети, но, судя по грузилу, встреченному в засыпи одной из могил, они были крупными. Грузило представляет собой хорошо окатанную, слегка овальную гальку с желобком для привязывания.

Остатки сетей известны не только в стоянках раннего металла, но и в неолитических, и даже мезолитических памятниках, особенно в Восточной Прибалтике, а также в Ленинградской области – на Ка[76]рельском перешейке. Поплавки к сетям делали из сосновой коры или закрученной бересты, а для грузил использовали окатанные гальки, которые привязывались жилами, лыком или оплетались берестой.

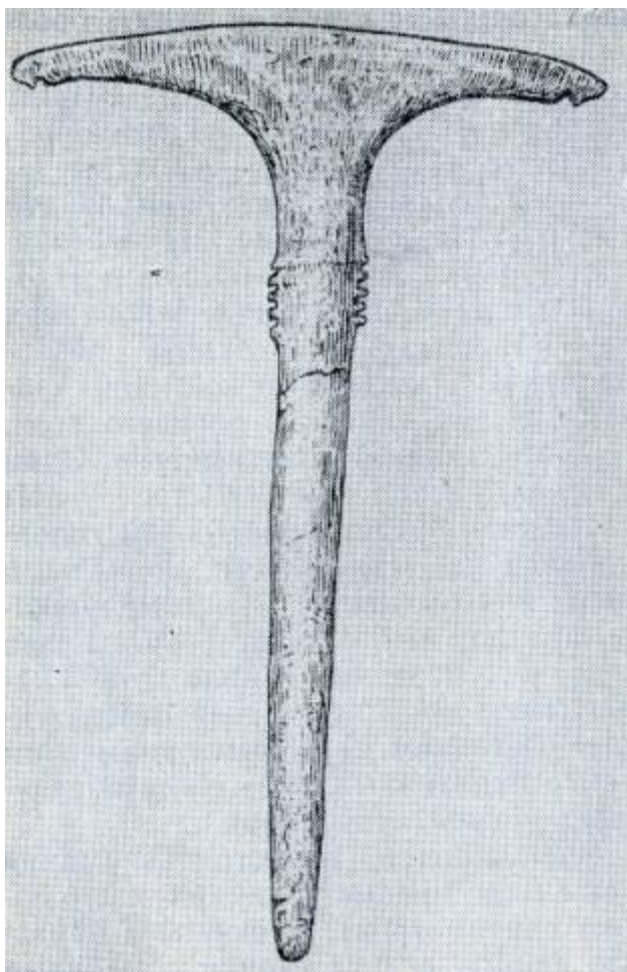
На стоянках Кольского полуострова грузила от сетей встречаются часто, начиная от эпохи неолита, и в особенности в эпоху раннего металла. Однако они не сопровождали умерших, и это понятно – с умершим, видимо, укладывали вещи, принадлежащие лично ему, в то время как сети являлись собственностью всего коллектива. Член рода умирал, но род оставался и нуждался в орудиях лова.

Уходящему в «иной мир» требовалась одежда и жилище, следовательно, необходимо было обеспечить его соответствующими орудиями труда, с помощью которых он все это мог изготовить там. Погребенного сопровождают скребки, кремневые и кварцевые ножи. С их помощью он обработает шкуры, костяными иглами сошьет одежду и обувь. В Оленеостровском могильнике иглы уложены в оригинальные костяные трубочки- игольники (найлены такие же и на стоянке Маяк II), украшенные сложным нарезным орнаментом. Сквозь эти трубочки пропускалась плетеная тесьма, в которую втыкались иглы, что предохраняло их от поломки. Иглы изготовляли из кости, они имели различную величину и прорезные ушки.

С захороненными на Оленьем острове были положены специальные орудия из рога с уплощенным и сильно заполированным от работы концом для заглаживания швов на коже и даже костяной гребень с короткими частыми зубьями, очевидно, для расчесывания волокон из крапивы, а также шилья. В числе орудий для постройки будущего дома и лодок – топоры и тесла. Предусмотрели сородичи и потребность в материале для будущих орудий – тщательно уложили с погребенным кусочки кремня, длинные кости (и даже куски бурого железняка), с помощью которых можно будет сделать новые орудия, заменить сломавшиеся. Заботились ближние и о духовных потребностях умерших: их снабдили украшениями и амулетами – бусами из тонких трубчатых костей птицы, костяными подвесками с просверленными отверстиями (похожими на морских животных или рыбок с раздвоенными хвостами), резцами и челюстями бобра, круглыми блестящими пластинками слюды.

В ряде погребений встречены раковины. Основываясь на том, что название одной из раковин саамы обозначают словом, близким к немецкому «коровья раковина», А. В. Шмидт (исследовавший, как указывалось, Оленеостровский могильник) высказал предположение: не клали ли эти раковины с умершими как магическую замену оленей? С большим основанием о значении оленя в верованиях оленеостровцев можно судить по

захоронению с умершими костяной фигурки, выполненной из оленьего рога, длиной семнадцать сантиметров. Один ее конец, расположенный под углом к стержню, представляет собой головку оленя с маленькими, поднятыми вверх, как бы настороженными ушками, а рядом небольшие рога. Глаза животного показаны в виде ромбовидных выпуклин. Морда, шея и рога украшены тонким нарезным орнаментом в виде пунктирных, косых или образующих косую сетку линий.

Костяная колотушка от шаманского бубна из Оленеостровского могильника

Заслуживает особого внимания и еще один предмет (длиной около сорока сантиметров), имеющий Т-образную форму, с двух сторон с мелкими зарубками, нанесенными в качестве украшения. В другом погребении найдена верхняя часть такого же Т-образного предмета. По форме они очень напоминают колотушки от шаманского бубна, известные в прошлом у саамов.

Среди всех исследованных погребений резко выделялось погребение X. Это стало очевидно уже при расчистке почвенного слоя, когда показались камни,

составлявшие единую кладку, размером около двенадцати квадратных метров, причем они были положены не в один, как обычно, а в три ряда. Отличался и обряд погребения: костяк лежал среди крупных углей, часть которых находилась под скелетом вместе с кусочками не вполне сгоревшего дерева (и обожженных косточек), как показало исследование специалистов, березы и осины. Подстилающий песок также имел следы прокаленности.

Ориентирован умерший головой в противоположную, обычно, сторону – на юго-запад. Очевидно, его на месте подвергли сожжению, но почему-то не доведенному до конца, и затем забросали камнями. Оригинальны и вещи, положенные с покойником. Их немного – два скребка из кварца и мелкие обломки сосудов темного цвета, на одном из них сохранился рисунок, напоминающий узор на вафлях.

Необычность погребального обряда не может быть пока окончательно объяснена. Этому мешает сильное разрушение могильника, в результате чего до нас сохранилась лишь незначительная часть погребений. Нельзя утверждать, что такое погребение единично. Очевидно лишь, что погребенный при жизни занимал несколько особое положение, не особенно почетное, так как количество сопровождавших его вещей невелико. Судя по иной, чем у других, ориентации, очевидно, он не принадлежал к той родовой организации, которая хоронила своих умерших на Оленьем острове. На это, возможно, указывает и то обстоятельство, что среди черепков глиняных сосудов один чрезвычайно близок сосудам с «вафельным узором», распространенным в неолитическую и в эпоху раннего металла на территории Якутии, что позволило некоторым ученым, в частности академику А. П. Окладникову, высказать предположение о заселении Кольского полуострова пришельцами из Сибири. Однако мы не можем согласиться [78] с этим, поскольку на Кольском полуострове удается проследить непрерывное последовательное развитие культуры от эпохи мезолита. Более того, все памятники этого периода на Кольском полуострове имеют совершенно иные орудия и керамику по сравнению с памятниками Сибири. До сих пор ни в одном из наших поселений, теперь весьма многочисленных и раскопанных на широких площадях, не обнаружено ни одного черепка с таким «сибирским» узором. Учитывая все факты, очевидно, правильнее, если и следует сравнивать найденную в этом погребении керамику с якутской, видеть в ней лишь результат связей – живого общения между племенами непосредственно или посредством племен,

соседствовавших на востоке с племенами Кольского полуострова. Один такой черепок содержит коллекция с территории современной Архангельской области. Такую связь могли осуществлять лишь отдельные люди, поэтому, возможно, принадлежность к другому племени и заставила похоронить чужеземца по иному обряду.

Выделяются и еще несколько погребений, но уже по обилию захороненных в них вещей. Среди них обращает на себя внимание парное погребение 2 и 3.

Одновременность захоронения в этом случае не вызывала сомнений. Умершие лежали на одной подстилке, видимо шкуре, и покрыты тоже шкурой. Одинаково было и их положение – на спине, повернутые друг к другу, руки слегка согнуты в локтях. За головой одного погребенного (погребение 2) положены в кучу костные наконечники, раковина (жемчужница), кусочки горного хрусталя, отщепы сланца и кварца, пластинки слюды, пемза и кусок бурого железняка. В правой руке второго погребенного (погребение 3) был зажат костяной кинжал, в левой – два куса бурого железняка. Обе фигуры, по определению антропологов, были женщины зрелого возраста. Состав захороненных предметов вызывает удивление. Почему именно женщин сопровождали в загробный мир предметы, связанные с изготовлением орудий? Возможно, куски бурого железняка рассматривались как замена железных изделий, которые не вошли еще в широкое употребление. Кто были эти женщины? Возможно, самые первые, обратившие внимание на самородную железную руду как на поделочный материал. Вероятно, не случайно руда находилась вместе с обычным сырьем (кварцем, сланцем, горным хрусталем) для изготовления орудий.

Выделяется обилием сопровождающих вещей и погребение 1. Мужчина, захороненный в деревянной колоде; в правой руке его был зажат кремневый кинжал, в левой – костяной гарпун. Особенно много вещей уложено за головой умершего: костяной кинжал, четыре костяных лоцила,

кинжал с нарезным орнаментом, четыре проколки, роговой гребень, две тонкие костяные иглы, четыре крупные раковины, острие из плечевой кости оленя, кремневый наконечник стрелы, пять скребков, пять отщепов кварца и кремнистого сланца, костяной наконечник стрелы, пластинка из клыка бобра, часть глиняного сосуда, кусок необожженной глины с примесью асбеста, птичьи кости.

Как видим, набор предметов очень разнообразен. Здесь и орудия для сухопутной и морской охоты (наконечники стрел, кинжалы, гарпун); бытовые предметы, в особенности для обработки шкур (скребки, лощила, проколки, иглы, гребень для расчесывания[79] пряжи или расщепления волокон); глиняная масса, подготовленная для лепки сосудов уже с примесью асбеста, и кусок самого асбеста – сырье, из которого в будущем можно изготовить орудия (куски сланца, кварца, крупная кость с начатой обработкой); обломок сосуда, украшения и амулеты (пластинка из клыков бобра и его челюсть); иными словами, все то, что необходимо человеку при жизни.

Обращает на себя внимание и погребение VII – мужчины¹, крупного роста и мощного телосложения, захороненного глубоко, в сопровождении большого количества вещей. Именно с ним был положен особенно тщательно изготовленный костяной нож, много гарпунов и кремневых наконечников стрел, исключительно старательно обработанных ретушью, образующей пильчатый край, «колотушка от шаманского бубна» и единственный во всем могильнике металлический предмет – медный наконечник дротика. Обилие вещей и их своеобразный состав, а также высокое качество изготовленных предметов свидетельствуют, что здесь захоронен особо уважаемый член рода, вероятно вождь, наиболее сильный и удачливый охотник, совмещавший в себе и функции служителя культа – шамана. Такое положение неоднократно фиксировали этнографы, изучавшие северные народы.

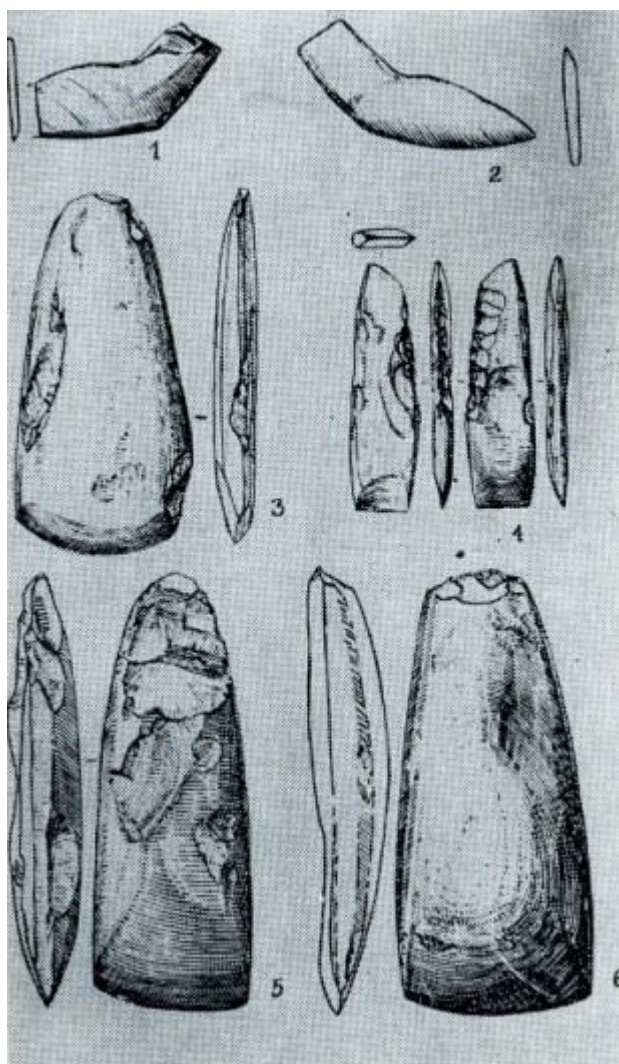
¹ Нумерация римскими цифрами соответствует погребениями, раскопанным А.В. Шмидтом.

Среди массы погребений было и еще одно, совершенно необычное. На глубине сорока пяти сантиметров от поверхности показалось темное пятно округлых очертаний, размером 65х50 сантиметров, соответствующее ямам, в которых погребались умершие. Однако камни, обычно покрывающие в этих случаях могилы, отсутствовали. После расчистки на глубине не пятидесяти пяти сантиметров показалась подстилка, превратившаяся в темно-бурую массу, такая же, какие залежали под погребениями, однако на ней не сохранилось никаких следов покойника. В середине подстилки лишь лежал вверх дном маленький остродонный сосудик (диаметром три с половиной сантиметра) из глины небольшой костяной предмет (возможно, служивший обкладкой кинжала) и две раковины. Четкость очертаний подстилки, а также полная сохранность хрупкого глиняного сосудика указывают на то, что могила не была потревожена и с самого начала погребение в ней отсутствовало.

Случаи заочного погребения известны у ряда народов. Когда тело умершего не могло быть доставлено в поселок, тогда производили захоронение его вещей (в археологической литературе такие погребения известны под названием «кенотафы»). Вероятно, и в данном случае было совершено символическое погребение утонувшего в море или погибшего на охоте. Учитывая, что среди вещей находился крошечный сосудик (возможно, игрушка), не исключено, что погребение могло быть и детским.

Составить более или менее правдивое представление о семейных отношениях древних оленеостровцев затруднительно из-за отсутствия повторяемости фактов. Можно заключить лишь, что в большинстве случаев погребены люди зрелого возраста, детских захоронений всего лишь два (однако нельзя забывать, что значительная часть могильника уничтожена карьером). В основном встречаются одиночные захоронения, но есть и парные, одновременные: двух женщин (погребения 2, 3) и мужчины с женщиной (погребения IV, V). В последнем случае [80] вблизи погребения V (женского) располагалось погребение IX (тоже женское) а под ними

захороненное ранее одно детское и еще ниже – мужское. По-видимому, какие-то отношения связывали захороненных двух мужчин (погребения 4, 6). Их могильные ямы точно совпадали по ориентировке, только яма (погребение 4, более позднее) верхнего была слегка смещена к югу. Разделявшая их прослойка песка не превышала двадцати пяти сантиметров. Промежуток времени между смертью обоих людей был незначительным, поскольку даже при отсутствии каменной кладки, которая могла бы служить опознавательным знаком, люди почти точно попали на погребение, ни в малейшей мере не нарушив его. После захоронения второго мужчины над его могилой выложили кладку.

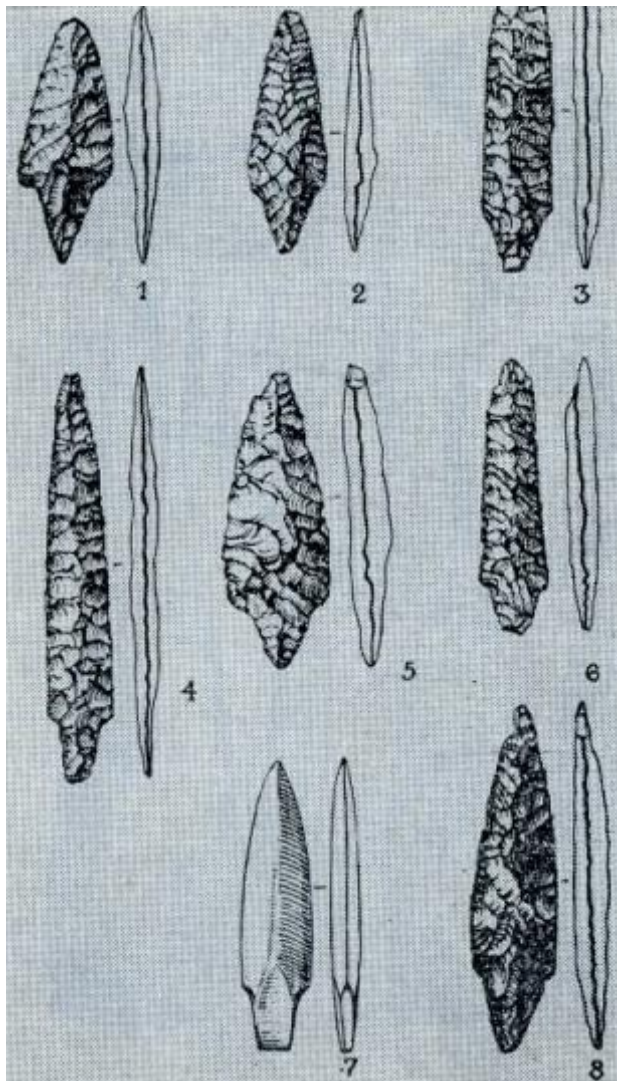

Предметы из погребения Песконец: 1,2 – сланцевые угловые ножи; 4 – сланцевое тесло; 3,5,6 – сланцевые топоры

Очевидно, во всех указанных случаях захороненные парами или группами находились в каких-то близких, родственных связях.

На Большом Оленьем острове не обнаружено никаких признаков стоянки. Люди не жили здесь, это был «остров мертвых». Сюда на лодках привозили умерших, совершали обряд погребения и покидали остров, оставляя близких в ином мире, «за водой». Судя по значительному количеству погребенных на Оленьем острове (учитывая все погребения, раскопанные и разрушенные карьером), следует думать, что здесь,

вероятно, существовало племенное кладбище, куда родственные между собой различные роды свозили умерших.

Наконечники стрел из погребения
в бухте Песконец

На Кольском полуострове известны и небольшие кладбища, видимо принадлежащие одной родовой организации. Одно из них обнаружено вблизи Кандалакши, на левом берегу реки Нивы (исследование П. Э. Пессонен). Скелеты тут не сохранились. На то, что здесь были захоронены люди, указывали овальные пятна красной охры и найденные в них вещи – аккуратно уложенные наконечники стрел. Судя по вещам, эти погребения относятся к концу неолита – началу раннего металла.

На северо-восточном побережье Баренцева моря в одной из небольших бухт, называемой Большой Песконец, нам

посчастливилось найти по[81]гребение, содержащее совершенно необычный материал.

Эта бухта привлекла наше внимание еще с парохода своей песчаной отмелью, которая, как мы могли убедиться за долгие годы, всегда использовалась древним населением Кольского полуострова. Поход для осмотра бухты мы начали из Харловки, перевалив через гранитные скалы. Бухта оказалась не очень большой, широко открытой в сторону моря.

При обследовании террас мы обнаружили несколько древних поселений. Одно из них располагалось близко к морю. В силу того что поверхность ее особенно сильно развевалась, все пространство на этом участке усеяно отщепами кварца и кварцевыми орудиями. В средней части

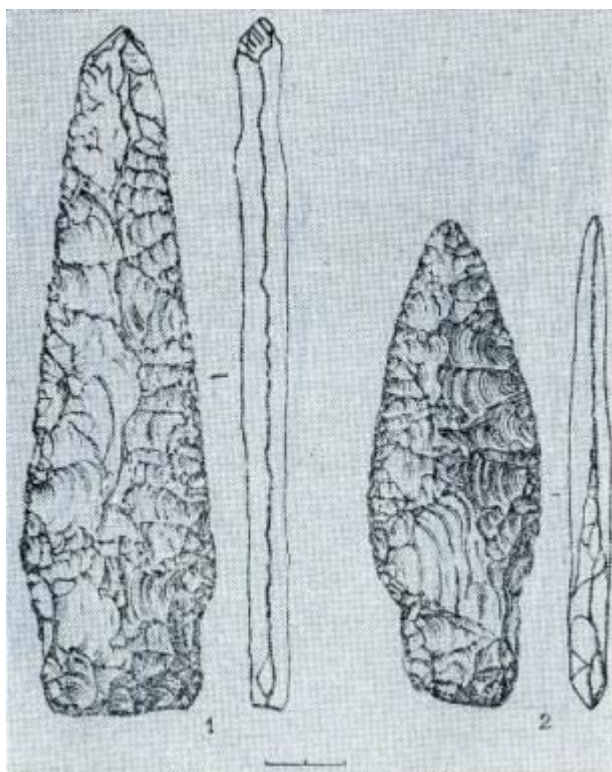
выступало заметное возвышение, которое после расчистки оказалось развалом печи-каменки. Камни имели следы сажи и настолько сильно подверглись обжигу что распадались на дресву. Однако, самое интересное оставалось еще скрытым от нас.

Расчищая верхний слой одного из центральных участков стоянки, нож наткнулся на что-то твердое, едва прикрытое песком. Несколько движений кисточкой – и обнажились два крупных сланцевых великолепно зашлифованных топора и рядом – небольшое, но столь же тщательно изготовленное сланцевое желобчатое тесло. Здесь же лежали два угловых шиферных ножа. Все предметы были идеально зашлифованы и острые, без следов работы ими. То, что вещи еще не использовались человеком, наводило на мысль, что, очевидно, они были специально уложены вместе. При дальнейшей расчистке обнаружилось небольшое пятно красной охры и – в расстоянии около полутора метров от первых находок – топор и желобчатое тесло, также прекрасно сделанное, без следов использования. Самые же интересные вещи лежали в центре охристого пятна – семь кремневых и один шиферный наконечники стрел – остриями в одну сторону, плотно соприкасаясь друг с другой (очевидно, они находились ранее в колчане). Все кремневые наконечники с черешками, очень тщательно обработанные ретушью, сланцевый наконечник зашлифован.[82]

Самое неожиданное ждало нас впереди – находки, которых никак нельзя было ожидать на Кольском полуострове. Плотнo прилегая друг к другу, видимо положенные ранее в какую-то сумочку, лежали три орудия изготовленные из одного куска кремня, – наконечник копья, кинжал «шлифованное желобчатое тесло. Не столько необычной оказалась форма сколько размер орудия: кинжал – восемнадцать с половиной сантиметров, копье – тринадцать и тесло – тринадцать с половиной сантиметров с очень сильно сработанным лезвием. С трудом верилось, что в наших руках кремневые орудия Кольского полуострова, где отсутствуют залежи кремня, а потому изделия из него редки и всегда очень мелкие. Еще никогда здесь не

находили кремневых орудий, обработанных с помощью шлифования. Еще больше удивлял кремень – сероватый, с желтыми пятнами, не встречающийся не только на нашем Севере, но и вообще в пределах Советского Союза. И наконец, из земли мы извлекли еще два предмета. Первый – длинный, четырехгранный в сечении стержень из серого сланца с желобком на одном и головкой утки на другом конце. С обеих боковых сторон его украшали нарезки. Судя по тому, как он залощен, а конец снабжен с обеих сторон желобками, можно думать, что он, скорее всего, употреблялся для вязания сетей. Второй предмет изготовлен из черного сланца – великолепно выполненная скульптура животного, выдры или бобра, с длинным, заостренным на конце хвостом, подтрегольной головкой с выпуклыми глазами и раскрытым ртом. Одна сторона его (со спинки) выпуклая, орнаментирована двумя рядами нарезок по краю, другая (с брюшка) – плоская и залощенная до блеска от длительного соприкосновения с мягким предметом. Очевидно, это амулет, который долго носили на груди.

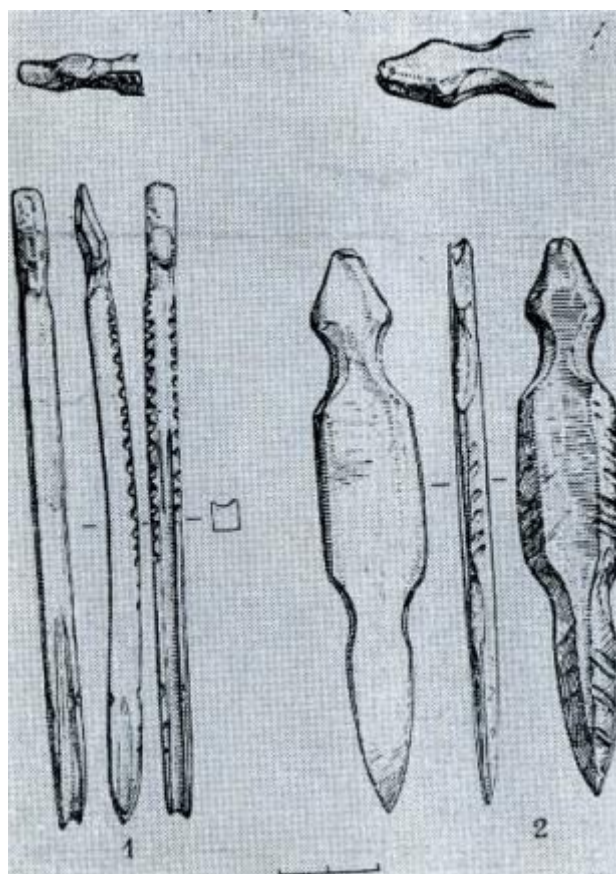

Кремневый кинжал 1 и наконечник копья 2 из погребения в бухте Песконец

Сам набор таких прекрасных вещей, положенных группами в трех различных местах (очевидно, в ногах, около головы и на груди) на расстоянии не более полутора метров, так же как и засыпка красной охрой, ясно указывал на то, что мы имеем дело с остатками погребения, скелет в котором не сохранился. И наконец, как бы для того, чтобы окончательно рассеять наши малейшие сомнения, была найдена фаланга руки и коренной зуб, принадлежавший нестарому человеку.

Судя по цветности земли, перекрывшей погребение, можно сделать вывод о глубине его захоронения. Несколько выше желтого песка, в котором лежали вещи, зуб и фаланга че[83]ловека, отчетливо прослеживалась темная тонкая прослойка – древняя погребенная почва, засыпанная впоследствии навеванным ветром песком. Следовательно, в момент захоронения покойника положили прямо на землю и едва прикрыли песком, в результате чего костяк не сохранился. Умершего захоронили на окраине древней стоянки. Возможно, погребение и не было связано с ней, поскольку в вещах, сопровождавших покойника, не встретилось ни одного кварцевого орудия, в таком изобилии представленных на стоянке. Совпали лишь места древних остатков, что неудивительно, если учесть исключительно малое количество здесь удобных для жизни песчаных участков.

Сланцевые изделия из погребения в бухте Песконец:

1 – стержень для вязания сетей с головкой утки; 2 – скульптура выдры

Кто же был этот нестарый человек, погребенный с такой почестью, захороненный не на кладбище, а в одиночестве? К сожалению, мы не узнаем этого, и все же, анализируя факты можно сделать некоторые выводы.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что вместе с вещами, характерными для древних племен Кольского полуострова (угловые сланцевые ножи, наконечники стрел), встречаются и вещи, не

известные по другим памятникам, – скульптурное изображение выдры или бобра и утки, а главное – три крупных кремневых орудия необычной величины и формы. Уже в момент их

обнаружения нам было ясно, что эти изделия из кремня привезены из западных стран – Норвегии или Швеции, в отличие от наконечников стрел, изготовленных из кремня с южного побережья Белого моря. Позже наши предположения полностью подтвердились, когда эти вещи мы показали шведскому ученому профессору Эверту Боду во время его командировки в Ленинграде. Он с удивлением сказал: «Да ведь это же наш кремень».

Каким же образом могли попасть эти вещи на Кольский полуостров через огромное труднопреодолимое пространство? Скорее всего, они были доставлены не в виде сырья – крупного куска кремня, а в виде уже готовых вещей. До сих пор, несмотря на огромное количество полученных в процессе раскопок орудий, на Кольском полуострове, и в частности на памятниках северного побережья, не найдено ни одного кремневого шлифованного предмета, да и сама форма тесла (четырехугольного в сечении) совершенно необычна для нашей территории. Местные племена не де[84]ляли таких орудий. Следовательно, эти вещи принадлежали человеку, который доставил их из Швеции в готовом виде или сделал (что менее вероятно), будучи знаком с такой формой и приемами обработки кремня (с помощью шлифования).

Однако как бы ни решался данный вопрос, ясно лишь то, что кремень в виде сырья или готовых орудий преодолел огромное расстояние, и конечно лишь с помощью человека, поскольку орудия, в отличие от семян или мелких ракушек, не могли переместить птицы или вода. Следовательно, между племенами Кольского полуострова и древними жителями Швеции существовали достаточно дружественные связи (о чем свидетельствуют и другие материалы), позволявшие им вести обмен продуктами, и в частности сырьем. Очевидно, общение это велось по рекам, текущим с юга на север (скорее всего, по реке Кемь, далее по Туломе, в Кольский залив, а затем вдоль морского побережья). Возможность сухопутного общения почти исключается, учитывая сильно пересеченный характер местности, изрезанной к тому же широкими непроходимыми реками.

Поскольку такие орудия нигде более не найдены, трудно пока утверждать, что обмен происходил через посредство населения, жившего на западном побережье Кольского полуострова, ближнем к территории Швеции. Пока можно говорить лишь о том, что для обмена необходимыми продуктами население совершало длительные и опасные путешествия на своих утлых челнах вдоль берегов бурного Баренцева моря. И к какому бы племени ни принадлежал человек, живший на Кольском полуострове или в Швеции, в любом случае это был смелый охотник (о чем говорит большое количество захороненных с ним стрел), проделавший длинный, полный опасности путь. И конечно, не один, а в сопровождении других людей. Только его товарищи могли совершить обряд погребения. Где-то дальше, на восточном побережье, затерялись их следы. По-видимому, умерший являлся одним из главных членов путешествия, если путники захоронили с ним такие прекрасные, редкие и вместе с тем нужные им самим вещи.

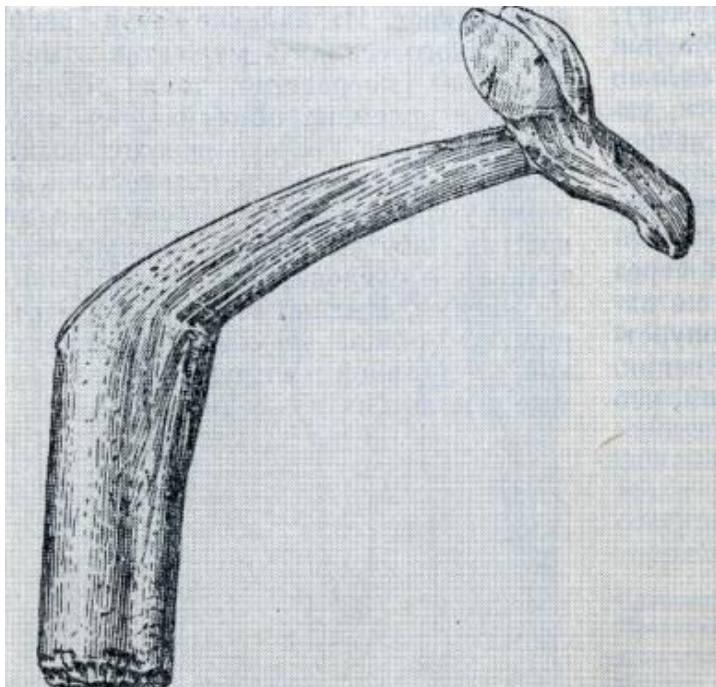
В общем, это погребение свидетельствует, с одной стороны, о силе веры в загробную жизнь и, с другой, об отсутствии замкнутости древних коллективов. Их далекие связи требовали много усилий и мужества. Именно через посредство таких связей древние племена обменивались друг с другом не только необходимыми продуктами своего труда, отсутствующими у соседей, но и определенными новыми достижениями первобытной техники, а, следовательно, и передовыми идеями. Именно эту сторону и отражают общие элементы материальной и духовной культуры, наблюдаемые у кольских и соседних племен.[85]

Искусство древнего человека

Одним из важнейших источников для познания духовного мира людей несомненно являются предметы искусства.

На Кольском полуострове изобразительное искусство в виде скульптуры из рога, камня и кости, а также рисунки на костяных или каменных предметах найдены в ряде памятников, преимущественно на северном побережье. К их числу относится Оленеостровский могильник, погребение в бухте Песконец и в особенности группа стоянок в бухте Дроздовка: Нерпичья Губа, Дроздовка, Маяк, Маяк II и Устье Дроздовки.

Сравнивая предметы искусства Кольского полуострова с аналогичными вещами соседних территорий нашей и зарубежных стран, можно видеть, что начиная с эпохи мезолита в областях, сходных в природном отношении, часто встречаются одинаковые образы, воплощенные в камне и кости. Вместе с тем прослеживаются известные различия в манере исполнения.

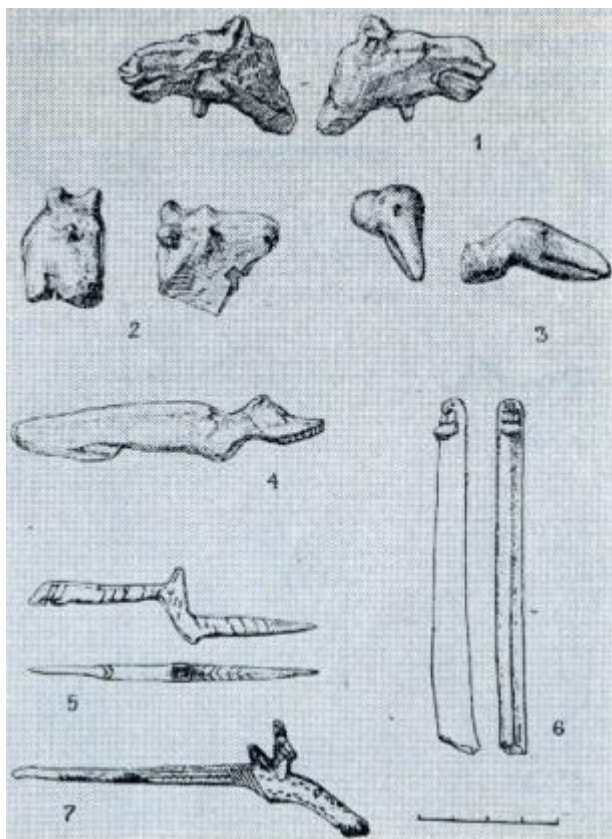

Нетрудно понять, что человек отражал в скульптуре окружающий его мир животных и людей, хотя в отдельных случаях, возможно, и наделяя их фантастическим содержанием.

Обобщая известные к настоящему времени данные о скульптуре и украшениях

Скульптура лося из рога с поселения Маяк II бытовых предметов обширного северного региона – Советского Заполярья, Карелии, Финляндии и Норвегии, – приходится признать, что излюбленными

сюжетами в течение многих тысячелетий здесь являлись образы лося, оленя и медведя, имевших огромное значение в жизни древнего человека.

Предметы искусства:

1,4-6 – скульптура с поселения Маяк II (1 лось, 4 – хищное животное, 5 – схематическое изображение лося, 6 – стержень с изображением головы старика); 2 – белый медведь с поселения Дроздовка; 3 – птица с поселения Устье Дроздовки; 7 – голова лося Оленеостровского могильника

Самые выразительные изображения лося на Кольском полуострове найдены в стоянке Маяк II. Одно из них выполнено из мыльного камня и представляет собой голову животного с отчетливо подчеркнутыми типичными чертами – горбатый нос, массивная губа, характерный рот, небольшие уши, выпуклые круглые глаза. В целом скульптура, несмотря на то, что сделана из твердого камня, труднодоступного для обработки, исключительно выразительна.

Каждый, видевший ее, безошибочно узнает в изображении лося. На шее животного – небольшой выступ – серьга. Вместе с тем она, очевидно, имела и другое значение. Если повернуть [86] головку шеей вверх, получается изображение человеческого лица, где выступ – серьга является носом, а глаза трактованы в виде небольших углублений.

Вторая костяная скульптура по силе выразительности и профессиональному исполнению в полной мере может считаться великолепным образцом первобытного искусства, в котором, несомненно, проявился подлинный талант художника. Для нее использован небольшой отросток рога северного оленя, имевший форму, близкую к Г-образной. На месте шеи животного рог сверху сильно срезан, чтобы снять с него лишнюю толщину и тем самым получить возможность вырезать уши. Несмотря на то,

что голова животного слегка оглажена в процессе использования, отчетливо видны выпуклые глаза и рот, подчеркнуты отвислая нижняя губа и горбатый нос. Поразительно правдиво показаны уши, слегка округлые с внешней и вогнутые с внутренней стороны, передающие настороженное состояние животного.

Подобно другим, нижняя часть скульптуры – удлиненная шея – служила стержнем, вставлявшимся в какой-то предмет.

Два костяных изображения лося сильно схематизированы. Одно из них найдено в Оленеостровском могильнике, второе – на стоянке Маяк II. В обоих случаях также даны только головы животных с небольшими ушами длинными шеями, заостренными концы. Очевидно, они втыкались во что-то мягкое. Морды непропорционально вытянуты, лось узнается по слегка утолщенной на конце горбоносой морде, на которой нанесен орнамент в виде параллельных черточек и пересекающихся линий.

Очень выразительное изображение оленя выполнено в виде рисунка на кости. Показана морда животного, увенчанная рогами, и шея. Рядом, очевидно, поваленное дерево (к сожалению, в этой части кость обломан).

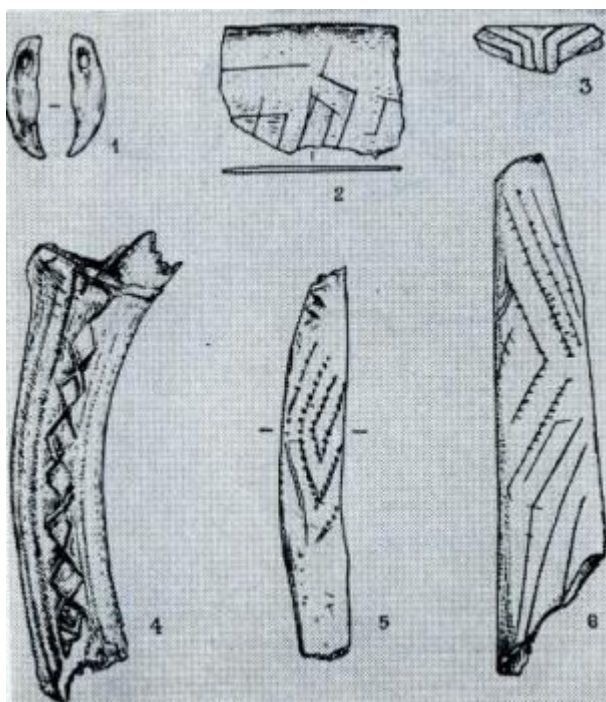
Не менее замечательны три скульптуры белого медведя – две из мыльного камня (со стоянки Дроздовка и Маяк II) и одна из рога (Маяк II). Во всех случаях изображения очень реалистичны. По маленьким круглым ушам и удивительно точно соблюденной пропорции слегка вытянутой морды, выпуклым глазам в них без труда узнается белый медведь. Один, выполненный из рога, снабжен[87] отверстием для подвешивания; по всей вероятности, он служил амулетом. На второй каменной фигурке сохранились следы углубления, указывающие на то, что головка надевалась на стержень, а у третьей, самой выразительной скульптуры специально удлинена шея, чтобы можно было закрепить ее на подставке.

При раскопках стоянки Маяк II в 1980 году были найдены еще две маленькие, великолепные по исполнению фигурки животных из моржового клыка, судя по величине и отверстиям – подвески-амулеты. Одна из них,

очевидно собака, украшена мелкими точками на хребте. Вторая фигурка изображает какого-то хищного зверька с длинной узкой мордочкой. Тело его покрыто продольными полосами, наверное, показана шерсть.

Из прочих изображений представителей фауны встречена головка птицы из мыльного камня, голова и корпус какого-то хищного животного с оскаленными зубами.

Изделия из кости и рога с поселения Маяк II:
1 – зуб-подвеска; 2–6 орнаменты на костяных предметах

Изображения людей обнаружены в трех случаях, помещены они на концах костяных предметов – округлого стержня и двух ножей. Наиболее отчетливы фигуры в фас и более схематичны в профиль. Дано только лицо, видимо старика, в одном случае с бородой. Вероятно, эти предметы не были просто бытовыми, а скорее всего связанными с верованиями и использовались в каких-то культовых церемониях.

Встречено также значительное количество костяных предметов, украшенных нарезным, иногда очень сложным геометрическим орнаментом. Среди них: кинжалы, игольники, гребни, стержни, ножи, очевидно, обкладка колчана и другие.

На стоянке Дроздовка найдена часть орудия из мыльного камня со сложным рисунком. Двумя волнистыми чертами показана, по всей вероятности, река, перекрещивающимися линиями – сети, а маленькими удлиненными, утолщенными с одного конца насечками – стаи рыб.

В целом, судя по обилию костяных предметов с украшениями (в стоянках, где благоприятные почвенные условия способствовали сохранности кости), можно заключить о значительном развитии искусства и

широком его применении в быту древних обитателей Кольского полуострова, в особенности в эпоху раннего металла. Огромное количество костей морского зверя на стоянке Маяк II указывает на успешную охоту, обеспечивавшую человеку бесперебойное питание, предоставляя тем самым свободное время на удовлетворение духовных потребностей.

Одним из самых ярких и выразительных монументальных памятников традиционного искусства этой территории являются наскальные изображения открытые нашей экспедицией в 1973 году в среднем течении реки Поной, в местности Чальмны-Варрэ.

Обладая огромной притягательной силой, эти рисунки влекут к себе и историков древности, и художников. Проникновение в сущность мировоззрения творцов петроглифов – одна из самых трудных, но вместе с тем и увлекательнейших проблем истории древней культуры.

Вид в окрестностях Чальмны-Варрэ

Со времени открытия рисунков мы ежегодно посещали Чальмны-Варрэ. Добирались сначала самолетом до Краснощелья, а затем вниз по Поною семьдесят пять километров плыли на лодке.

Не раз виделась нам знакомая картина с самолета – блестящая лента извивающегося Поноя, как бы обсаженная деревьями и кустами, а дальше ровная болотистая тундра и островки леса с белыми, как бы слегка запорошенными снегом, участками ягеля. Такие берега были малопригодны для жизни в древности.

Каменистый, видный далеко мыс Чальмны-Варрэ с трех сторон омывается рекой Поном, к четвертой примыкает заболоченная низина, частично занятая небольшим озером и вытекающей из него речкой. По болотистой трясине (когда идешь, почва под ногами колыхается) можно перебраться на другой остров, а даль – на третий. Далеко видно ровное

заболоченное пространство – это Понойская депрессия, как ее определяют геологи.

Остров Чальмны-Варрэ на поверхности представляет хаотическое нагромождение крупных неоглаженных каменных блоков с острыми краями, будто результат какого-то гигантского взрыва. Каменистая гряда идет вдоль острова – с юга на север. На повышенном месте еще видны редкие сосны, ниже – они совсем одиночны. Кругом царство камня. Удивительно, как эти редкие деревья ухитряются выжить: кажется, почвы здесь нет вовсе. Совсем же низко, ближе к реке, деревья не растут; возможно, они здесь и были когда-то, но исчезли при постройке деревни. Здесь летом «зацветают» лишь камни, покрываясь разноцветными лишайниками. А дальше расстилаются заливные луга. Река как бы вырвалась на свободу, начала «гулять» по лугам, петлять, извиваться. Только на горизонте видны невысокие облесенные горы.

Некогда Чальмны-Варрэ была большой деревней (потом она называлась Ивановкой), около семидесяти домов. Теперь только полуразвалившиеся строения напоминают о былом селении, с каждым годом их становится все меньше (они разрушаются и используются на дрова пастухами, косцами[89] и особенно туристами). Дома стоят прямо на камнях. Шагнет человек с крыльца и ступает прямо на камень. Камни в основном крупные, пробираться между ними трудно. Чтобы облегчить передвижение, в деревне построен тротуар – деревянный настил из досок, частично они опирались на высокие камни, частично на бревенчатые сваи, вбитые между камнями.

На таком фоне камни с рисунками почти незаметны, они такие же по величине и форме, как и «дикие», не подвергнутые обработке, раскинутые на расстоянии от двух до двадцати метров друг от друга, не привлекают к себе внимания. И все же кажется удивительным, что местное население не знало о существовании рисунков. Возможно, это случилось потому, что самый выразительный из камней – камень 1 – долгое время был закрыт водой, иначе его нельзя было бы не заметить. Именно на него и обратила внимание наша

разведочная группа в момент высадки с байдарки, поскольку он находился у самой воды. Что же касается других камней, то они вовсе не выделяются среди каменного хаоса. Теперь пастухи и приезжающие сюда из Краснощелья косцы с интересом смотрят, как мы работаем над ними.

В месте расположения камней четко выражена пойма реки – низкое, слегка заболоченное, поросшее травой пространство. Здесь, среди небольших камней, лежит крупный (семь квадратных метров) камень 1, в двух метрах от которого находится такой же плоский, но менее ровный камень 2, также периодически скрывающийся под водой. Над поймой, в большей или меньшей степени, возвышается ступенька берега – первая надпойменная терраса, на краю которой разбросаны остальные четыре камня (всего камней шесть). Небольшой размер и выветренная, как и у всех других камней, поверхность делают их незаметными. Поверхность одного из камней в большой степени оказалась покрытой почвой и заросшей травой. Нам пришлось освободить его от земли, и тогда на нем открылись изображения.

Таким образом, топография камней, залегающих на различных высотных уровнях по отношению к воде указывает на разный возраст рисунков. Более древние – камни 1 и 2, более поздние – остальные.

Разновременность камней, установленная на основании их расположения по отношению к реке, подтверждается, как мы увидим далее, характером самих рисунков.

В 1977 году наблюдения над тем, как постепенно освобождался из-под воды камень 1, дало нам многое для понимания рисунков.

Все камни являются разновидностями гранита и гнейса. Часть их (камни 1, 2, 5) мелкозернистые, плотные, блестящие, оглаженные водой, как бы отполированные. Судя по тому, как резко отличается камень 1 от соседних, можно предположить, что его поверхность долгое время покрывалась, очевидно, жиром, она как бы промаслена. Вероятно, это в некоторой степени и предохранило его от разрушения.

Рисунки на всех камнях выбиты так называемой точечной ретушью с помощью мелких ударов острым каменным инструментом, диаметр которого не превышал пяти миллиметров. При этом точки, нанесенные близко одна к другой, слились вместе, образовав углубленный контур рисунков. Глубина их не более трех миллиметров.

При расчистке земли под камнем 5 мы обнаружили куски кварца с острыми концами, сравнение которых[90] с точечными углублениями (негативными) на камнях показало их полное совпадение.

Во всех случаях изображаемые фигуры сплошные, а не контурные. Животные всегда показаны в профиль, люди же всегда в фас, полностью повернутые к зрителю. Прочие немногочисленные изображения – солнце, змея – также даны в плане. Судя по тому, как отлично изображены животные, следует полагать, что, прежде чем приступить к выбиванию, на камне накопился рисунок каким-то красящим веществом, очень возможно охрой.

На камнях показаны преимущественно олени (лишь в единичных случаях лоси), люди, одно солнце и одна змея. Однако манера изображения одних и тех же объектов различна. На камне 1 все фигуры сосредоточены в одной, наиболее высокой и удаленной от воды части. Видимо, в то время, когда создавались рисунки, уровень воды в реке был близок к современному. В целом же каждый из камней своеобразен, это особый лист «каменного альбома». Они дополняют друг друга. «Перелистывая» их, создается представление об окружающей человека природе, о его миропонимании и степени развития искусства.

Открываем первый «лист каменной книги» – камень 1. Вода в реке еще не достигла обычного уровня, и камень, по торец закрытый водой, как бы плавает в ней. Изображения видны все. Но вот проходит моторная лодка, и волна прокатывается по изображениям. Смоченные водой, они ослепительно сверкают на солнце. Фигуры удивительно ясные, четкие, как будто они только что выбиты. Однако цвет углублений говорит о их древности.

Изображения, выполненные на граните недавно, имеют белый цвет, а эти рисунки темные, поросшие внутри лишайником, он покрывает их тонким, но плотным зеленым слоем. Постепенно, когда начинаем отчищать рисунки жесткими щетками и отмывать водой, она становится зеленой.

Изображения оленей, выбитые на камне 1.
Чальмны-Варрэ

Всего насчитываем двадцать две фигуры, две из них не закончены – художник начал выбивать оленя, сделал его туловище, но ни головы, ни ног не завершил. Возможно, потому, что ему самому не понравился собственный рисунок. Он, действительно, неудачен. Вторая незавершенная фигура – то ли собака, то ли олененок – не лучше, в ней нарушены все пропорции. Остальные фигуры выполнены с мастерством.

Совершенно отчетливо видны шестнадцать оленей. Они изображены довольно различно. Есть удивительные,[91] в особенности один, в середине камня. Это молодой стройный олень, с гордо поднятой головой, небольшими рогами, как бы олицетворяющий собой Север. Остальные олени несколько иных очертаний и пропорций, с более округлыми телами и массивной головой. При внимательном осмотре начинаем понимать, что по стилю следует выделить особую группу изображений оленей, сконцентрированных в более нижней части камня, с удлинёнными и непропорциональными телами. Концы ног их загнуты наружу (к голове) и имеют как бы ступни. Совершенно очевидно, что рисунки выполнены одним мастером. Среди этой группы у двух рядом расположенных оленей ноги согнуты в нижней части, как бы слегка поджатые к туловищу, видимо, олени плывут.

Есть одна общая черта изображений на этом камне. За исключением двух оленей, все они показаны лишь с двумя ногами – одной передней одной задней (каждая пара ног слитна). Таким образом, животные находятся в покое, как бы стоят неподвижно. Эта, казалось бы незначительная, деталь имеет для определения возраста рисунков большое значение. Ухватившись за этот кончик тоненькой ниточки, мы постепенно начинаем вытягивать общую цепь событий – последовательность нанесения рисунков сначала на этом, а затем и на других камнях. Только два оленя, как указывалось, изображены иначе – один с тремя ногами (одной передней и двумя задними) и второй – с четырьмя ногами. И сами фигуры этих животных более схематичны, резко отличаются от изображений других оленей. Теперь становится ясным порядок нанесения рисунков.

Изображение оленей, выбитые на камне 1.
Чальмны-Варрэ

Перед первобытным художником был ровный, гладкий, лежащий горизонтально камень – великолепный «холст», заманчиво блестящий на солнце. В средней части художник нанес (видимо, сначала краской, по контуру) прекрасное изображение молодого оленя. Позже, через какое-то время, слева от него, очевидно другой художник, выбил новое, менее удачное изображение, с иными пропорциями – массивное, не столь правдивое, повернув его голову в ту же сторону (левую). По-видимому, прошло еще какое-то время и к каменному «полотну» притронулся еще один древний художник, выполнивший семь рисунков. Он поместил их слева и справа от центральной фигуры, повернув головами в одну сторону (правую), так что теперь все фигуры в нижней части камня образовали как бы полукружье.

Всем этим изображениям присуща об[92]щая черта, свидетельствующая о принадлежности одному художнику – сухощавость и непропорциональность, вытянутость корпуса животного. Тела их длинные, тонкие (в особенности в четырех случаях) как палки, морды тупые, как бы плоско срезанные, только у двух фигур слегка выделены животы.

Изображение шамана на камне 1. Чальмны-Варрэ

На то, что здесь фигуры «нарисованы» в более позднее время, указывает находящийся слева олень с четырьмя ногами, а в правом углу – с тремя. Как мы увидим дальше, на всех других камнях (кроме камня 2, также лежащего ниже, в пойме) – все олени четырехногие.

Особое внимание привлекают к себе две человеческие фигуры – одна в середине зауженной части камня, другая – в самом правом его крае.

Размеры обеих фигур примерно одинаковы. Они крупнее изображений оленей.

Позы людей идентичны – фигуры даны в движении, как бы пляшущими. Ноги их сильно согнуты в коленях, ступни вывернуты наружу, руки также сильно согнуты в локтях и подняты вверх. Руки центральной мужской фигуры трехпалые, голову украшает трехрогий головной убор. У второй (крайней) фигуры руки заканчиваются округло, голова лишена убора, внизу виден привязанный хвост (он соединяется с телом тонкой линией).

Обе человеческие фигуры выбиты в одно время. На это указывают не только их сходные позы, близкое расположение, но и непосредственная связь – ноги (левая – центральной и правая – крайней фигуры) нанесены частично поверх изображения оленя.

Очевидно, связанность этих фигур нельзя считать случайной, ноги обоих людей как бы задерживают оленей. Видимо, обе человеческие фигуры являются шаманами, в особых нарядах – один с тремя рогами на голове, другой с привязанным хвостом. Наши предположения подтверждаются наличием рогатых человеческих фигур на наскальных сибирских рисунках и, что особенно важно, свидетельствами этнографов, еще наблюдавших шаманов в Сибири. Во время камланья (священнодействия шамана) они надевали рогатые головные уборы и подвязывали себе хвосты. Видимо, древний художник пытался показать сцену камланья шаманов, стремящихся помочь охотникам задержать бегущих оленей.

«Перелистываем» другую каменную «страницу» – подходим к камню 2. Он такой же мелкозернистый (плотный), но с неровной, слегка волнистой поверхностью, местами отслоившей[93]ся. Основная фигура – животное, судя по сильно утолщенной на конце морде, возможно лось. У него также всего лишь две ноги со «ступнями», тело пропорционально утолщено, но голова неправдоподобно вытянута и на конце как бы горбоносая. Выше конца его рогов выбита непонятная трехлопастная фигура, слегка напоминающая птицу в полете.

Для того чтобы рассмотреть следующие «листы» этой своеобразной книги, нам придется подняться несколько выше и пройти по древнему, сильно каменистому берегу Поноя.

Камень 3, крупный, сильно возвышающийся над поверхностью земли, неправильно трехугольных очертаний, крупнозернистый, отчего рисунки на его поверхности едва заметны. На этом камне мы выявили рисунки четырех оленей и непонятной фигуры в виде круга с заходящими друг на друга концами, возможно, неоконченной.

Здесь олени даны уже в иной манере, все имеют по четыре ноги, но в остальном непохожие друг на друга. Небольшой по величине олень – самый выразительный, более крупные фигуры имеют массивное туловище и тонкие

ноги. Вероятно, различия вызваны в известной мере структурой камня (поверхность его очень неровная).

Камень на четвертой «странице» небольшой величины, совершенно не выделяется среди таких же соседних камней. В то время, когда на нем выбивались рисунки, он находился у самой воды и часто заливался, сейчас это край коренного берега, слегка возвышающегося над поймой. Лишь половина поверхности камня ровная. Именно здесь древний художник и воспроизвел довольно крупные изображения оленей, идущих один за другим. При этом голова заднего оленя совсем вплотную приближена к хвосту переднего. Очевидно, художник, создавший изображения на этом камне, преследовал не эстетические цели, а хотел лишь передать содержание сцены – видимо, животных во время гона.

Несколькими десятками метров ниже по течению реки древний коренной берег образует небольшой мыс, который возвышается теперь над поймой.

Здесь, среди нагромождений камней, иногда ровных и гладких, лежат почти горизонтально два камня с рисунками – камень 5 и камень 6, последний залегает несколько выше. На нем, на той части, которая выходила на поверхность, мы с трудом рассмотрели вначале всего лишь несколько едва заметных рисунков. После того как освободили камень от земли и отмыли с помощью щеток и воды, на нем все отчетливее вырисовывались новые и новые фигуры животных. На той части камня, которая была скрыта под слоем почвы (более светлой, не поросшей лишайником) и потому не так сильно подверглась выветриванию, изображения видны четко, на всей же остальной поверхности крупнозернистая структура камня делала их слабозаметными. Постепенно нам удалось выявить целое стадо оленей, в основном обращенных головой на восток, изредка на запад и юг. Немало времени мы затратили на то, чтобы «изловить» все стадо. Легче всего это удавалось делать ранним утром и вечером, когда косые лучи солнца давали

боковое освещение, но когда оно опускалось ниже, рисунки «затухали» и затем исчезали совершенно. Тогда работу приходилось прекращать.

Всего мы зафиксировали более двадцати оленей и одну, слабо заметную, человеческую фигуру с кольцеобразной головой и 1 опущенными вниз[94] руками, короткими, широко расставленными ногами, выполненную неширокой линией. По обе стороны, вблизи рук человека, выбиты олени, причем левая рука как бы держит оленя за задние ноги.

В целом же картина впечатляющая. Смотришь сверху и видишь: словно целое стадо оленей разбрелось и пасется в тундре.

Но конечно, самым интересным явился камень 5. Это целая поэма, только разобраться в ней сразу невозможно. Изображений на нем так много (более шестидесяти) и расположены они так близко друг к другу, иногда налегая одно на другое, что сверху камень кажется кружевным. Лишь постепенно начинают отделяться фигуры, выясняется их смысл.

Размер этого камня относительно невелик – едва превышает четыре квадратных метра. Он ровный, лежит почти горизонтально, со слабым наклоном к реке. Обилие рисунков, вероятно, вызвано тем, что камни 5 и 6 являются последними, а дальше, ниже по течению реки, берег, сложенный камнями, отодвигается от современного зеркала реки, уступая место широкой пойме.

О длительном использовании камня красноречиво говорит масса изображений и различия в их стиле.

Делаем попытку «прочитать» изображения. Структура камня мелкозернистая, как и на камне 1, и потому рисунки там, где они не повреждены, четкие. Но затертых мест много, и читаются они с трудом.

Сразу охватить все рисунки невозможно, приходится разбирать их по частям, и тогда постепенно выступают образы, запечатленные древним художником. Самое трудное – правильно понять отдельные изображения и целые сцены. Обязательно надо выяснить, выбиты ли рядом расположенные

фигуры последовательно одна за другой или в разное время, без связи друг с другом.

Общий вид камня 5. Чальмны-Варрэ.

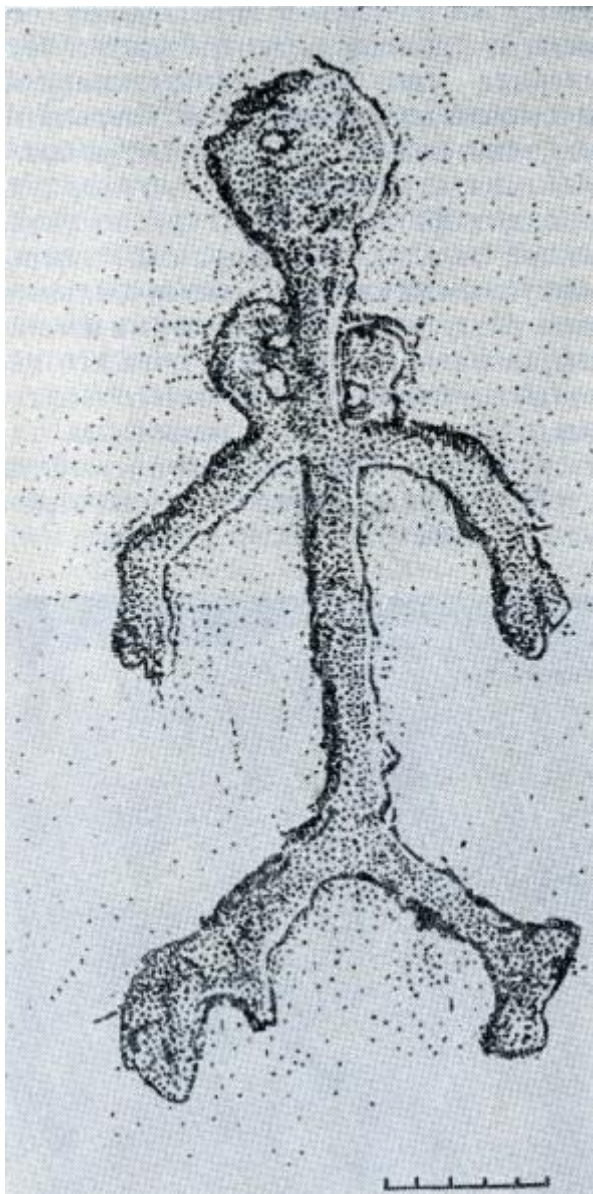
В результате наблюдений, проведенных за несколько прошедших сезонов, и анализа рисунков уже в Ленинграде (по привезенным копиям) мы смогли составить более уверенные суждения, чем в начале наших работ.

Самая замечательная по выразительности фигура лося (судя по утолщенной морде). Это крупный зверь, с округлым животом, двумя парами четко разделенных ног, с рогами и мощным загривком. Передние ноги его несколько короче задних, отчего создается впечатление, что животное тянется вперед. Видимо, фигура выбита одной из первых. Около нее много свободного пространства, и соседние изображения не мешают ей. Это, действительно, совершенный рисунок. Выбитый каменным орудием на граните, он поражает верностью натуре и, несомненно, выполнен очень талантливым древним художником.

Рядом выбит человек (признак пола на всех человеческих изображениях этого камня не подчеркнут) со слегка согнутыми и опущенными вниз ногами и руками. Голова его круглая, выбита сплошь, на плечах – расширение, возможно, показана ноша.

Несколько западнее – крупное (больше человека) изображение извивающейся змеи с головой и хвостом. Не исключено, однако, что художник пытался показать так реку Поной. Около нее два оленя. Но наибольший интерес представляют две сцены. Крупная фигура человека с кольцеобразной головой, с округлым животом и раскинутыми ногами, между

которыми, частично поверх правой из них, выбит небольшой (в три раза меньше человеческой фигуры) олень. Правая рука человека – очевидно женщины – касается задних ног другого оленя. Эти, видимо связанные между собой, фигуры составляют единую сцену, наделенную особым смыслом. Справа от этой сцены размещена еще более выразительная сцена – крупный

Изображение человека на камне 5.
Чальмны-Варрэ

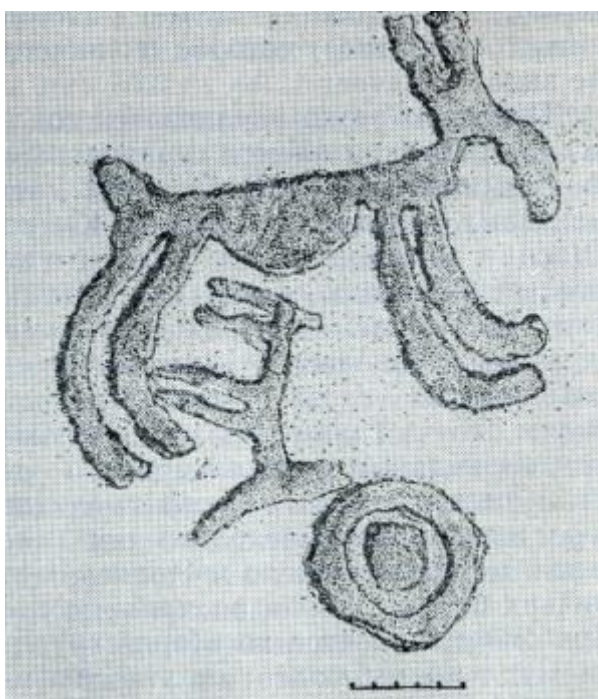
олень с откинутыми и выгнутыми задними ногами, сильно утолщенным отвислым животом, под которым, перпендикулярно ему, помещен маленький, тоненький олененок, а около головы его – двойной круг – символ солнца. Ни на одном из всех шести камней не встречается такой маленькой беспомощной фигурки олененка. Нельзя сомневаться, что эта сцена изображает рождение олененка, при этом фигура солнца указывает время года – весна – время отела оленей. Видимо, и первую сцену – женскую фигуру, в ногах которой помещен небольшой олень, – следует трактовать как стремление к размножению оленей, о чем

свидетельствует подчеркнуто увеличенный живот и олененок между

ног фигуры. Олени в ногах людей встречаются, как мы увидим, и на некоторых других частях этого камня.[96]

По кромке камня хорошо видна еще одна сцена. Человечек с ромбовидной головой и двумя слегка опущенными и широко раскрытыми

трехпальными руками. Он почти смыкается со стрелообразной фигурой, имеющей трехпалые руки-крылья. Левая рука человеческой фигуры едва не касается морды оленя, а слева, против места, где почти соединяется нижняя часть его туловища и верхняя часть стрелообразной фигуры, помещен маленький олень, морда которого соприкасается в месте соединения обеих фигур. И очень знаменательно, что левое трехпальное крыло фигуры выбито поверх передней ноги оленя, перекрывая ее, похоже, что фантастическое существо «задерживает» животное. Справа от этой сцены показаны четыре человеческие фигуры, несомненно связанные друг с другом, – «девичий хоровод».

Сцена рождения олененка на камне 5.
Чальмны-Варрэ

Несколько севернее рассмотренных фигур не менее интересны четыре изображения, три из которых связаны между собой. Центральное место занимает человеческая фигура укороченных пропорций, с одной короткой ногой. Руки ее, раскинутые в разные стороны, трехпалые. Правая рука посредством короткой линии соединена с головой второго, меньшего по размерам человека. Самое же удивительное в этой фигуре – лицо, на котором видны

глаза, рот, в результате чего обозначился слегка выпуклый нос. Это единственная человеческая фигура с выраженным лицом.

Вторая человеческая фигура, находящаяся как бы на привязи, имеет Кольцеобразную голову и обычную позу – широко расставленные руки и ноги, причем между ног человека, частично налегая на его левую ногу, также покоится голова оленя.

При попытке найти около камней с рисунками остатки древнего поселения мы обнаружили несколько кварцевых орудий – заостренных кусков, которыми, очевидно, выбивали наскальные рисунки. Интересной находкой оказались и куски самородной красной охры. Нахождение ее под камнями с рисунками заставляет предполагать использование охры в обрядовых церемониях, вероятно, и для подкраски рисунков.

Мы попытались посмотреть, как выглядят наши рисунки с подкраской, и аккуратно намазали их найденной охрой (она легко смывается). Эффект получился замечательный. При солнечном освещении весь камень как бы горел: люди, звери – огненного цвета – удивительно гармонировали с серым фоном камня. При этом камень 1, окруженный тогда еще водой, получал ярко-голубой фон.[97]

Поскольку весь участок побережья, прилегающий к камням и наиболее удобный для жизни, длительное время находился под постройками современной деревни, возможность отыскать следы древнего поселения исчезла. Оно, скорее всего, могло существовать именно здесь, поскольку ниже и выше по течению Поноя прибрежные сильно заболоченные участки были неудобны для жизни. Мы нашли лишь несколько стоянок ниже по течению реки, а также на самом ее берегу.

Наскальные изображения, выбитые или нарисованные на скалах, в ряде случаев отвесных, широко известны в нашей стране и за ее пределами. В них отражен реальный мир, окружавший древнего художника, – мир животных, которых он видел и хорошо знал; хозяйство, общество, в котором он жил; и представления о внешнем мире, присущие ему. Именно поэтому в рисунках южных горных областей чаще всего повторяется образ барана и козла, в равнинных – быка. Естественно, что художник не мог изобразить то животное, которое он никогда не видел,

Особенно резко различается содержание рисунков племен с различными формами хозяйства. В рисунках древних земледельцев, например, Южной Швеции показаны сцены пахоты и колесный транспорт,

тогда как рисунки охотничьих племен отражают диких животных, содержат иногда изумительные по своей выразительности сцены охоты. Таким образом, по сюжетам наскальные рисунки принято делить на две группы: на монументальную живопись земледельческих племен и монументальную живопись охотничьих племен. Наши наскальные изображения относятся ко второй группе.

Судя по наблюдениям этнографов, следует полагать, что наскальные рисунки не были только произведениями искусства, а служили и другим целям то есть связаны с древними верованиями. Естественно, что последние в большой степени определялись формой хозяйства. Если существование древнего земледельца зависело в основном от погоды, наличия необходимого количества влаги и тепла, то для охотника главным было обилие зверя и рыбы – источника его существования. Различная степень зависимости от сил природы без понимания причин, порождавших то или иное явление, вызывала у древнего человека часто ложные представления о силах, управляющих природой. Отсюда рождалась вера в сверхъестественное – иррациональная сторона мышления. Вместе с тем первобытный человек обладал и рациональным (разумным) мышлением, правильными представлениями о многих окружающих его вещах, с которыми он сталкивался постоянно, например, об анатомическом строении животного, иначе он не мог бы успешно охотиться с помощью примитивных орудий, а следовательно, не мог бы выжить порой среди очень суровой природы.

Однако, не понимая закономерностей явлений, человек улавливал и связывал лишь ближайшие наблюдаемые факты, не будучи в состоянии воссоздать все последовательные звенья общей цепи событий. В этом и крылась причина древних верований, и в частности охотничьей магии, суть которой содержалась в понятии, что произведенные человеком действия могут предопределить точно такие же события в действительности, то есть что «подобное порождает подобное».

Суровые природные условия Кольского полуострова позволяли вести только охотничий образ жизни. Дикие олени – вот без чего не мог существовать человек на Крайнем Севере. Олень давал человеку пищу, шкура его служила для одежды и устройства жилищ. Были олени в тундре – была жизнь, чем больше их было – тем легче жилось человеку. Поэтому естественно, что помыслы древнего охотника, которым являлся и художник – творец наскальных изображений, направлялись на воспроизводство, на размножение оленей. Выбитое на камне 6 целое стадо оленей должно было, по мнению художника, помочь появлению большого реального стада в тундре. Сущность помыслов художника – обеспечить размножение оленей – видна и на камне 4, где показана явно любовная сцена между оленями, и на рисунке рождения олененка на камне 5. Видимо, факт размещения оленей, во всех случаях небольшого, по сравнению с другими окружающими оленями, размера, между ног человеческих изображений, с подчеркнутыми увеличенными животами, очевидно беременными женщинами, также свидетельствует о каких-то обрядах, связанных с плодородием, то есть с размножением оленей. Вероятно, с этой целью и выбивали рисунки, раскрашивали их и над ними совершали определенные Церемонии. Возможно, какой-то обряд отражал и «девичий хоровод» на камне 5. От нас навсегда останутся скрытыми эти действия, можно лишь догадываться о них по отдельным, как бы Разорванным кусочкам, пытаюсь установить события, ушедшие в прошлое. И все же эти рисунки дают нам немало нужных сведений.

Использование наскальных рисунков Чальмны-Варрэ в магических целях отчетливо иллюстрирует сцена на камне 1. Мужчина в трехрогом головном уборе, какие носили шаманы еще в начале XX века во время камлания мешает уйти оленю, наступив на него ногой, в то время как второй шаман с привязанным хвостом «задерживает» второго оленя с помощью соединительной линии, нажимая ногой на какую-то колотушку, бьет ею по ноге другого оленя. Позы обеих фигур указывают на то, что, очевидно, они

совершают обрядовую пляску, обычную для сибирских шаманов во время ритуальных действий. О том, что рисунки в Чальмны-Варрэ являются не просто образцами первобытного искусства, а отражают и магические верования, свидетельствует и расположение камней в необычном месте. Издалека видимый каменистый остров, резко контрастирующий со всем остальным ровным, низким, заросшим травой пространством, огромные, будто великаном разбросанные, камни уже сами по себе должны были вызывать сильные эмоции. Вероятно, это место имело и стратегическое значение, поскольку с горы открывается вид на огромное открытое пространство. Не исключено, что именно здесь охотники высматривали оленей, переправляющихся через реку, и охотились на них (охота «на плаву»).

Наскальные рисунки Чальмны-Варрэ имеют ряд сходных черт с рисунками Карелии, выполненными на скалистых берегах Онежского озера и Белого моря.

Наблюдаются общие черты ранних рисунков в Чальмны-Варрэ с изображениями, выбитыми и протертыми на скалах Чукотки (в местности Пег-тымель). Так же, как в Карелии, олени здесь показаны с одной парой ног, но корпус их более массивен, ноги тонкие, рога ветвистые. Помимо того, там фигурируют сцены охоты и совсем иначе изображены люди.

Таким образом, наскальные рисунки Кольского полуострова весьма оригинальные и подчеркивают са[99]мобытность искусства древних племен. Вместе с тем они входят составной частью в древнее искусство северных охотничьих народов. Рисунки раскрывают перед нами не только мировосприятие давно отживших поколений людей, но и свидетельствуют об уровне развития их искусства, о понимании и стремлении к прекрасному, указывают на совершенное развитие руки мастера, способного на столь твердом материале, как гранит, выбить (в отдельных случаях) подлинные шедевры искусства. В рисунках можно увидеть и различную манеру художников, свидетельствующую о разной степени их таланта.

Очевидно, рисунки на первых двух камнях, расположенных в пойме Пооя, следует считать более ранними, возникшими в эпоху позднего неолита (конец II тысячелетия до нашей эры), а на всех остальных камнях, лежащих на коренном берегу, – более поздними, функционирующими уже в эпоху раннего металла (вплоть до первых веков нашей эры). Видимо, все они принадлежали одному народу.

В целом же наскальные рисунки Чальмны-Варрэ несомненно вписывают яркую страницу в историю древних народов Кольского полуострова. Следует думать, что эта «каменная книга» еще не прочитана нами до конца. Вот почему снова и снова наша экспедиция возвращается в Чальмны-Варрэ.

Одно из главных стремлений ученых, исследующих наскальную живопись, заключается в том, чтобы любым способом сберечь рисунки для последующих поколений и создать идеально точные копии.

Калькирование рисунков на камне 1. Чальмны-Варрэ.

Много было разных попыток воспроизвести рисунки и у нас, и надо сказать весьма успешных, однако ни один из способов мы не могли признать совершенным. Со временем, в процессе исследования, мы выработали особый прием переноса изображений на бумагу, не существовавший ранее.

Как показали троекратные копии рисунков со всех камней, этот способ оказался очень точным.

В последнее время нам удалось разработать и применить надежный прием – копирование наскальных рисунков с помощью синтетических

веществ. Теперь у нас хранятся полотна из вещества типа резины, повторяющие все мельчайшие углубления на камнях и позволяющие объективно воспроизвести изображения.

Приведенные здесь материалы по искусству древних племен Кольского полуострова далеко не полны. Уже после написания этой книги, в результате продолжения[100] раскопок на поселении Маяк II в 1981 году, получены новые источники (гребень с головой медведя, скульптура нерпы и орнаментированные костяные изделия). Все материалы свидетельствуют о своеобразии искусства региона и высоком мастерстве его художников, внесших свой вклад в развитие мировой культуры.[101]

Лабиринты

Среди древних памятников Кольского полуострова большую известность приобрели лабиринты, до сих пор вызывающие живой интерес.

Первые указания о наличии лабиринтов на реке Поной были сделаны академиком К. М. Бэрмом еще в 1844 году. Позже, в 1877 году, А. В. Кельсиев описал лабиринты в связи с подготовкой антропологической выставки (но материалы его исчезли). В 1883 году краткие сведения о лабиринтах Лапландии опубликовал А. В. Елисеев, а в 1900 году понойские лабиринты были осмотрены любителем-коллекционером П. Рево (он нашел два лабиринта и следы трех, уже исчезнувших сегодня). В 1904 году А. А. Спицын сделал сводку о лабиринтах, а в 1913 году С. Н. Дурьлин описал Кандалакшский лабиринт и дал его чертеж. Так появились в литературе первые сведения о каменных северных лабиринтах и сделаны попытки их осмысления.

Каменные лабиринты представляют собой наземные сооружения, образующие в целом овал или почти круг. Короткая ось всегда проходит через «вход» лабиринта. Образованы лабиринты небольшими, чаще округлыми, окатанными морем «дикими» камнями (двадцать – тридцать, редко сорок сантиметров в диаметре), в изобилии рассеянными поблизости. Выложенные в один ряд в виде концентрических кругов, камни создают часто сложные спирали. Особенность лабиринтов заключается в том, что, если, выбрав правильное направление, точно следовать «дорожке» (промежуток между рядами камней), можно обойти весь лабиринт до «центра» и выйти из него обратно. При ошибочном же направлении человек будет кружить по его «дорожкам».

Простейшие Кольские лабиринты построенные одной линией камней образуют улиткообразную фигуру, которая как бы «намотана», начиная от центра. Сложные лабиринты выложены двумя-тремя линиями. Встречаются лабиринты с замкнутой центральной частью (как, например,

Кандалакшский). У некоторых из них в центре – небольшая кучка камней, у других она отсутствует.

Величина сооружений различна, но не превышает десяти метров по длинной оси (варьируя в пределах шести – десяти метров), короткая ось чаще равна шести метрам. Поскольку камни относительно или просто мелкие, лабиринты совершенно не видны издали, да и вблизи различаются с трудом: нужен зоркий глаз опытного исследователя или человека, хорошо ориентирующегося в местной природе. Трудность обнаружения лабиринтов объясняется, с одной стороны, обилием вокруг них таких же камней, а с другой – тем, что камни, слагающие фигуру, поросли водяникой, которая, иногда полностью прикрывая камни, задерживала их на месте в течение многих столетий. Поднимаешь камень, а там как бы гнездо, оплетенное корнями и ветками ягодника. И подстилают лабиринт такие же камни, намытые в древности морем.

До 1946 года (начало работы нашей экспедиции) на Кольском полуострове были известны лишь три лабиринта – два понойских и Кандалакшский. Помимо того, существовали лишь смутные указания на наличие лабиринтов в бухте Виловатой, в устье реки Колы и на реке Вороньей. Однако точные данные отсутствовали, так же как и чертежи лабиринтов, кроме понойских и Кандалакшского. Да и сами лабиринты исчезли в процессе разрастания селений.

За истекшее время нам удалось найти еще семь таких загадочных сооружений. Теперь они известны в Кандалакше, на Поное (два), близ Умбы (в Порьей губе), в бухте Вящина, в Харловке и четыре лабиринта на реке Варзине. Искать их было непросто, в ряде случаев нам помогли местные рыбаки, наблюдательные, с уважением и интересом относящиеся к памятникам старины. Лабиринта в устье Колы мы уже не застали, он был разрушен еще при постройке Кольского острога, а один из понойских и харловский лабиринты разрушили уже в наше время.

Составленные нами точные чертежи лабиринтов позволили понять принцип их выкладки, в чем трудно бывает разобраться сразу на месте. Так удалось расшифровать Кандалакшский лабиринт, имеющий довольно оригинальную конструкцию, и исправить неверно сделанный ранее его чертеж¹.

Расположение лабиринта в бухте Варзина

Три лабиринта на реке Варзине «построены» одной линией камней, образующей спираль. Рядом с ними находится четвертый лабиринт большего размера и значительно более сложной конструкции. В особенности же сложно

сооружен «большой» понойский лабиринт.

Все известные лабиринты Кольского полуострова расположены на берегу моря, обычно за первым – наиболее древним – береговым валом, который от современного уровня воды отделяет еще несколько береговых валов, фиксирующих процесс отступления моря. Однако наблюдения над Кольскими лабиринтами говорят о том, что, несмотря на относительно небольшой высотный уровень, ни один из них никогда не заливался морем, о чем красноречиво свидетельствует полная непо потревоженности слагающих лабиринт камней, часто небольшой величины, и отсутствие на них следов каких-либо морских отложений.

Каменные лабиринты такой конструкции, помимо Кольского полуострова, известны в Северной Карелии, в Архангельской области (Соловецкие острова), в Финляндии, Швеции и Норвегии. Повсюду они размещаются на морском побережье, часто на берегу крупных и более мелких порожистых рек, вблизи устья.

---

¹ К сожалению, современная реконструкция недостающей части лабиринта выполнена ошибочно.

При исследовании пространства, окружающего лабиринты, в непосредственном соседстве с ними или в некотором отдалении, нами обнаружены стоянки эпохи раннего металла, содержащие кварцевые орудия и обломки сосудов с примесью асбеста.

Мы никогда не раскапывали лабиринты, так как это привело бы к полному уничтожению их. В настоящее[103] время Кольские лабиринты

находятся как исторические памятники под охраной государства.

При составлении чертежа одного из лабиринтов на реке Варзине наше внимание привлекло некоторое повышение небольшого

участка, близкого к краю третьего кольца лабиринта, размером немногим более полуметра. Над ним лежали камни, слагавшие лабиринт, только несколько из них (на самой вершине) слегка переместились вниз из-за того, что произошло вспучивание почвы в результате образования мерзлоты. Осторожно разбирая ножом этот участок, мы сняли на время пять небольших камней из кольца лабиринта, предварительно пометив точное расположение их на нашем плане. Некоторое время ножом выбирали заторфованную массу, пока он не уперся во что-то твердое. Однако звука удара о железо или камень не последовало, очевидно, это было нечто другое. Как же удивились мы, когда, удалив землю, увидели в небольшой ямке аккуратно уложенный крупный позвонок. Верхняя часть его, залегающая на несколько сантиметров ниже камней, слагающих лабиринт, пострадала от времени – слегка сгнила, в целом же позвонок хорошо сохранился. Это был позвонок молодого кита, обработанный человеком, что подтвердили и зоологи в Ленинграде.

Кладка лабиринта указывала на то, что позвонок уложили в специально выкопанную ямку во время его сооружения, иначе целостность лабиринта была бы нарушенной. При расчистке ямки отчетливо выявилось и то, что камни второго и четвертого рядов (между которыми находился позвонок) нависают над ним, чего не могло произойти в том случае, если бы позвонок опустили после сооружения лабиринта, пусть даже с самыми большими предосторожностями. Трудно допустить, что в данном случае простое совпадение, когда создатели лабиринта, не подозревая, выложили его на месте, где оказался выброшенный морем позвонок кита. Нельзя забывать, что верхняя часть позвонка лежала чуть глубже каменной кладки, а главное – позвонок был обработан человеком. Таким образом, отбрасывая несостоятельные предположения, можно прийти к единственному выводу, что позвонок люди уложили преднамеренно, во время сооружения лабиринта. Такой факт, как нам кажется, проливает некоторый свет на причину создания лабиринтов, которая в настоящее время пока еще не решена однозначно.

Обычно для объяснения некоторых древних памятников исследователи стараются привлечь народные предания, воспоминания старых людей. К сожалению, до нас уже ничего не сохранилось, что могло бы как-то [104] объяснить причину создания лабиринтов.

Небогатыми сведениями располагает и исследователи других стран. Многообразие названий лабиринтов на севере Европы, наблюдаемое нередко в пределах очень ограниченной территории, само по себе уже говорит о том, что они не могут помочь нам разгадать смысл, а подмечают лишь некоторое внешнее сходство лабиринтов.

Выходя за рамки фактов, мы попадаем в мир гипотез. По поводу назначения лабиринтов высказаны различные суждения как специалистами, так и любителями древней истории. Одни из них считают, что лабиринты служили ориентирами для древних рыбаков при возвращении домой после морского промысла, то есть являлись как бы древними маяками, своего рода

путными крестами, которые и сейчас еще кое-где уцелели на возвышенных участках у входов в устья рек, где обычно располагались современные становища. Однако, будучи очень низкими (не выше сорока сантиметров) и в большинстве случаев выложенными среди таких же камней, к тому же нередко прикрытыми со стороны моря выступами скал или береговыми валами, лабиринты совершенно не видны с моря, в силу чего высказанное мнение следует считать несостоятельным.

Еще более нереальным кажется предположение о том, что лабиринты выложены древним населением острова Крита, совершавшим якобы путешествия на далекий Север – Кольский полуостров. Поводом к такому высказыванию послужило внешнее сходство наших лабиринтов с формой лабиринтов на критских монетах. В действительности же такое путешествие по Атлантическому океану, в обход Швеции и Норвегии, продлилось бы несколько лет, включая и зимнее время, когда закрывался водный путь. Надо хотя бы на минуту представить себе жителей Средиземного моря, пробирающихся по скалам Кольского полуострова, чтобы понять фантастичность такого предположения. Не менее трудно представить и причину, ради которой жителям Крита понадобилось бы выкладывать лабиринты. И более того, как уцелели бы памятники в течение многих столетий, не принадлежа местному населению?

Среди многочисленных суждений о значении лабиринтов довольно упорно высказывалось предположение, что они устраивались в целях гадания. В случае, если человек находил правильный выход из лабиринта, его замыслу был обеспечен успех. Следует заметить, что при условии частого хождения людей по «дорожкам», ширина которых не превышает двадцати сантиметров, целостность лабиринтов неизбежно оказалась бы нарушенной. Кроме того, трудно допустить, чтобы местный житель, знавший лабиринт с детства, не мог запомнить его в общем-то простую «архитектуру», чтобы не иметь возможности найти из него выход.

С нашей точки зрения, для того чтобы приблизиться к пониманию цели создания лабиринтов в древности, необходимо прежде всего учесть их топографию.

Каменные северные лабиринты лежат вблизи моря и несомненно связаны с ним, что прослежено не только в нашей стране, но и в Швеции, в Норвегии, в Финляндии. В особенности многочисленны лабиринты в Финляндии (более пятидесяти). Р. Аспелин, изучавший их, отмечает, что все они расположены на берегу Ботнического и Финского заливов и на[105] островах, лишь в единичных случаях – в глубине страны на реках.

Норвежский ученый Нордстрем также указывает, что почти все шведские и норвежские лабиринты, известные в южных провинциях и на острове Готланд, находятся по соседству с морем.

Более детальное рассмотрение местонахождения северных каменных лабиринтов, и в частности Кольского полуострова, Финляндии и Норвегии (там, где можно было выяснить), привело нас к выводу, что абсолютное большинство их лежит не просто на морском берегу, а вблизи крупных, особенно богатых рыбой рек, преимущественно тех, куда заходит семга метать икру, или на тонях. Это относится и к рекам Кемь, Кереть, Поной, Кола, Харловка, Дроздовка, Воронья, Варзина и тоням Вящина, Питькуля и другим.

Данное наблюдение заставило нас обратиться к специальным рыболовным сооружениям. И тогда обнаружили интересные факты. Оказалось, что ловля рыбы с помощью специальных ловушек, имеющих в устройстве вариации, применительные к местным условиям, широко распространена не только в нашей, но и в других странах мира. В Северной Азии ими были «котец», в Средней России – «котезы» и «заборы», на Севере – «убеги». Простота устройства и послужила причиной столь широкого распространения и длительного существования их. Одно из таких сооружений – древний закол – было найдено при раскопках неолитического

поселения на западном берегу Ладожского озера, в районе поселка Кирколлетта.

При рассмотрении древних и лишь недавно вышедших из употребления рыболовных сооружений особый интерес представляют для нас «убеги». На них наша экспедиция натолкнулась случайно. Впервые они были замечены в 1947 году.

Тогда я записала в полевом дневнике:

Ближе к Коле снова стали видны высокие горы, сложенные из песка и мелкой гальки. От Колы до Мурманска, из окна вагона, можно было наблюдать картину: река Кола впадает в узкую морскую губу. Был сильный отлив, когда наш поезд двигался вдоль этой части побережья. Повсюду виднелись расставленные сети, привязанные к кольям, вбитым в землю. Часть из них располагалась под углом, часть – в виде спиралей, обращенных выходом к берегу. Это тот же принцип, что и у «убегов». Рыба, стремясь уйти в момент отлива вслед за водой, попадает в сети. Можно было видеть рыбаков, бродящих по мокрому дну и собирающих рыбу. Все это напоминало мне лабиринты и их ориентировку – входом к берегу. Через несколько дней мы приехали осмотреть эти сооружения вблизи, узнали, что их называют «тайники», сделали зарисовки и фотографию теперь уже навсегда забытых ловушек¹.

Краткое описание ловушек-тайников можно свести к следующему. Вблизи острова или материка устанавливается стенка из сети, перпендикулярно берегу моря, длиной двадцать четыре метра. Перпендикулярно ей идет другая высокая стена из сети, концы которой закруглены в форме несомкнутого овала, оставляя узкую щель для захода рыбы. Овалы с незамкнутыми концами – наиболее важная часть ловушки. Принцип лова, построен на том, что в момент морского прилива вода покрывает высокую сеть не всю до верха. При спаде воды рыба, зашедшая в сети, стремится выйти вслед за водой, но натыкается на сетку, идущую

---

¹ Архив Института археологии АН СССР ф. 35, оп. 1, д. 86, л. 82.

параллельно берегу. В поисках выхода рыба пробирается в узкую щель – отверстие овалов – и попадает в ловушку. Самым интересным является то, что нижние концы сети закрепляются рядом камней, образующих фигуру в виде сердца. Таким образом, после спада воды на дне моря открываются каменные сооружения, сходные по конфигурации с лабиринтами, выложенными на берегу. Знаменательно и то, что здесь же, по соседству с реально стоящими сетями в устье Колы, на острове, существовал лабиринт, разрушенный стройкой.

Сходство очертаний лабиринтов с простейшими рыболовными ловушками, с одной стороны, и несомненная связь лабиринтов с морем и местами, особенно

Общий вид «тайника» в Кольской губе богатыми рыбой, с другой, привело нас к мысли о вероятности использования их в магических целях, то есть при совершении каких-то обрядов, способствовавших, по мнению древних рыбаков, удаче на рыбных промыслах. Неудивительно поэтому, что на крупных реках (Поной, Варзина и другие) было выложено по несколько лабиринтов. Подтверждением мысли о стремлении древнего населения «заманить» с помощью лабиринтов в реки не только рыбу, но, очевидно, и морского зверя может служить позвонок кита, обнаруженный, как мы видели, в одном из лабиринтов на реке Варзине.

На основе объяснения лабиринтов как магических сооружений для ловли рыбы позже, в шестидесятых годах, возникла идея о подлинном их назначении для рыболовства: рыба ловилась с помощью самих лабиринтов. Однако, с нашей точки зрения, трудно представить себе реальность этого, если не забывать, что высота камней, которыми сложены лабиринты, не превышает сорока сантиметров и они расположены в основном за древними

береговыми валами, не заливаются морем, о чем свидетельствует ненарушенность мелких камней и отсутствие признаков морских отложений.

Высказывая предположение о возможности использования лабиринтов с магической целью, для обеспечения реальной удачи в рыбной ловле, мы не исключаем и возможности другого их назначения (также, по существу, магического). Может быть, они сооружались и в целях обеспечения благополучного возвращения рыбаков с опасного и трудного морского промысла. Очень возможно, что мы никогда и не выясним истинного назначения северных лабиринтов, но остается ясным, что лабиринты древние рыбаки сооружали для каких-то важных целей, иначе они не имели бы столь широкого распространения. Главным же занятием древнего населения этого края был рыбный промысел.[107]

Раннее средневековье

Время, следующее за эпохой раннего железа – раннее средневековье, изучено на Кольском полуострове еще недостаточно, но оно является очень важным этапом в истории древних народов и современного коренного населения – саамов.

Археологические источники этого периода не очень многочисленны. Если на древних стоянках сохраняются в земле каменные орудия, то предметы, изготовленные из железа, почти не прикрытые землей, так же, как и легкие наземные жилища, исчезают бесследно. Некоторое количество памятников раннего средневековья нашей экспедиции удалось открыть и частично исследовать.

Помимо рассмотренных лабиринтов, мы встретили не вполне пока понятные сооружения, явно близкие к современности. Так, еще в конце XIX века ученый А. В. Кельсиев упоминает замеченные им (но не исследованные) две «чудские ямы» вблизи устья Поноя, являвшиеся, по-видимому, остатками зимних саамских жилищ. При обследовании побережья Харловки в 1947 году мы обнаружили остатки землянок, ныне уничтоженных. Не имея тогда возможности произвести полные раскопки, мы выполнили лишь частичные работы – промеры и описание.

Вот что было записано тогда в дневнике:

В полукилометре от деревни, на том же левом берегу реки, на мыске, заросшем травой, мое внимание обратили на себя каменные кладки, заметные даже среди всеобщего каменистого грунта. Внутри каменных выкладок прослеживалось легкое углубление в десять–пятнадцать сантиметров. Всего кладов было пять, причем три средние соединялись между собой. Две крайние были меньшего размера. В средней, большей по размеру, отчетливо заметны разваленные камни и прослеживался вход. К востоку от центральной кладки к ее стене примыкала шестая кладка таких же размеров и форм. Размер каждой кладки – три на четыре метра. В

непосредственной близости от кладки, под слоем дерна, были обнаружены костяная пластинка с тремя отверстиями и вырезанными знаками (возможно, от оленьей упряжки), костяное шило и кремневый отщеп, служивший огнивом. Вероятно, данное место служило древним саамским стойбищем¹.

Аналогичные выкладки из камней, также четырехугольных очертаний, обнаружены на тоне Вяжиной, в непосредственной близости от лабиринта. Рядом с выкладками находилась и другая – правильной округлой формы, диаметром немногим более двух метров. Камни, слагающие круг средней величины (тридцати сантиметров), в одном месте прерывались, видимо, на месте входа. В середине круга располагалась небольшая груда камней со следами пребывания на огне, остатки углей и золы. При вскрытии очага найден фрагмент сосуда с примесью дресвы. С помощью радиоуглеродного анализа углей из очага установлено время существования его: XIV век нашей эры. Очевидно, это были остатки наземного жилища типа куваксы.

Округлые каменные выкладки, диаметром чуть более двух метров, встречаются и в ряде других мест, например, на очень высоком скалистом берегу моря, в бухте Красной. Камни, слагающие кольцо, положены очень точно по кругу, хорошо виден вход. В середине круга также кучка камней, но без явных следов огня, без углей и золы.[108]

Особенно же интересными оказались остатки сооружений, обнаруженные экспедицией в 1980 году в Нерпичьей губе, являющейся частью Дроздовской бухты. На древнем коренном берегу речки (ныне ручей), впадавшей в залив, на ровной песчаной площадке, по одной линии вытянуты девять кольцеобразных каменных кладок с разрывом (входом), обращенным к юго-востоку, в сторону моря. Расстояние, разделяющее кладки, от четырех до двенадцати метров, диаметр их около трех метров, величина камней иногда до полуметра в поперечнике.

---

¹ Архив Института археологии АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 86, л. 85-86.

В центре каждого из каменных колец находятся очаги, сложенные из более мелких, сильно обожженных камней, между которыми сохранились угли. Размер округлых или четырехугольных очагов редко более полу-метра. В двух случаях от очагов отходят под углом две линии, выложенные также из камней и как бы оформляющие вход. При зачистке поверхности камней и пространства, окольцованного ими, а в одном случае и между кладками, найдены кремневый наконечник стрелы, грубо сделанные костяные острия, разбитые трубчатые кости животных, два тонких точильных бруска и кости гренландского тюленя.

Судя по расположению камней (по кругу), наличию очагов и найденным предметам, каменные кольца,

Каменная окольцовка древнего жилища в Нерпичьей Губе очевидно, свидетельствуют о существовании здесь саамских жилищ типа чумов. Тот факт, что у местного населения не сохранилось никаких сведений о существовании на этом месте поселка, и то, что камни затянуты почвой и растительностью, указывают на их древний возраст.

Экспедицией обнаружены такие круги еще в одной из соседних бухт, также на берегу реки. Вероятно, во время раскопок их будут получены интересные сведения.

Одна из кольцеобразных выкладок исследована в бухте Песконец. Не исключена возможность, что в древности здесь совершено захоронение.

Первое бесспорное доказательство пребывания новгородцев на Кольском полуострове, по археологическим данным, получено нашей экспедицией в результате исследования группы стоянок на левом берегу реки Варзуги, в урочище Заречье, против села Кузомень.

Река Варзуга – одна из крупнейших рек Кольского полуострова. В прошлом Варзуга и Поной были чрезвычайно богаты ценной рыбой – семгой,

в силу чего на них возникли селения Кузомень и Поной, являвшиеся в свое время крупными торговыми центрами.

Железный наконечник из могильника близ села Кузомень

На самом берегу Варзуги, на окраине древних дюн, ветер развеял могильник, обнажив захороненные в нем предметы и остатки очага, где плавил бронзу. Сохранились камни со следами действия огня и часть глиняного сосуда с натеками бронзы на внутренних стенках. Очевидно, бронзу пла[109]вили прямо в сосудах, так же как и на стоянках более южных районов, например на Урале.

От погребений остались только части черепов, на височных костях которых заметна зеленая краска от некогда находившихся на голове умерших бронзовых украшений, а также

длинные кости. Здесь же лежали вещи: разложившиеся железные предметы, среди которых наконечники стрел, сильно деформированные остатки Конской сбруи и несколько одинаковой величины свинцовых неопределенного назначения предметов, возможно, служивших для укрепления щита воина.

Были обнаружены и бытовые предметы – сильно расслоившиеся железные сковороды и котлы, железные цепи и бронзовая ручка от котла. Большой интерес представили две бронзовые пряжки – фибулы, служившие в качестве застежек. По внешней форме они напоминают лиру, откуда и получили у археологов название «лировидных». Эти находки можно считать особенно ценными, поскольку они совершенно тождественны фибулам,

найденным в слоях XII века при раскопках древнего Новгорода. Встречены и другие бронзовые и железные фибулы.

Привлекают к себе внимание украшения в виде уточки и лошадки – «прорезанного конька», также вылитые из бронзы, и небольшая бронзовая уточка с привесками – «шумящие» подвески. Сохранились мелкие бронзовые пронизки, типа бисера, нанизанные на тончайший кожаный шнур, а также маленькая серебряная монетка.

Все предметы относятся к XII веку нашей эры. Существенно, что такие же украшения встречаются не только в Новгороде, но и в большом количестве в могильниках Южного Приладожья, современной Владимирской области, в бассейнах рек Шексны и Северной Двины, а также в Прикамье и в Швеции (в последнем случае – в жертвенных местах саамов).

Таким образом, вещи, найденные в могильнике на реке Варзуге, указывают на тесную связь жившего здесь населения с населением более южных районов Древней Руси и, прежде всего, северных ее областей – Приладожья и Новгородской земли. Судя по украшениям, очевидно, это [110] было финско-язычное население, по-видимому, проникшее сюда с юга, через Белое море, возможно, по реке Онеге или Северной Двине. По всей вероятности, будучи родственными южным племенам, жители Севера торговали с племенами Южного Приладожья и новгородцами. В основном украшения являются типично финно-угорскими, некоторые из них (по мнению финского ученого Тальгрена) имели культовое значение и изготовлялись новгородцами для торговли с народами Севера в обмен на пушнину. Поскольку присутствуют женские украшения, следует полагать, что население было более или менее постоянным. В пользу этого свидетельствуют и некоторые детали бронзовых украшений, указывающие на местное производство, а также сосуд со следами выплавляемой в нем бронзы.

Благодаря этим находкам теперь не только письменные, но и археологические источники подтверждают проникновение новгородцев на Кольский полуостров в XII веке.

Тот факт, что в районе Кузомени, на реке Варзуге, был целый могильник, указывает на относительно прочное освоение новгородцами Терского берега и, прежде всего, района Кузомени, вероятно наиболее удобного, ровного, песчаного и тогда сильно облесенного, похожего на их прежнее местожительство. В более глухие, скалистые и болотистые места, лежащие к северу, они вряд ли заходили.

О том, что в нижнем течении Варзуги жило оседлое население, говорят и остатки поселений, обнаруженные в том же Заречье, но на значительно более низкой – первой террасе, между морем и цепью древних дюн. Поселение размещалось здесь на берегу небольшой речки, впадающей слева в Варзугу. Сосуды, изготовленные на гончарном круге, датируют памятник XIV–XVI веками нашей эры.

Несколько остатков поселений найдено нами в 1979 году близ устья Кицы – левого притока Варзуги, в местечке, носящем название Голые Горы. Расположение их на цепи древних дюн, удаленных от современного берега реки, подтверждает относительно древний возраст.

Остатки трех средневековых поселений открыты и частично раскопаны экспедицией на Варзуге, около двадцати километров выше по течению от села Кузомень. Одно из них находилось на левом берегу в непосредственной близости от северного конца селения Варзуга, второе – на небольшом, почти примыкающем к нему, островке и третье – на правом берегу реки, против двух первых, вблизи знаменитой Успенской церкви XVII века. Когда удалось обнаружить остатки древних поселений, экспедиция уже заканчивала работу, исчерпав финансовые возможности, и мы вынуждены были ограничиться лишь рекогносцировочными раскопками. Но уже и тогда стало ясно, что терраса, где расположены памятники, сильно подмывается рекой, образующей здесь довольно крутой поворот, в результате чего от древнего

поселения сохранилась лишь незначительная часть. Возвратившись на это место через два года, мы убедились, что остатки поселения смыты рекой. Обнаруженная ранее керамика и отдельные железные и костяные предметы указывают, что оно существовало в XIV–XVI веках.[111]

Древнее и современное население

При изучении древних культур всегда возникает вопрос: кто оставил после себя эти памятники? Иными словами, предкам каких ныне живущих народов они принадлежали? Для археологов это один из наиболее сложных вопросов. При самых тщательных раскопках нам достаются лишь вещи – немые свидетели прошлых событий, предметы, в которых овеществлен человеческий труд. Для того чтобы приблизиться к правильному решению поставленного вопроса, необходима кооперация трех наук – археологии, этнографии и антропологии.

Орудия труда, украшения, предметы искусства и культа, полученные в результате раскопок, археологи сопоставляют с аналогичными вещами, изученными этнографами у народов, живших на Кольском полуострове и в соседних областях, еще недавно отсталых в культурном отношении. В ряде случаев удается уловить сходство в форме предметов: орудий труда или рисунков, найденных при раскопках и бытовавших еще недавно у населяющих эту территорию народов. Такие этнографические особенности и позволяют перекинуть мостик между прошлым и настоящим. Многого может дать и изучение древних преданий, сохранившихся в памяти живых людей (фольклор). Естественно, что чем раньше представители различных наук приступили бы к изучению Кольского полуострова, тем больше бы имелось источников. Все убыстряющиеся темпы жизни и возрастающие связи с другими народами (посредством радио, кино, самолетов) как бы размывают границы национальных культур, нивелируют их. Поэтому с каждым днем источников для изучения ранних периодов истории народов становится все меньше.

Изучение народов Кольского полуострова этнографами было далеко не достаточным. По существу, наиболее ранние работы ограничиваются книгой Н. Харузина «Русские лопари», содержащей много полезных сведений о саамах (лопарях). Однако, в очень большой мере, источником для нее

послужили не русские лопари, у которых исследователь пробыл всего лишь один месяц, а норвежские. Естественно, что, несмотря на принадлежность к одной народности, при отдаленности территории между Кольскими и норвежскими саамами неизбежно должны были существовать известные различия в культурном отношении, в силу чего сведения Н. Харузина мы должны воспринимать с известными оговорками. Новейшие же этнографические исследования саамов, которые производил В. В. Чарнолуский, а сегодня – Т. В. Лукьянченко, очень важны, но они уже не могут охватить более древний период.

Для установления связи между древним и современным населением привлекаются и данные антропологии. Ученые этой специальности, исследуя современное и древнее население, пытаются с помощью своего специфического метода уловить общие признаки между ними. В ряде случаев удается установить пути, по которым проникло население на современную территорию. К сожалению, антропологические исследования аборигенов Кольского полуострова – саамов – также сильно задержались, поэтому возможность ответить на ряд очень важных вопросов исчезла.

Археологи могут привлечь данные антропологии лишь при изучении могильников. К сожалению, могильники и отдельные погребения – здесь[112]большая редкость. Более того, особенности почвообразования, вызывающие исчезновение органических материалов, приводят к тому, что скелеты сохраняются только при особо благоприятных условиях. В связи со сказанным очевидно особое значение Оленеостровского могильника для изучения древней истории Кольского полуострова.

Исследованием остатков погребений этого могильника занимался известный советский антрополог В. П. Якимов. Насколько физический облик древних жителей Кольского полуострова близок физическому типу местного населения – саамам, решить трудно, как уже указывалось, из-за слабой изученности.

В. П. Якимов, исследовавший двенадцать наиболее хорошо сохранившихся погребений, отмечает сложность решения вопроса о расовой принадлежности захороненных на Оленьем острове из-за недостаточного исследования антропологического типа древнего населения всего Севера. Он делает следующее заключение: рост людей достаточно высокий. По многим признакам оленеостровские черепа занимают промежуточное положение между европеоидной и монголоидной группами. В общем, население, погребенное в Оленеостровском могильнике, имело весьма своеобразный физический облик.

На вопрос, прослеживается ли сходство в физическом типе древних оленеостровцев и современных саамов, видные антропологи (Г. Ф. Дебец, В. П. Якимов) отвечают отрицательно. Оленеостровцы отличаются от современного лапландского антропологического типа (к которому относятся саамы Кольского полуострова) более высоким ростом и более крупными размерами черепа и мозга; они имеют сильно уплощенное лицо, значительно менее выступающий нос (в его костяной части).

Наиболее сходны с оленеостровцами древние жители Карелии из Оленеостровского могильника на Большом Оленьем острове Онежского озера и южного побережья Ладожского озера (из стоянок, исследованных А. А. Иностранцевым), а также древние обитатели Европейского Северо-востока (погребения из Караваевского могильника современной Вологодской области).

К сожалению, культура наиболее древних саамов, как мы указывали, остается слабоизученной, средневековые памятники сохранились плохо. При раскопках нами трех саамских поселений (на левом берегу Териберки, на южном побережье Иокангского озера и у становища Захребетное) были найдены костяные орудия – острия, шилья, проколки, кварцевые скребки, ручки для ножей, довольно большое количество отщепов кварца со следами работы ими, некоторое количество кремнистого сланца и очень мало кремня. Важной находкой явились шлифованные сланцевые топоры и костяная

колотушка, очевидно, от шаманского бубна. Глиняные сосуды так же, как и на поселениях эпохи раннего металла, темные, но обожженные несколько сильнее, не имеют примеси асбеста.

Основным источником для решения поставленного вопроса могли бы явиться этнографические наблюдения. Однако этнографическая литература о лопарях как наша, так и зарубежная содержит очень мало сведений об орудиях труда саамов. Чаще описывается одежда, пища, внешний вид жилищ (что не сохраняется при раскопках). Даже вопрос о форме хозяйства решается этнографами по-разному. Все это [113] затрудняет сравнение древнего и недавнего прошлого саамов. Таким образом, имеющиеся материалы не обладают необходимой полнотой. Постараемся все же привлечь всевозможные данные по интересующему нас вопросу.

На основании исторических источников можно заключить, что древние саамы были, главным образом, охотниками и рыбаками. Так, норвежский путешественник Отер во время плавания вдоль берегов Кольского полуострова в IX веке, около 870 года нашей эры, писал следующее: «Все же время по правой руке их была пустынная страна, исключая поселений рыбаков, птицеловов и охотников, которые все были «фины» (так называли норманны лопарей).

Этнографы также описывают саамов как охотников и рыбаков, знавших вместе с тем и оленеводство. Когда саамы освоили оленеводство – до сих пор не существует единого мнения.

Вплоть до начала XX века они вели полукочевой образ жизни, перекочевывая в весенне-летнее время к морю и озерам, а на зимнее – в глубь полуострова.

Как мы могли видеть, при исследовании поселений и стоянок Кольского полуострова были встречены именно орудия охоты и рыболовства, а также кости тюленей и нерп – свидетельство морского промысла. Однако это не может служить прямым доказательством родства

древних и современных народов, поскольку в суровых условиях Заполярья трудно вести иную форму хозяйства.

Можно найти некоторое сходство в отдельных орудиях, обнаруженных при раскопках стоянок Маяк II и Оленеостровского могильника, с саамскими, главным образом, привлекая материал норвежских саамов. Говоря о находках, полученных в Оленеостровском могильнике и на Екатерининских стоянках, мы упоминали об их близости к материалам соседних норвежских стоянок – на острове Кёльмо и могильника в Варангер-фьорде. Часть вещей, найденных там, сходна с обнаруженными в Оленеостровском могильнике и на стоянке Маяк II, вместе с тем очень похожа на предметы, употреблявшиеся норвежскими лопарями. Среди таких вещей: трубочки-игольники, костяные наконечники стрел, костяные ножинжалы, подвески из зубов животных, геометрический орнамент, колотушки от шаманского бубна. Норвежцы также применяли толченый роговообманковый асбест в качестве примеси к глине. К этому следует добавить обычай обкладывать могилы камнями и погребения в медвежьей шкуре, так же как и захоронение «за водой» на «острове мертвых».

Так, в описании обычаев скандинавских лопарей XVII века упоминается несколько видов захоронений, при этом все они на откосах гор, вблизи священных мест, на крутых берегах озер, моря или большой реки. Умерших клали в естественные пещеры или углубления в горе и затем закладывали камнями. Погребали также и в земле в небольших углублениях, над которыми в форме крыши, под углом друг к другу, устанавливались два больших уплощенных камня, укладывали туда покойника, часто завернутого в бересту, а две открытые стороны заваливали камнями, затем все сверху еще покрывали, как и в Оленеостровском могильнике, рядом камней. В могилу охотника клали собаку, часто лук, стрелы, рыболовные снасти, металлические копья, лыжи и т. д. Н. Харузин пишет: «Наконечники[114]ки стрел и копий почти все были изготовлены из рога или кости, редко из кремня. Железо было найдено лишь в одной могиле, именно небольшой

кусочек наподобие наконечника копья; также было найдено небольшое металлическое изображение медведя»¹. Около погребенных часто находились остатки морских звезд, кости рыб и птиц, черепа, челюсти, конечности животных и почти в каждой могиле (как и в погребениях Оленьего острова) – раковины. Русские лопари, как отмечает Н. Харузин, хоронили своих близких довольно разнообразно. В случае смерти в зимнее время года, на зимних становищах покойника хоронили по древнему обычаю: в лесах, на горах, на берегах рек и озер, подальше от погоста. В другое время года, в момент пребывания лопарей на сезонном месте жительства, похороны совершались где-нибудь поблизости. По свидетельству Н. Харузина: «Гроб обыкновенно делается из досок и лишь редко выдалбливается из дерева. В одних местностях гроб покрывают крышкой, в других хоронят без нее... Могилы либо просто засыпают землей, либо, покрыв покойника слоем земли, остальное пространство заваливают камнями»². На могилу кладут те или иные предметы: рыболовные снасти, иногда сани, куски мяса, хлеб и т. д. Все это, по словам лопарей, для того, чтобы покойник на «том свете» мог ездить, ловить рыбу, рубить деревья, как делал он и в земной жизни.

Приведенные данные, хотя и не являются прямым доказательством, все же свидетельствуют скорее в пользу родства древних обитателей Кольского полуострова (в частности, хоронивших своих близких на Оленьем острове) с древними саамами, во всяком случае, указывают на то, что в сложении саамов, как определенной этнической группы, должно было принимать участие и местное древнее население Кольского полуострова. Подмеченные антропологами общие черты древнего населения Кольского полуострова и соседних территорий – Карелии и северо-восточных областей – скорее всего следует объяснить существованием между ними общения, отразившегося и в характере материальной культуры.

---

¹ Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890, с. 324.

² Там же.

Сведения, которыми располагают историки об этом периоде, немного богаче. Исторические письменные источники упоминают лопарей, а именно лопарей Терского берега, впервые в писцовых книгах XII века как данников новгородцев.

Лингвисты относят саамов к финно-угорской языковой группе народов. Существуют различные точки зрения, среди которых наиболее распространена такая: предки саамов пришли на Кольский полуостров с востока, из-за Урала. Топонимические, археологические и данные письменных источников свидетельствуют лишь о следующих бесспорных фактах. Название селений и рек – топонимы и гидронимы – указывают на то, что раньше лопари занимали значительно более широкое пространство, чем площадь Кольского полуострова. Лопские погосты зафиксированы в Карелии, к востоку от Онежского озера, частично в Архангельской и Вологодской областях, вплоть до северной части Ленинградской области. Однако, теснимые с юга, они вынуждены были двигаться на север, до побережья Баренцева моря.

Как нам кажется, есть основания думать, что памятники, содержащие[115] керамику с примесью асбеста, распространенные во II и I тысячелетиях до нашей эры – начале нашей эры на территории Карелии, в северной части Ленинградской области, в Финляндии и Норвегии, видимо, следует связывать с предками саамов. Некоторым доказательством этому может служить наличие сосудов с примесью асбеста, употреблявшихся до недавнего времени норвежскими саамами. На территории Карелии и Финляндии, по археологическим источникам, в начале I тысячелетия до нашей эры фиксируется проникновение племен с так называемой «текстильной» керамикой (внешняя поверхность сосудов покрыта отпечатками грубой ткани или штампа, имитирующего ее). Теперь уже очевидно, что племена, владевшие такой керамикой, продвинулись в Карелию с Верхнего Поволжья и частично оттеснили племена, для которых была характерна керамика с примесью асбеста, на север. Часть племен,

оставшаяся на территории Карелии, слилась с пришельцами. На некоторых стоянках этого времени встречаются сосуды, соединяющие в себе черты культур обеих групп населения, – с примесью асбеста и в то же время имеющие на внешней поверхности отпечатки ткани. Сосуды с отпечатками ткани на Кольском полуострове встречаются чрезвычайно редко и только в памятниках, расположенных в южных районах – на побережье рек, и совсем отсутствуют севернее побережья внутренних озер, то есть сосредоточены только в тех местах, куда, как мы видели, проникало южное население и в неолитическую эпоху.

Таким образом, как бы ни решался вопрос о происхождении саамов учеными других наук, археологические данные позволяют достаточно обоснованно сделать следующие выводы.

Начиная с эпохи мезолита – VI тысячелетие до нашей эры, то есть время первичного заселения Кольского полуострова людьми, эта территория была непрерывно обитаема во все последующие времена: в эпоху

неолита, бронзы, раннего железа, раннего средневековья, вплоть до современности. Поскольку все эпохи представлены конкретными памятниками, давшими реальные вещи, можно проследить несомненную преемственность, свидетельствующую об отсутствии каких-либо катастроф, которые привели бы к уничтожению предшествующего населения и его культуры.

На протяжении различных эпох на территорию Кольского полуострова, вероятно, проникало некоторое количество нового населения из более южных областей, однако, судя по археологическим данным, оно не было сколько-нибудь значительным. Вероятнее всего, являясь родственным аборигенам, смешивалось с ним. Таким образом, отсутствие перерыва в археологических источниках указывает, с нашей точки зрения, на то, что саамы формировались на местной основе, хотя полностью не исключается и возможность участия в этом процессе некоторых пришельцев, но, по-видимому, уже в исторический период.

* * *

В весьма небольшой по объему книге мы смогли коснуться лишь основных этапов развития древней истории Кольского полуострова, попытались связать воедино данные археологических исследований, полученных за истекшие годы. Некоторые звенья исторического процесса не проявились еще с достаточной отчетливостью и настойчиво требуют новых поисков. Такое положение закономерно для любой науки. Кольская земля хранит немало неожиданного, и потому археология здесь имеет свое будущее. Вероятно, еще не одно поколение специалистов будет вести полевые изыскания, и нет сомнений, что труд их не пропадет даром.

В настоящее время подведение некоторых итогов более чем двадцатилетней деятельности экспедиции следует считать оправданным.

Рассматривая в целом весьма многочисленный археологический материал, можно с полным правом утверждать, что, несмотря на почти невероятные по своей суровости условия жизни древнего человека на Кольском полуострове, эта область была освоена людьми около 9000-8000 лет назад, то есть не позже, чем более южные лесные территории – Карелия, Архангельская, Вологодская области.

Хотя население и не было особенно многочисленным, все же оно обитало в различных частях полуострова – на северо-западе полуострова Рыбачий и на всем побережье от границы с Норвегией (по рекам Патсо и Шуоннйоки), на северо-востоке (на реке Харловке, в бухтах Ивановской, Лумбовке), в южной и центральной частях (на реках Кандалакше, Варзуге, Кице и других).

Так же, как и повсюду, мезолитическое население рассматриваемой области, продолжая свое развитие, со временем вступило в новую фазу эпохи камня – неолит. При этом количество обитателей увеличилось не только за счет внутреннего развития, но и, в известной мере, притока извне, очевидно, преимущественно из прилегающих с юга лесных областей. Усовершенствовались орудия труда, появилась глиняная посуда, во многом

облегчившая бытовые условия. Люди прочно освоили изготовление лодок и лыж, в большей мере способствовавших успеху охоты и сделавших более доступным рыболовство. На смену бродячей охоте и собиранию даров моря в эпоху мезолита пришла более активная форма хозяйства — охота с дифференцированным вооружением, с собакой и рыболовство с помощью сетей и разнообразных ловушек.

В связи с развитием производительных сил изменился и сам образ жизни людей – появились более долговременные поселения, в особенности по берегам рек, усложнилось домостроительство. Произошли существенные перемены и в духовном облике древних людей: общественно-производительный труд воздействовал на развитие и усложнял их мышление.

Не менее двух тысячелетий продолжалась эпоха новокаменного века на Кольском полуострове, прежде чем люди познали полезные свойства металла – вначале меди и бронзы, а затем и железа. О знакомстве с металлом свидетельствуют медный наконечник копья и куски болотной железной руды из Оленеостровского могильника, литейные формы для отливки бронзовых кельтов (топориков), найденные на стоянке Маяк II и вблизи села Пялица, а также железоплавильная печь на стоянке Ловозеро (мыс Семерка).

Однако и после этого каменные орудия не вышли из употребления – население продолжало изготавливать их. Широкому применению металла мешала трудность его обработки и, очевидно, отсутствие легкодоступных залежей сырья. Люди выискивали высококачественные каменные породы — лучшие сорта сланца, почти эмалевого кварца, близкого к горному хрусталу, и полудрагоценный халцедон, позволяющие изготавливать более рациональные формы изделий.[117]

Усовершенствование орудий труда обусловило возможность перехода на морском побережье к новой, более продуктивной форме хозяйства – морскому промыслу, при сохранении значительной роли сухопутной охоты и рыбной ловли. В соответствии с новыми хозяйственными запросами появились каменные предметы, нередко иного назначения – особенно

многочисленные крупные сланцевые наконечники копий и дротиков, костяные гарпуны и остроги, масса полировальных плит, терочников. Окатанные морские гальки широко использовали в качестве молотов для дробления руды и асбеста, применявшегося в виде примеси к глине, из которой изготовляли сосуды. Расширились связи с соседними племенами, на что указывает увеличение числа кремневых орудий, получаемых в результате обмена.

Усложнился транспорт – строились лодки, приспособленные для морского плавания, лыжи; усовершенствовалось строительство жилищ; улучшился быт, появились каменные лампы-жировики, костяные ложки. Высокого развития достигло искусство, в особенности скульптура из мыльного камня и рога, свидетельствующее о более высокой ступени познания человеком окружающего мира, о накоплении положительных знаний и усложнении верований.

По-видимому, эпоха раннего металла длилась до конца первого тысячелетия нашей эры. К числу наиболее ранних памятников, очевидно, относятся загадочные сооружения – лабиринты и сопровождающие их стоянки.

Период между первыми веками нашей эры и началом второго тысячелетия нашей эры пока наименее изучен. Более определенные свидетельства в настоящее время имеются о населении уже начала второго тысячелетия нашей эры (могильник на реке Варзуге и остатки поселений на реке Кице – Голые Горы). Очевидно, несколько более поздними по времени являются каменные кольцеобразные сооружения с очагами в середине, по-видимому следы жилищ типа кувакс древних саамов.

Нельзя однозначно решить и вопрос о происхождении саамов. Однако археологи, располагая бесспорными фактами, могут сделать ряд логических выводов – констатировать существование древнего населения на Кольском полуострове, начиная с эпохи мезолита, и непрерывное развитие его культуры. При этом весьма существенно, что полностью отсутствуют факты,

которые свидетельствовали бы о каких-либо катастрофических событиях, заставивших древнее население покинуть эту территорию. В связи со сказанным напрашивается вывод, что предки саамов даже если бы и пришли на территорию Кольского полуострова, то, попав в столь трудные специфические природные условия, вынуждены были бы приспособливаться к ним. Со временем, в результате браков пришельцев с аборигенами, неизбежно образовался бы новый антропологический тип и своеобразная культура. Таким образом, даже если и принять точку зрения некоторых специалистов, воспринимающих саамов как пришельцев с востока, мы должны будем признать, что в формировании не только культуры саамов, но и его антропологического типа значительную роль должно было играть древнее население Кольского полуострова. Археологические материалы не фиксируют массового продвижения на Кольский полуостров населения с востока.

Главной причиной изменений явилось поступательное развитие общества, дополнительным же фактором – общение с соседними более развитыми[118] племенами, заимствование их положительного технического опыта.

Таким образом, древние обитатели Кольского полуострова, как и повсюду, прошли через все стадии развития культуры – мезолит, неолит и ранний металл. Существенным при этом является отсутствие ощутимого хронологического разрыва между каждой из этих эпох у племен, живших на Кольском полуострове и в более южной лесной зоне. Помимо своеобразия материальной культуры, формы хозяйства и различия в орудиях труда, продиктованных ярко выраженной особенностью природных условий, для древнего населения Кольского полуострова характерно самобытное, достаточно развитое искусство, отражающее мировоззрение охотников-рыболовов, обитавших в Заполярье.

Однако чтобы прийти к такому выводу и утвердить за древними народами Кольского полуострова право полноценности, археологам

потребовалось немало времени и усилий. За многие годы работы экспедиции на Кольском полуострове мы не только «вросли» в научную проблематику как специалисты, но и прониклись уважением к людям, отделенным от нас тысячелетиями, в чьей судьбе мы пытались разобраться по немым вещам, в которых воплотились труд и мысль древних людей. Эти люди стали нам близки, и мы каждый раз ощущаем за них обиду, когда слышим пренебрежительное восклицание: «Да какая же древняя культура могла быть на таком Диком севере?!» Для нас это звучит и как пренебрежительное отношение ко всем ныне живущим многочисленным народам Севера Евразии.

Хотелось бы закончить эту книгу еще одним замечанием.

Наша экспедиция явилась своего рода лабораторией, где воспитались археологические кадры, способные работать в особых условиях Севера. Это означает не только умение понять специфику памятников, их стратиграфию, но и гораздо большее. Люди, работавшие в нашем коллективе, учились проходить без стонов многокилометровые бездорожные маршруты, выносить «морянку» и пронизывающие северные ветры, учились мужеству, выдержке, умению переносить любые невзгоды, делить последний кусок хлеба, не падать духом от неудач, быть верными, надежными товарищами. В экспедиции родились свои традиции – особая форма оценки людей: «С ним можно пойти в тундру», – говорили мы, что означало – «это по-настоящему надежный товарищ».

Многие члены экспедиции выросли в крупных специалистов, чьи археологические изыскания известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Руководят большими северными экспедициями: кандидат наук Л. П. Хлобыстин (Таймыр), кандидат наук И. В. Гаврилова (река Мезень); другие исследуют более южные территории: доктор наук Л. Я. Крижевская (Урал и лесостепь), кандидат наук В. И. Тимофеев (Калининградская область); ряд научных сотрудников и аспирантов завершают свои диссертации: И. В. Верещагина, Г. В. Сеницына, наш неизменный помощник

В. Я. Шумкин. В течение многих лет большую помощь экспедиции оказывала лаборант В. Ф. Кантонистова, в экспедиции выросла в специалиста студентка Л. Шаяхметова и другие. Более того, за долгие годы работы экспедиция приобрела верных друзей среди инженеров, геологов, физиков, врачей, педагогов.

Всем названным здесь товарищам я выражаю свою глубокую признательность.[119]

Содержание

От автора	7
Дороги в прошлое	9
Эпоха мезолита	30
Неолит	43
Эпоха раннего металла	73
Искусство древнего человека	133
Лабиринты	156
Раннее средневековье	166
Древнее и современное население	173

Нина Николаевна Гурина
ВРЕМЯ, ВРЕЗАННОЕ В КАМЕНЬ

Из истории древних лапландцев

Иллюстрации автора

Редактор **Г. П. Бритвина**, художественный редактор **В. С. Жарков**, технический редактор **Т. В. Кабанова**, корректоры **В. П. Рябниина**, **С. П. Тетерина**. ИБ № 328. Сдано в набор 20.04.82. Подписано в печать 15.11.82. ПН-03167. Формат 70х90/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уел. печ. л. 8,78. Усл. кр.-отг. 9,73. Уч.-изд. л. 9,48. Тираж 5000 экз. Заказ 3606. Цена 45 коп. Мурманское книжное издательство, г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Мурманская областная типография, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18